

Н. И. Тимковскій.

ТЬМА.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

(Удостоена преміи Вучины).

ДѢЛО ЖИЗНИ*).

Сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ.

(Удостоена преміи Вучины).

*) Настоящее изданіе предназначается для читающей публики и къ представленію не разрѣшено; изданіе же, предназначенное для сцены, принадлежитъ театральной библіотекѣ С. Ѳ. Разсохина.

1904.

Изданіе магазина „Книжное Дѣло".

Москва, Моховая, д. Варваринскаго О-ва, и Арбатъ, д. Юрасова.

Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Екатерининская ул., д. № 6.

Дозволено цензурою. Москва, 18 октября 1903 года.

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., С. Д.

ТЬМА.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ

Н. И. Тимковскаго.

ЛИЦА:

Романъ Борисовичъ Тохтамышевъ.

Ольга Лаврентьевна, жена его.

Лаврентій Ивановичъ Каминскій, ея отецъ.

Юлія, дочь его.

Константинъ, сынъ его.

Пелагея Никифоровна, тетка Ольги по матери.

Кириллъ Борисовичъ, братъ Тохтамышева.

Антонъ Николаевичъ Волчаниновъ.

Юрій Савельичъ Сборщиковъ, домашній секретарь Романа Борисовича Тохтамышева.

Илья, лакей Р. Б. Тохтамышева.

Дарья, горничная Ольги Лаврентьевны.

Первыя два дѣйствія происходятъ въ домѣ Р. Б. Тохтамышева, остальныя — въ усадьбѣ, снимаемой Волчаниновымъ.

Между 2-мъ и 3-мъ дѣйствіями проходитъ около года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Большая комната на половинѣ Ольги Лаврентьевны.

I. Каминскій, Илья.

(Каминскій входитъ, Илья слѣдуетъ за нимъ).

Каминскій. Романъ Борисовичъ у себя въ кабинетѣ? *(Идетъ къ правой двери.)*

Илья *(загораживаетъ ему дорогу).* Къ ихъ превосходительству нельзя-съ: у нихъ докторъ. *(Какъ бы дѣлая выговоръ Каминскому).* Ихъ превосходительство въ разстройствѣ.

Каминскій. Гм... Вы однако, Илья Прохоровичъ, доложите обо мнѣ, когда докторъ уѣдетъ: мнѣ нужно.

Илья *(ворчливо).* Мало ли кому нужно.

Каминскій. Вы забываетесь, почтеннѣйшій. Я не „мало ли кто“: я—тесть Романа Борисовича!

Илья (*съ насмѣшливымъ вздохомъ*). Да... тесть.

Каминскій. И дворянинъ.

Илья. Да... дворянинъ.

Каминскій. А вы... лакей! Вы не смѣете такъ разговаривать со мной! И вообще вы... вы... (*Горячится и не находитъ словъ*). Прошу не забываться! (*Справа слышится звонокъ.*)

Илья (*поспѣшно уходитъ на звонокъ*).

Каминскій *(вслѣдъ ему).* Хамъ! *(Входитъ Юлія).*

2. Юлія.

Юлія. Милыя сцены у насъ происходятъ... Здравствуйте, папаша. (*Подходитъ къ столу и небрежно просматриваетъ лежащіе на немъ журналы.*)

Каминскій. Не можешь, какъ слѣдуетъ, поздороваться съ отцомъ? Неглижерка!

Юлія. Прикажете ручку поцѣловать?

Каминскій. Юлія, не дерзи!.. Какія сцены происходятъ?

Юлія (*пренебрежительнымъ тономъ.*) Ихъ превосходительство изволили приревновать Ольгу къ доктору.

Каминскій. Опять!

Юлія. Кажется, они изволили окончательно рехнуться. (*Беретъ иллюстрированный журналъ и полуложится съ нимъ на кушетку*).

Каминскій (*съ отчаяніемъ*). Ахъ!.. (*Взглянувъ на Юлію и внезапно вспыливъ*). А тебѣ и горя мало, что всѣ мы изъ-за твоей сестры висимъ на волоскѣ? Ты... ты, чортъ знаетъ, что за человѣкъ!

Юлія. Знаете что, папаша: мнѣ все здѣсь до такой степени опостылѣло, что я рада бѣжать отсюда на край свѣта. Дайте мнѣ денегъ: я уѣду куда-нибудь.

Каминскій. Что-о?

Юлія. У васъ есть деньги: вы седьмой годъ управляете домами своего милаго зятюшки.

Каминскій. Это чтобы я отдалъ тебѣ деньги, скопленныя мною по грошамъ на черный день? Нѣтъ, голубушка, ты, видно, забыла, какъ насъ нужда грызла. Ну, а я не забылъ! Я каждое утро просыпаюсь со страхомъ, что—вотъ мы опять оборвемся и полетимъ... А ты хочешь, чтобы я изъ своихъ сбереженій... Не трогайте меня! Не дамъ, не дамъ!

Юлія (*апатично-презрительнымъ тономъ*). Успокойтесь: ничего мнѣ отъ васъ не нужно, и никуда я не уѣду.

Вотъ буду лежать на диванѣ и проклинать жизнь. (*Илья выходитъ съ озабоченнымъ видомъ изъ правыхъ дверей и идетъ къ среднимъ*).

3. Илья

Каминскій (*заискивая передъ Ильей и въ то же время внутренно раздражаясь этимъ*). Что, какъ Романъ Борисовичъ?

Илья (*не глядя на него*). Гнѣваются.

Каминскій. На кого? За что? Послушайте... (*Илья уходитъ, не удостоивая его отвѣтомъ*). Ну, вотъ! Ну, вотъ! Нашъ баринъ „гнѣваются"... А все изъ-за Ольги, все изъ-за нея. Десятый годъ замужемъ: пора бы обтерпѣться, приладиться какъ-нибудь, а она... Придутъ для насъ черные дни, опять придутъ! (*Входитъ Константинъ въ вицъ-мундирѣ*).

4. Константинъ.

Константинъ. Что такое у насъ творится? Я сейчасъ зашелъ къ Роману Борисовичу: онъ глядитъ волкомъ. Должно-быть, Ольга опять обозлила его? Опять какая-нибудь исторія?

Юлія. У насъ эти исторіи происходятъ ежедневно.

Каминскій. Ты со службы сейчасъ?

Константинъ. Да, со службы... Можете поздравить меня: мѣсто отдано Горшанкину.

Каминскій. Какъ! Да вѣдь оно было обѣщано тебѣ!

Константинъ. Тогда было одно, а теперь другое: Романъ Борисовичъ рѣшительно охладѣлъ ко мнѣ. У насъ въ отдѣленіи, разумѣется, замѣтили эту перемѣну и сейчасъ же стали третировать меня: сегодня даже курьеръ какъ-то нехотя поклонился...

Каминскій. Хамъ!

Константинъ. Ну, да мнѣ чортъ съ нимъ, — я прези-

раю этихъ людишекъ, скверно то, что меня теперь затрутъ... Вѣдь всѣ лѣзутъ впередъ и рвутъ другъ у друга! Скверно то, что всѣ эти льстивыя бездарности опередятъ меня, и не я буду приказывать имъ, а они мнѣ... и какой-нибудь Горшанкинъ будетъ дѣлать мнѣ, Каминскому, выговоры!

Каминскій. Придутъ... охъ, придутъ черные дни!.. А все изъ-за Ольги! Это все Ольга виновата, все Ольга! (*Ольга въ дверяхъ*).

5. Ольга.

Ольга (*съ горечью*). „Все Ольга?“ За что же такъ? Что вамъ сдѣлала Ольга?

Каминскій (*съ насмѣшливымъ поклономъ*). Какъ изволите здравствовать, ваше превосходительство?

Ольга. Зачѣмъ вы каждый разъ встрѣчаете меня этой насмѣшкой? Не вы ли сами уговорили меня выдти за Тохтамышева?

Каминскій. Тс!..

Константинъ. Гм... ей все хочется внушить намъ, что она вышла замужъ для нашего блага!

Ольга. Да, да, ради васъ! Вы это хорошо знаете.

Константинъ. Смѣшно, душа моя, говорить о самопожертвованіи, когда мѣняютъ нищенскую жизнь на обезпеченную.

Ольга. Да развѣ я когда-нибудь боялась нужды? Меня вотъ эта обезпеченность пугаетъ гораздо больше, чѣмъ нищета. Мнѣ васъ было жалко, васъ, и для васъ я отказалась отъ любимаго человѣка!

Каминскій. Тс...Потише, потише... Это все слова одни. Если бы ты хорошо жила съ мужемъ, тогда бы и намъ было хорошо А ты какъ себя держишь съ нимъ? Все какъ-то исподлобья, все норовишь въ сторону отъ него... Ну, вотъ нашъ баринъ и сталъ держать насъ

въ черномъ тѣлѣ: за тебя мститъ. Я—управляющій домами, а живу въ какомъ-то курятникѣ... И всякій хамъ ломается надъ нами. Лакеишка вонъ и докладывать не хочетъ. Константина обошли мѣстомъ. Каково это намъ?

Ольга. А мнѣ каково живется—этого вы не хотите знать?.. Сейчасъ только я вынесла отъ мужа ужасную сцену... У меня до сихъ поръ дрожатъ руки... видите?.. Я шла къ вамъ, какъ къ роднымъ, близкимъ моимъ, хотѣла подѣлиться горемъ, а вы...

Каминскій. А зачѣмъ ты любезничала съ этимъ эскулапомъ?

Ольга. И вамъ не соьѣстно дѣлать мнѣ такіе упреки?.. Я только разговаривала съ нимъ, какъ съ докторомъ,—вотъ вся моя вина. Вамъ это хорошо извѣстно. Неужели я даже разговаривать не смѣю?

Константинъ. Да, ужъ лучше совсѣмъ не разговаривать.

Ольга. Это, наконецъ, невыносимо! Я и такъ брожу по цѣлымъ днямъ изъ угла въ уголъ, какъ тѣнь. Я боюсь пойти куда-нибудь, боюсь пригласить кого-нибудь къ себѣ, чтобы не навлечь подозрѣній мужа. Онъ меня даже къ моимъ роднымъ ревнуетъ...

Каминскій. Ты боишься навлечь подозрѣнія мужа? Да? *(Понизивъ голосъ)*. Ну, а Волчаниновъ? Это какъ по-твоему? Зачѣмъ опять пріѣхалъ сюда этотъ безшабашный?

Юлія *(саркастически)*. Ну, конечно, затѣмъ, чтобы повидаться съ Костенькой, вспомнить старую дружбу!..

Константинъ. Вздоръ! Не я ему здѣсь нуженъ.

Каминскій. Ольга, онъ не долженъ бывать здѣсь. Не ко двору онъ! Поняла? Или все еще не понимаешь?

Константинъ. Не заставляй насъ объяснять: выйдетъ очень некрасиво.

(Въ дверяхъ появляется Пелагея Никифоровна; въ рукахъ у нея книга въ старинномъ переплетѣ).

Ольга *(вспыливъ)*. Оставьте вы свои намеки и насмѣшки! Говорите прямо: я требую этого,—слышите? Мнѣ, наконецъ, надоѣло!.. *(Видитъ тетку и замолкаетъ)*.

6. Пелагея Никифоровна.

Пел. Ник. *(обводя присутствующихъ взглядомъ)*. Все злобитесь? Все обижаете другъ дружку? Доколѣ жъ это будетъ? Опомнитесь, самолюбцы! Когда вы перестанете омрачать души свои? *(На Ольгу слова тетки производятъ замѣтное впечатлѣніе; она проводитъ рукой по лбу, какъ человѣкъ, старающійся придти въ себя)*.

Юлія. Знаешь, тетенька: тебѣ бы по покойникамъ читать.

Пел. Ник. Молчи! Чего ты день-деньской лежишь, бѣса тѣшишь? Что замышляешь въ своемъ праздномъ сердцѣ?

Юлія. А вотъ думаю: хорошо, если бы вдругъ потолокъ обвалился...

Пел. Ник. Обуздай ты свой языкъ! Найди работу, возьми послушаніе: вотъ мысли-то гнилыя и отойдутъ прочь.

Юлія. Это только ты такая счастливая: готова воду на себѣ возить для спасенія души.

Пел. Ник. Господи милосердный, что это на свѣтѣ дѣлается! Вездѣ лѣнь, вездѣ роскошь, зависть, ненависть!.. Смириться надо: легче будетъ, любви больше будетъ.

Константинъ. А, поди ты съ своей елейностью! Намъ нужно прежде всего положеніе себѣ пріобрѣсти... Мнѣ уже за 30, а что я такое? Мизерность! А тутъ толкуютъ о чувствахъ... Глупо!

Каминскій. Вотъ когда у насъ будетъ 20... 30... 100 тысячъ, тогда мы и о чувствахъ поговоримъ. А теперь надо изловчаться, надо кланяться нашему барину... Время

подлое. Лютое время. Спасайся, кто можетъ! *(Пелагеѣ Никифоровнѣ)*. Внуши это Ольгѣ!

Пел. Ник. Стыдись! Глаза тебѣ затуманила жадность. Хочешь весь міръ пріобрѣсти? Смерть-то не за горами: вонъ она!

Каминскій *(смущается, потомъ сердится)*. Ну, ну... проповѣдница!.. Ты и говорить-то по-человѣчески не умѣешь!..

Пел. Ник. Эхъ, глаза бы мои не глядѣли на васъ! Бога вы растеряли. Трудовъ—тяжести понести никто не хочетъ. Каждому только до себя... Всѣ—торопливые, всѣ нетерпѣливые, всѣ дрожатъ надъ собою, всѣ ропщутъ... Стонотные! *(Подходитъ къ Ольгѣ)*. Олюшка, ликъ у тебя сталъ нехорошій. Жалко мнѣ тебя. *(Ласкаетъ Ольгу)*.

Ольга. Тетя, скажи мнѣ: зачѣмъ у насъ всегда этотъ безпросвѣтный мракъ?.. Точно туча какая нависла... Мы никогда не пошутимъ, не посмѣемся вмѣстѣ, не приласкаемъ другъ друга...

Константинъ. Намъ не до сладостей!

Ольга *(ко всѣмъ)*. Ну, будемъ же добрыми... ну, прошу васъ... для себя прошу! А то все такъ мрачно, мрачно... Я точно хожу около пропасти; становится жутко, страшно... Мнѣ начинаетъ казаться, что я... *(Справа входитъ Романъ Борисовичъ. Увидя его, Ольга обрывается)*.

7. Тохтамышевъ; потомъ Илья.

Тохтамышевъ. А, вся семейка въ сборѣ. Вся толкучка тутъ! *(На Пел. Ник.)*. И юродивая здѣсь?

Пел. Ник. *(истово кланяется Тохтамышеву и уходитъ)*.

Тохтамышевъ *(вслѣдъ ей)*. Шутиха!

Каминскій *(лебезя передъ Тохтамышевымъ)*. Какъ здоровье вашего превосходительства? Изволили прогули-

ваться сегодня? Атмосфера удивительная: дышишь, можно сказать, всѣми жабрами...

Тохтамышевъ. Мы послѣ поговоримъ съ вами... только не о погодѣ. *(На Юлію)*. Хм... Нечесаная... съ разодранными рукавами... Очень мило!

Юлія *(равнодушно посмотрѣвъ на свой рукавъ)*. Ничего.

Каминскій *(дѣлаетъ Юліи укоризненные знаки)*. Неглижерка!

Юлія *(лѣниво поднимаясь съ мѣста)*. Что жъ, я могу и уйти. Мы не ожидали видѣть здѣсь ваше превосходительство; вы отвели эту половину для Каминскихъ: это—наша Камчатка.

Тохтамышевъ. Прошу васъ не иронизировать и быть поскромнѣе!

Юлія. Не кипятитесь: я убираюсь на свой шестокъ. *(Уходитъ)*.

Тохтамышевъ *(Ольгѣ)*. Твоя физіономія, мой другъ, не выражала ничего лестнаго для меня, когда я вошелъ. Вѣроятно, жаловалась на изверга-мужа?

Каминскій. Отнюдь нѣтъ, ваше превосходительство!.. Она... *(Тохтамышевъ не слушаетъ его)*.

Тохтамышевъ *(Константину)*. А къ вамъ, молодой человѣкъ, пришелъ вашъ пріятель, Волчаниновъ... Я мелькомъ видѣлъ его; онъ проскользнулъ...

Константинъ. Къ сожалѣнію, мнѣ некогда заниматься съ пріятелями.

Ольга. Если онъ твой пріятель, то зачѣмъ этотъ непріятельскій тонъ?

Тохтамышевъ *(быстро обернувшись на Ольгу, пытливо смотритъ на нее, потомъ обращается къ Константину)*. Видите, мы съ женушкой добрѣй васъ. Подите, подите къ вашему пріятелю... не стѣсняйтесь.

Илья *(входя)*. Константинъ Лаврентьичъ, васъ тамъ спрашиваютъ.

Тохтамышевъ. Идите же, говорятъ вамъ.

Константинъ *(уходитъ; Илья за нимъ).*

Каминскій. Ваше превосходительство, простите меня великодушно, но только намъ обидно видѣть ваше нерасположеніе. Все-таки насъ съ вами связываютъ родственныя узы; а между тѣмъ, я теперь не могу къ вамъ безъ доклада... и даже съ докладомъ... То же скажу и относительно квартиры... И вообще... прежде ваше превосходительство были для меня: „дорогой Романъ Борисовичъ", а теперь вы поставили дѣло такъ, что я не могу ваше превосходительство титуловать иначе, какъ „вашимъ превосходительствомъ"... *(Пауза. Тохтамышевъ молча смотритъ на Каминскаго).* А между тѣмъ мы всѣ такъ любимъ ваше превосходительство...

Тохтамышевъ. „Мое превосходительство?" Спасибо, милый, спасибо.

Каминскій. Мы всѣ стараемся: я стараюсь... Константинъ старается,—а ваше превосходительство...

Тохтамышевъ. А не находите ли вы, любезнѣйшій, что мы достаточно поговорили съ вами,—а?

Каминскій *(опѣшенный).* То-есть... Это что же?

Тохтамышевъ. Вѣдь этакъ мы, пожалуй, и надоѣдимъ другъ другу?

Каминскій. Я не знаю, ваше превосходительство, что вы имѣете противъ меня, но я... я лучше уйду-съ... *(Уходитъ).*

Ольга. Если вы считаете меня виноватой, то срывайте свой гнѣвъ на мнѣ, а не на другихъ!

Тохтамышевъ *(прохаживается, потирая грудь и стараясь скрыть свое лицо отъ Ольги; дѣлаетъ усилія сдержать себя).* Да, и въ самомъ дѣлѣ... что это я?.. Чувствую, что становлюсь не въ мѣру раздражителенъ. Это—болѣзнь... Вотъ и съ докторомъ у меня тоже вышло что-то дикое... Не ставь мнѣ этого въ вину. Какъ человѣкъ больной, я не всегда въ себѣ властенъ... А я, другъ мой, боленъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ самъ думалъ.

Вчера я былъ у профессора Тимохина, и онъ не могъ скрыть отъ меня... *(Останавливается, слѣдя за женой).*

Ольга *(смотритъ въ землю).* Что же онъ сказалъ вамъ?

Тохтамышевъ. Ничего утѣшительнаго,—по крайней мѣрѣ, для меня.

Ольга. Что же именно?

Тохтамышевъ. Мое дѣло плохо... очень плохо.

Ольга *(сильно взволнованная).* Развѣ онъ вамъ сказалъ?..

Тохтамышевъ *(пристально смотря на нее).* Что?

Ольга. Да вотъ... о вашей болѣзни...

Тохтамышевъ. Сказалъ. *(Пауза).* Мнѣ необходимо совершенно измѣнить жизнь. Надо намъ разъѣхаться съ тобою.

Ольга *(насторожившись).* Какъ? Вы говорите, что...

Тохтамышевъ. Когда ты у меня на глазахъ, я не могу быть спокойнымъ... Всѣ эти десять лѣтъ я былъ мученикомъ своей ревности...

Ольга *(тихо).* Да... и мучителемъ вмѣстѣ.

Тохтамышевъ *(съ трудомъ сдерживая себя).* Можно бы этого и не говорить сейчасъ. Во всякомъ случаѣ, я имѣю право ждать большей благодарности отъ людей, которыхъ я вытащилъ изъ грязи.

Ольга. Не изъ грязи, а изъ нужды.

Тохтамышевъ. Ты ужъ очень-то не воображай себя жертвой... Впрочемъ, теперь не время сводить счеты. Ясно одно: наша совмѣстная жизнь продолжаться не можетъ... особенно съ тѣхъ поръ, какъ ты объявила мнѣ молчаливую войну, которая, конечно, ни къ чему хорошему не поведетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что это за жизнь: я вхожу въ комнату,—ты тотчасъ же дѣлаешь невольное движеніе, чтобы уйти изъ нея; я заговариваю съ тобой,—ты отдѣлываешься невнятными словами или величественно молчишь... И вообще, ты живешь въ моемъ домѣ, какъ въ гостиницѣ, гдѣ я являюсь какимъ-то метръ-д'отелемъ.

Ольга. Нѣтъ, не въ гостиницѣ, а въ одиночномъ заключеніи, гдѣ у меня отняты права на все...

Тохтамышевъ. Гм... какъ ты стала сильно выражаться. Такихъ рѣчей я еще не слыхивалъ отъ тебя... Пожалуйста, не изображай меня какимъ-то злодѣемъ. Впрочемъ, это еще больше доказываетъ, что намъ нельзя жить вмѣстѣ. Я долго думалъ объ этомъ, долго боролся съ собой и теперь окончательно рѣшилъ: мнѣ необходимо уѣхать отъ тебя.

Ольга. Куда же?

Тохтамышевъ. Да, да... теперь, разумѣется, весь вопросъ только въ томъ: куда? Ну, куда-нибудь заграницу или просто къ себѣ въ имѣніе. Это будетъ лучше для насъ обоихъ... не правда ли?

Ольга *(послѣ колебанія)*. Да, лучше.

Тохтамышевъ. Ну, вотъ видишь. Въ первый разъ мы сошлись съ тобой во взглядахъ... Уѣхавъ отъ тебя, я, конечно, предоставлю тебѣ полную свободу, и ты тогда можешь открыто любить того, кого теперь любишь тайкомъ.

Ольга *(въ тревогѣ, насторожившись)*. Что значатъ ваши слова?

Тохтамышевъ. Ну, полно,—не таись отъ меня. Къ чему притворяться? Вѣдь теперь передъ тобой не ревнивый мужъ, а удрученный болѣзнью инвалидъ, которому не нужно ничего, кромѣ спокойствія... Ну, полно же.

Ольга. Чего вы хотите отъ меня?

Тохтамышевъ. Правды—вотъ чего я хочу. Скажи мнѣ прямо, кого ты любишь? Мнѣ это необходимо знать, въ виду того шага, который я собираюсь сдѣлать *(Пауза)*. Гм... Твое молчаніе краснорѣчиво.

Ольга. Я не вѣрю въ вашу искренность.

Тохтамышевъ. Стану ли я лукавить съ тобой, когда мнѣ, можетъ-быть, въ недалекомъ будущемъ грозитъ смерть?

Ольга. Вы никогда не говорили со мной такимъ языкомъ.

Тохтамышевъ. А теперь говорю, потому что положеніе наше должно очень рѣзко измѣниться. Если я предоставляю тебѣ полную свободу, то имѣю право требовать отъ тебя полной откровенности. *(Ольга молчитъ, не поднимая глазъ. Тохтамышевъ смотритъ на нее, и въ его лицѣ смѣняются разныя чувства).* Ну, что же?.. Я жду. (*Приближается къ ней*). Молчишь? Да что ты сидишь, точно мертвая? Или думаешь отмолчаться? Такъ я заставлю тебя... *(Хватаетъ ее за руку. Входитъ Волчаниновъ и, увидя Тохтамышева, останавливается въ дверяхъ).*

8. Волчаниновъ.

Тохтамышевъ. Г. Волчаниновъ, если не ошибаюсь? И безъ доклада?

Волчаниновъ. Я разсчитывалъ найти здѣсь Константина. Онъ ушелъ отъ меня и пропалъ... Во всякомъ случаѣ... извините.

Тохтамышевъ *(протягивая ему руку)*. Пожалуйте, пожалуйте... Милости просимъ!

Волчаниновъ *(здоровается съ Ольгой).*

Тохтамышевъ. А вы съ женой знакомы? Оленька? Да, конечно, знакомы!

Волчаниновъ. Еще бы! Я былъ знакомъ съ Ольгой Лаврентьевной, когда она не была еще вашей женой. Неужели вы этого не помните?

Тохтамышевъ. Да, да, и правда: вѣдь вы старые друзья, хотя сами еще далеко не стары... Хе-хе! Простите неудачную остроту.

Волчаниновъ. Можетъ-быть, я помѣшалъ вамъ?

Тохтамышевъ. О, нѣтъ! Мы просто бесѣдовали съ женушкой о томъ о семъ... Однако, посмотрю я на васъ, какой вы молодецъ,—а? Чай, съ докторами не знаетесь?

Да что же вы не присядете? *(Укоризненно)* Оленька!.. Ахъ, какъ ты не любезна! Можно подумать, что ты не рада гостю.

Волчаниновъ. Ничего, мы свои люди. *(Садится; Ольгѣ).* Вамъ, должно быть, нездоровится?

Ольга. Да, немножко...

Тохтамышевъ *(беретъ жену за подбородокъ).* Капризимся мы все, нервничаемъ. Всѣ жены таковы. *(Волчанинову, лицо котораго нервно передергивается).* Что съ вами? Не зубъ ли болитъ?

Волчаниновъ. Да, зубъ...

Тохтамышевъ. Такъ вырвите его скорѣе, а то на васъ жалко смотрѣть.

Волчаниновъ *(загадочнымъ тономъ).* Да, лучше сразу вырвать...

Ольга *(порывисто встаетъ съ мѣста и идетъ).*

Тохтамышевъ. Куда ты, другъ мой? Могутъ подумать, что ты бѣгаешь отъ своихъ гостей.

Ольга. Я пойду, разыщу брата. *(Уходитъ).*

Тохтамышевъ. Ну-съ, очень радъ побесѣдовать съ вами. Извините, запамятовалъ: какъ ваше имя и отчество?

Волчаниновъ. Антонъ Николаевичъ... Да вы все шутите, ваше превосходительство. Съ вашей памятью да забыть? Вы никогда ничего не забываете.

Тохтамышевъ. Гдѣ ужъ! Старенекъ сталъ... Ну, вотъ, наконецъ, вы и у меня... Очень радъ, очень радъ. Сожалѣю, что все приходилось видѣть васъ мелькомъ. По несчастной случайности, вы всегда попадали къ намъ, когда меня не бывало дома или когда я собирался на какое-нибудь скучное засѣданіе. Надолго пріѣхали?

Волчаниновъ. Самъ еще не знаю.

Тохтамышевъ. По дѣламъ?

Волчаниновъ. По дѣламъ.

Тохтамышевъ. Вѣдь вы, кажется, статистикой занимаетесь?

Волчаниновъ. Да... и статистикой.

Тохтамышевъ. Доброе дѣло, доброе дѣло. *(Входитъ Сборщиковъ съ бумагами).*

9. Сборщиковъ.

Сборщиковъ. Тутъ дѣловыя письма, ваше превосходительство, весьма спѣшныя. *(Приторнымъ тономъ).* А, Антонъ Николаевичъ! *(Подходитъ съ протянутой рукой).*

Волчаниновъ *(неохотно подаетъ ему руку).*

Тохтамышевъ *(Сборщикову).* Подождите меня въ кабинетѣ: я сейчасъ.

Сборщиковъ. Очень хорошо, ваше превосходительство. *(Идетъ и останавливается).* Завернули бы какъ-нибудь ко мнѣ, Антонъ Николаевичъ,—я вѣдь тутъ живу. Побесѣдовали бы мы съ вами, вспомнили бы старое.

Волчаниновъ. Извините, у меня нѣтъ для этого времени.

Сборщиковъ. Жаль, жаль... Я много наслышанъ о васъ, какъ вы тамъ у себя въ уѣздѣ воюете... Хотѣлось бы поразспросить... Простите, ваше превосходительство! *(Уходитъ. Входитъ Константинъ, переодѣтый въ домашній пиджакъ).*

10. Константинъ.

Константинъ. Извини, братъ: заваленъ дѣломъ по горло.

Тохтамышевъ *(Константину).* Однако нельзя сказать, чтобы вы были особенно гостепріимны. Какъ же это? Вѣдь г. Волчаниновъ пожаловалъ къ вамъ,—именно къ вамъ... Или я ошибаюсь?

Константинъ *(смущенно).* Да, ко мнѣ... но я...

Тохтамышевъ. Нѣтъ, ужъ вы побесѣдуйте съ другомъ вашей юности... *(Волчанинову).* А съ меня не взыщите: меня ждетъ мой секретарь. *(Уходитъ).*

Волчаниновъ. Константинъ, говори безъ обиняковъ: ты намѣренно избѣгаешь меня?

Константинъ. Что за идея!

Волчаниновъ. Скоро мѣсяцъ, какъ я пріѣхалъ,—и до сихъ поръ не могу поговорить съ тобой по-человѣчески.

Константинъ. Гм!..

Волчаниновъ. Встрѣчаясь со мной, ты все какъ-то ежишься, моргаешь какъ-то неестественно... Скажи на милость: что это значитъ?

Константинъ. Ты пріѣхалъ сюда не для меня, а дѣлаешь видъ, будто ходишь ко мнѣ...

Волчаниновъ. Ну?

Константинъ. Ты даешь Роману Борисовичу поводъ подозрѣвать меня въ соучастничествѣ... Чуть не въ заговорѣ противъ него... Извини... можетъ быть, я не такъ выразился...

Волчаниновъ. Нѣтъ, именно такъ. Не смущайся.

Константинъ. Ты, безъ всякаго соглашенія со мной, вздумалъ сдѣлать меня орудіемъ для своихъ цѣлей, которымъ я, можетъ быть, даже и не сочувствую.

Волчаниновъ. Есть вещи, относительно которыхъ между порядочными людьми всегда существуетъ молчаливое соглашеніе. Не знаю, какъ теперь, а прежде у насъ съ тобой оно было.

Константинъ. Ну, тогда мы только и дѣлали, что вели горячія бесѣды да строили широкіе планы.

Волчаниновъ. А теперь ты служишь въ департаментѣ, подъ крылышкомъ у Тохтамышева, „добру и злу внимая равнодушно?“ Такъ?

Константинъ. А что же? Все лучше, чѣмъ болтать и строить широкіе планы, которые всегда разлетаются, какъ мыльные пузыри.

Волчаниновъ. Не буду спорить... Я боюсь только, что въ тебѣ успѣло образоваться молчаливое соглашеніе

съ людишками, въ родѣ Сборщикова, имя которымъ— легіонъ.

Константинъ *(вскипѣвъ)*. У меня—съ Сборщиковымъ?.. Только тупые люди могутъ ставить меня на одну доску съ нимъ!

Волчаниновъ. Ну, ну... зачѣмъ такъ брезгливо?

Константинъ. Сборщиковъ всю жизнь наушничалъ, чтобы пролѣзть въ люди, попался въ какомъ-то скверномъ дѣлѣ и былъ уволенъ со службы безъ прошенія... Ты понимаешь, что это значитъ: „безъ прошенія?"... Тохтамышевъ цѣнитъ въ немъ не человѣка, а преданнаго холопа—вотъ и все... Что можетъ быть у меня общаго съ этимъ господиномъ? Въ душѣ я попрежнему презираю низкопоклонство, — презираю, можетъ быть, даже тѣхъ самыхъ Тохтамышевыхъ, отъ которыхъ всецѣло завишу.

Волчаниновъ. Однако, ты смѣлъ, если не боишься такъ громко заявлять объ этомъ вблизи своего патрона. *(Киваетъ по направленію къ кабинету Тохтамышева)*.

Константинъ. Ничего: его половина отдѣляется коридоромъ.

Волчаниновъ *(насмѣшливо)*. Да,—ну, если коридоромъ...

Константинъ. Ты насмѣхаешься?

Волчаниновъ. Нѣтъ, зачѣмъ же... *(Серьезнымъ тономъ)*. Константинъ, скажи мнѣ искренно, по старой памяти: жизнь, что ли, тебя такъ перемолола?

Константинъ. Нѣтъ, ты лучше скажи мнѣ: какъ тебѣ-то не надоѣстъ вѣчно ходить около жизни, ворчать на нее и показывать изъ кармана кукишъ? Мнѣ, признаюсь, это давно опротивѣло. Я понялъ наконецъ, что я, со всѣми своими идеалами и грандіозными планами, остаюсь въ жизни совершеннымъ ничтожествомъ. Пока мы съ тобой философствуемъ о жизни, цѣпкіе люди лѣзутъ въ гору. Они снимаютъ съ жизни сливки, а мы только облизываемся на нихъ... Пройдись по

Невскому, посмотри на эту толпу сытыхъ людей, на вереницу экипажей, которые обдаютъ тебя грязью, на всѣхъ этихъ тузовъ и королей изъ разныхъ колодъ,— и ты почувствуешь себя, со всѣми твоими высокими убѣжденіями и замыслами, жалкой козявкой, которую вотъ-вотъ раздавятъ... Нѣтъ, ужъ если ты рѣшилъ продраться впередъ сквозь толпу, такъ не жалѣй локтей: вѣдь тутъ идетъ ожесточенная свалка, въ которой шерсть летитъ клочьями... Пойми же меня: я не хочу быть ничтожествомъ! Я хочу быть силой, имѣть въ своихъ рукахъ власть. Теперь я только ничтожный винтикъ въ государственной машинѣ, но я хочу стать рычагомъ,—и тогда...

Волчаниновъ. Ну, тогда мы и поговоримъ объ этомъ; а пока ты пресмыкаешься передъ Тохтамышевыми, которые душатъ все живое, и преспокойно смотришь, какъ твоя сестра изнываетъ въ невыносимой жизни.

Константинъ. Эти свѣдѣнія ты, конечно, почерпнулъ отъ Ольги?

Волчаниновъ. Да, отъ нея; но у меня и свои глаза есть, чтобы видѣть: вѣдь не въ первый разъ, какъ тебѣ извѣстно, я пріѣзжаю сюда и не первый годъ слѣжу за ея жизнью. Неужели ты не понимаешь, что такая жизнь скоро убьетъ ее? Она больна, серьезно больна... Слышишь, что я тебѣ говорю?

Константинъ. Ты, по обыкновенію, преувеличиваешь. Я знаю, что ей живется невесело, да вѣдь и меня жизнь не гладитъ по головкѣ. Ольга сама во многомъ виновата: пора бы ей бросить дѣвическія мечтанія и серьезнѣе посмотрѣть на жизнь. Вѣдь, кромѣ ея личныхъ чувствъ, существуетъ на свѣтѣ долгъ, честь мужа, интересы семьи. Она должна прежде всего уважать идею семьи и жертвовать для нея своими личными склонностями, такъ какъ не что иное, а

именно семья является одною изъ ячеекъ, составляющихъ основу всякаго государства.

Волчаниновъ. И въ силу этого сестра твоя должна погибать?.. О, деревянная философія безсердечныхъ людей. Не о государствѣ хлопочешь ты, а о своей шкурѣ! Ты хочешь, чтобы и сестра твоя служила твоей карьерѣ?

Константинъ. А ты о чемъ хлопочешь? О счастьѣ Ольги? Лжешь! Ты хочешь разрушить семью ради удовлетворенія своей личной страсти!

Волчаниновъ. Страсти? Какой страсти? У меня давно изорвалось сердце въ клочья... Не страсть говоритъ во мнѣ, а мука за Ольгу. Моя любовь—это прежде всего боль, боль,—пойми это, если можешь понять... Это сильнѣе всякой страсти. Когда я пріѣхалъ, посмотрѣлъ на нее, я готовъ былъ плакать... *(Константинъ смотритъ на часы)*. И ты можешь спокойно переваривать всѣ эти гнусности, происходящія на твоихъ глазахъ?.. Да оставь ты свои часы въ покоѣ!

Константинъ. Мнѣ некогда; у меня тамъ ворохъ бумагъ.

Волчаниновъ. Хм... Точно рѣчь о какой-нибудь собачонкѣ, а не объ его родной сестрѣ!

Константинъ. Ну, такъ скажи мнѣ наконецъ: чего же ты отъ меня хочешь?

Волчаниновъ. Я тебѣ говорю, бумажный человѣкъ, коротко и ясно: надо спасать Ольгу. Или ты мнѣ прикажешь подать сначала рапортъ о ея болѣзни?

Константинъ. Любезный другъ, „снявши голову, по волосамъ не плачутъ“. Чего же ты молчалъ десять лѣтъ тому назадъ, когда Ольга выходила за Тохтамышева?

Волчаниновъ. Я молчалъ? И ты смѣешь говорить мнѣ это? Вы всѣ отлично знали, что Ольга была моей невѣстой, но твой отецъ и тетка заставили ее пожертвовать собой для семьи, для больной матери, которую

однако не спасла отъ смерти эта гнусная сдѣлка. Я умолялъ, убѣждалъ, протестовалъ, я боролся всѣми способами противъ вашей лицемѣрной клики, но что могъ сдѣлать я, студентъ—пролетарій, не имѣющій копѣйки за душой, когда на васъ сыпались золотымъ дождемъ тохтамышевскія деньги, а Ольгѣ жужжали со всѣхъ сторонъ въ уши: „Жертвуй собой, спасай родныхъ,—это такъ благородно, идеально!“ О, теперь я вижу ясно твое двоедушіе! Ты лилъ крокодиловы слезы, возмущался для виду, а втайнѣ смотрѣлъ на сестру, какъ на лѣстницу, по которой хотѣлъ добраться до своего благополучія!

Константинъ *(блѣднѣя отъ гнѣва)*. Я попрошу тебя не говорить мнѣ такихъ вещей!.. *(Ольга въ дверяхъ)*.

11. Ольга.

Волчаниновъ *(увидѣвъ Ольгу, идетъ къ ней)*. Ольга, вотъ они, твои родные, ради которыхъ ты полѣзла въ петлю! Не надо тебѣ этихъ родныхъ! Я одинъ люблю, одинъ жалѣю тебя... и я вступлюсь за тебя!

Константинъ. Да кто далъ тебѣ право на это?

Ольга *(выступая)*. Я!

Константинъ. Ты?.. Прекрасно!.. Дальше идти некуда. Всякій стыдъ потеряла! Во всякомъ случаѣ я... умываю руки!.. *(Въ негодованіи уходитъ)*.

Волчаниновъ. Ольга,—такъ продолжаться не можетъ. Вѣдь ты таешь на моихъ глазахъ! За этотъ мѣсяцъ я изстрадался за тебя... Меня бѣшенство душитъ... Мнѣ иногда кажется, что я съ ума схожу... *(Входитъ Сборщиковъ)*.

12. Сборщиковъ.

Ольга *(поспѣшно отходитъ отъ Волчанинова)*.

Сборщиковъ. Простите: я помѣшалъ вамъ. Не забылъ ли я тутъ одной бумажки? *(Осматриваетъ комнату, бро-*

сая исподтишка быстрые взгляды на Ольгу и Волчанинова). Куда же это я ее дѣвалъ? Извините, пожалуйста. *(Уходитъ).*

Вочаниновъ. Одинъ изъ шпіоновъ Тохтамышева.

Ольга. О, какъ все это гадко, унизительно! Меня измучила эта вѣчная ложь... Я чувствую, какъ она съ каждымъ днемъ растетъ, опутываетъ меня по рукамъ и ногамъ...

Волчаниновъ *(стараясь успокоить ее).* Погоди... Не будемъ волноваться... Подумаемъ вмѣстѣ. Надо хорошенько подумать.

Ольга. Одно я знаю: мнѣ безъ тебя страшно жить... Мнѣ нужно видѣть тебя, а то я могу наложить на себя руки... А послѣ свиданія каждый разъ совѣсть грызетъ меня, стыдъ гложетъ, и я чувствую себя вдвойнѣ несчастной...

13. Юлія.

Юлія *(входя).* Что вы дѣлаете? Не нашли другого мѣста для своихъ tête à tête? Здѣсь за каждой дверью можетъ быть соглядатай.

Ольга. Ну, такъ пусть же видятъ, пусть знаютъ! Довольно лжи!

Юлія *(со злобной ноткой въ голосѣ).* Вотъ какъ расхрабрилась? А потомъ будешь каяться, прощенья просить у мужа? Ха-ха! Нѣтъ, ужъ я лучше пойду, постерегу въ коридорѣ. *(Уходитъ направо).*

Волчаниновъ *(беретъ руку Ольги и крѣпко сжимаетъ).* Ольга, ты рѣшилась? Такъ, значитъ, въ открытую? Да? Наконецъ-то! Такъ будетъ честнѣе. Только помни: когда входишь въ клѣтку звѣря, надо быть ко всему готовымъ...

Ольга. О, сколько разъ я убѣждалась въ этомъ! Но, Антонъ... *(Хватаетъ его руку)* я вѣрю чуду. Вѣдь не

все же человѣческое умерло въ немъ!.. *(Вбѣгаетъ Юлія)*.

Юлія. Людоѣдъ идетъ! *(Пробѣгаетъ въ среднюю дверь; тотчасъ вслѣдъ за ней входитъ Тохтамышевъ)*.

14. Тохтамышевъ.

Ольга *(выпускаетъ руку Волчанинова и поспѣшно отходитъ отъ него)*.

Тохтамышевъ *(обводитъ присутствующихъ подозрительнымъ взглядомъ)*. Кто это пробѣжалъ? Сестра твоя?

Ольга *(молчитъ)*.

Тохтамышевъ *(Волчанинову)*. А я думалъ, что вы здѣсь съ пріятелемъ своимъ...

Волчаниновъ. Романъ Борисовичъ...

Тохтамышевъ. Что прикажете?

Волчаниновъ. Перестанемъ хитрить другъ съ другомъ.

Тохтамышевъ. Какъ вы изволили выразиться?

Ольга. Выслушайте меня... Выслушайте терпѣливо...

Тохтамышевъ *(садится)*. Но увѣрена ли ты, другъ мой, что для г. Волчанинова это будетъ столь же интересно, какъ для насъ съ тобой?

Волчаниновъ. Зачѣмъ эти фразы? Вамъ хорошо извѣстно, что вы женились на дѣвушкѣ, которую я любилъ.

Тохтамышевъ. Вотъ какъ! А я, представьте, и не подозрѣвалъ этого.

Волчаниновъ *(съ сдержаннымъ негодованіемъ)*. Не подозрѣвали?

Ольга *(мужу съ тоской)*. Зачѣмъ вы такъ говорите?.. Умоляю васъ,—оставьте этотъ тонъ! Мы хотимъ правды... Обманъ невыносимъ для насъ... Вы спрашивали меня, кого я люблю? Вы хотѣли поймать меня въ ловушку; я знаю это, я поняла... Пускай,—все равно! Теперь говорю вамъ прямо: вотъ, кого люблю! *(Указываетъ на Волчанинова)* и всегда любила...

Тохтамышевъ. Не вѣрю... Надо быть слишкомъ безчестной женщиной, чтобы такъ обманывать мужа; а ты вѣдь у меня—святая: ты сказала бы объ этомъ прежде, чѣмъ выдти за меня. Не вѣрю, мой другъ, не вѣрю.

Волчаниновъ. Ну, а вы спросили ее тогда, т. е. прежде чѣмъ жениться на ней: любитъ ли она васъ? Нѣтъ,— вы не поинтересовались этимъ. Вы покупали себѣ вещь, которая вамъ понравилась...

Тохтамышевъ. Позвольте, любезнѣйшій...

Волчаниновъ. Вы прикинулись тогда рыцаремъ благородства, какимъ-то нѣжнымъ отцомъ, участливымъ, великодушнымъ... Вы обманули ее!

Тохтамышевъ. Постойте, постойте!.. Я ужъ и сообразить не могу. Это выходитъ черезчуръ оригинально... Жена чуть не съ гордостью объявляетъ мужу, что она всегда обманывала его, а ея возлюбленный читаетъ тому же мужу нотаціи!

Ольга. Но выслушайте же!

Тохтамышевъ. Превосходно... Ха... ха!.. Значитъ, такія вещи, какъ семейный долгъ, честь мужа, честь семьи всегда были для тебя только пустыми звуками? Ты вышла за меня для того только, чтобы пріобрѣсти обезпеченное положеніе, пристроить родныхъ, а потомъ и самой устроиться съ своимъ другомъ? Вотъ это называется: „торжество добродѣтели“! Ха, ха, ха! Значитъ, ты всю жизнь лгала?

Волчаниновъ. Трудно не лгать тамъ, гдѣ не выносятъ правды, гдѣ ненавидятъ ее, казнятъ за нее!..

Ольга *(останавливаетъ жестомъ Волчанинова и обращается къ мужу)*. Богъ свидѣтель, что я говорю вамъ правду! Выходя за васъ, я дала себѣ клятву быть вѣрной женой, подавить въ себѣ любовь къ другому...

Тохтамышевъ. Ну-съ? Что же дальше?

Ольга. Я до послѣдняго времени боролась съ собой.

Сколько разъ я просила вашего участія, дружеской поддержки, откровенно признавалась вамъ въ своихъ слабостяхъ; вы все это ставили мнѣ въ счетъ—и ничего не простили! Вы никогда не хотѣли видѣть во мнѣ человѣка...

Тохтамышевъ. Ну-съ? Я жду, чѣмъ кончится это оригинальное объясненіе?

Ольга. О, я не хочу ни обвинять васъ, ни оправдывать себя! Я хочу подойти къ вамъ съ открытою душой, сказать вамъ, что я выбилась изъ силъ, что я не могу больше жить такъ... Я прошу у васъ сострраданія, потому что я сама истерзала себя до послѣдней степени, и жизнь мнѣ сдѣлалась въ тягость...

Тохтамышевъ. Значитъ, чтобы облегчить тебѣ жизнь, я долженъ соединить любящія сердца?

Волчаниновъ. Вы находите возможнымъ глумиться?

Тохтамышевъ. Послушайте вы, пришлецъ, гость незваный, что это съ вашей стороны: наглость—или... По какому праву вы находитесь сейчасъ здѣсь, въ моемъ домѣ, осмѣливаетесь разговаривать со мной и такъ развязно признаваться мнѣ въ своей низости? Это что-то до такой степени безпринципное и разнузданное...

Ольга. Ради Бога... прошу!.. Мы не этого хотѣли...

Волчаниновъ *(съ горечью ей)*. Видно, не ко всякому можно подходить съ открытой душой!

Ольга *(мужу)*. Поймите меня,—умоляю! Мой ужасъ въ томъ, что я называюсь вашей женой, живу на ваши средства, а душой я не ваша, я—чужая! Я могу спрятать свою любовь ото всѣхъ, какъ краденую вещь, но разлюбить не могу. Можетъ быть, это низко, преступно,—но въ моей ли власти избѣгнуть такой измѣны, выбиться изъ этой лжи, которая портитъ всѣхъ, ожесточаетъ, развращаетъ? Неужели я обречена носить всю жизнь эту маску, подъ которой я задыхаюсь,

вѣчно молчать, когда мнѣ хочется крикнуть всѣмъ, что я не такая, какою меня считаютъ, что моя семейная жизнь это — одна ложь... Не смотрите на меня такъ: я говорю вамъ правду, правду!

Тохтамышевъ *(послѣ паузы)*. Я очень благодаренъ тебѣ, моя милая, за то, что ты мнѣ открыла свои сокровенныя чувства: теперь, по крайней мѣрѣ, я знаю, кто твой избранникъ. *(Смотритъ на Волчанинова)*. Славный мужчина... такой бравый!

Волчаниновъ *(едва сдерживаетъ свой гнѣвъ)*.

Тохтамышевъ. Понимаю, душа моя, какъ ты должна была страдать...

Волчаниновъ. Вы можете поступать, какъ вамъ угодно, но не смѣйте глумиться надъ человѣкомъ *(указываетъ на Ольгу)*, у котораго сердце истекаетъ кровью!

Тохтамышевъ *(едва сдерживая ярость, Волчанинову)*. Ну-съ! Теперь вы выслушайте меня, мой милый... *(Обрываетъ себя и оборачивается къ женѣ)*. Выйди отсюда. *(Ольга медлитъ)*. Извольте выйти! *(Ольга уходитъ)*.

Тохтамышевъ *(подходитъ къ Волчанинову)*. Слышите вы... господинъ избранникъ... Уѣзжайте въ 24 часа во-свояси! Поняли? *(Грозя пальцемъ передъ лицомъ Волчанинова)*. Въ 24 часа,—слышите? Ну!

Волчаниновъ *(дѣлаетъ гнѣвное движенiе, но сдерживается)*. Предупреждаю васъ: это можетъ дурно кончиться.

Тохтамышевъ. Вы слышали, что я вамъ сказалъ?

Волчаниновъ. Дайте Ольгѣ свободу,—иначе...

Тохтамышевъ. Какая Ольга? какая Ольга? Какъ вы смѣете?

Волчаниновъ. Я не позволю вамъ мучить ее,—предупреждаю!

Тохтамышевъ. Вы? Ха-ха-ха!

Волчаниновъ. Не смѣйтесь, ваше превосходительство: я нимало не расположенъ шутить. Дайте Ольгѣ свободу: такъ будетъ лучше для всѣхъ.

Тохтамышевъ. Долго ли вы будете испытывать мое терпѣніе?

Волчаниновъ. Подумайте о томъ, что я вамъ сказалъ! Даю вамъ честное слово, что это не фразы. Мнѣ не до фразъ. Тутъ для меня вопросъ жизни.

Тохтамышевъ. Уйдете ли вы наконецъ?

Волчаниновъ. Говорю вамъ: рѣшайте этотъ вопросъ, пока еще не поздно, пока еще можно рѣшить его мирнымъ путемъ. Не доводите людей до того, когда они становятся не властны надъ собой... Развязывайте скорѣй петлю, которая можетъ задушить насъ всѣхъ... Она уже душитъ, душитъ, понимаете?

Тохтамышевъ. Идите вонъ!

Волчаниновъ. Подумайте о томъ, что вы дѣлаете!.. Тутъ сила, которая можетъ исковеркать насъ всѣхъ... Я готовъ умолять васъ, какъ только умѣю: пожалѣйте хоть разъ въ жизни жену свою! Вѣдь она дожила до того, что стала желать себѣ смерти... Пожалѣйте ее, пожалѣйте всѣхъ насъ... прекратите эту пытку, дайте Ольгѣ свободу! *(Тохтамышевъ звонитъ).* Это—единственное средство рѣшить вопросъ.

Тохтамышевъ. Нѣтъ, я знаю еще средство. *(Входитъ Илья).* Выведи этого господина отсюда.

Волчаниновъ *(дѣлаетъ гнѣвное движеніе, но подавляетъ его и быстро уходитъ).*

З А Н А В Ѣ С Ъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Декорація 1-го акта. Поздній вечеръ. На сценѣ темно. Входитъ Тохтамышевъ со свѣчкой, за нимъ Кириллъ Борисовичъ. Оба выпивши; Кириллъ Борисовичъ—слегка, Тохтамышевъ - порядочно.

1. Тохтамышевъ, Кириллъ Борисовичъ.

Кир. Бор. Полно!.. Оставь!.. Терпѣть не могу семейныхъ сценъ.

Тохтамышевъ. Она прячется отъ меня! *(Кричитъ)*. Ольга!

Кир. Бор. Говорилъ тебѣ: не пей много вина, особенно рому: онъ слишкомъ ударяетъ въ голову... *(Входитъ Юлія)*.

2. Юлія.

Тохтамышевъ. Гдѣ Ольга?

Юлія. Она у меня въ комнатѣ.

Тохтамышевъ. Вы прячете ее отъ меня?

Юлія. Вамъ всегда что-нибудь мерещится.

Тохтамышевъ. Пошлите ее сюда.

Юлія. У нея голова болитъ.

Тохтамышевъ. Лжетъ!.. извивается!.. Вы всѣ лжете!

Кир. Бор. Романъ!

Юлія *(Тохтамышеву)*. Съ вами нельзя разговаривать. *(Хочетъ уйти)*.

Кир. Бор. Побудьте съ нами, божественная: вѣдь дамское общество смягчаетъ нравы... A propos, вы знаете, что Романъ, уѣзжая въ деревню, поручаетъ васъ моимъ нѣжнымъ попеченіямъ

Юлія. Я въ нихъ совершенно не нуждаюсь.

Кир. Бор. Зачѣмъ вы такъ дичитесь меня? „Вѣдь я вамъ нѣсколько сродни“!

Юлія. Извините: мнѣ некогда разговаривать, да и поздно ужъ. *(Хочетъ уйти).*

Кир. Бор. *(слѣдуя за ней).* Отчего вы никогда не поцѣлуете меня... по-родственному,—а?

Юлія. Я не люблю родственныхъ поцѣлуевъ. *(Идетъ).*

Кир. Бор. *(удерживая се).* А вотъ я задержу васъ... по-родственному!

Юлія. Подите вы! *(Вырывается и уходитъ).*

Кир. Бор. Божественный звѣрокъ! Она положительно возбуждаетъ меня. Была прежде какой-то чернавкой— и вдругъ... Есть въ ней что-то дѣйствующее на воображеніе; самая небрежность ея костюма, прически, заключаетъ въ себѣ что-то такое... вкусное... О чемъ думаетъ, чѣмъ интересуется этотъ черноволосый сфинксъ? *(Смотритъ на часы).* Однако, въ самомъ дѣлѣ, поздно. Прощай.

Тохтамышевъ *(ударяя кулакомъ по столу).* Гнусныя созданія эти женщины! Поставь передъ ними какого-нибудь молодого, здоровеннаго дѣтину,—хоть бы онъ былъ пошлъ, вульгаренъ,—онѣ предпочтутъ его самымъ достойнымъ людямъ!

Кир. Бор. Э, э, другъ мой сладкій, теперь я понимаю, что тебя гонитъ осенью въ деревенскую глушь. Вчера еще и помину не было о Лужкахъ,—и вдругъ... Значитъ, опять приревновалъ жену? Право, ты скоро свихнешься на этомъ. Какъ это тебѣ, милѣйшій, не надоѣстъ? Жена твоя слишкомъ благочестива для того, чтобы измѣнять законному мужу...

Тохтамышевъ. Ты полагаешь?

Кир. Бор. А если бы съ ея стороны что и было, то я на твоемъ мѣстѣ смотрѣлъ бы на это сквозь пальцы.

Тохтамышевъ. Да?

Кир. Бор. Чудакъ! Неужели ты до сихъ поръ влюбленъ въ свою жену? Страстную любовь къ чужой женѣ я еще понимаю, но къ своей собственной...

Тохтамышевъ. Ну, довольно, Кириллъ.

Кир. Бор. Извини меня, mon cher, но въ этомъ есть что-то противоестественное. Вѣдь за десять лѣтъ самая идеальная жена можетъ надоѣсть до тошноты. Интересно, что бы ты сказалъ обо мнѣ, если бы, напримѣръ, я въ продолженіе цѣлаго года не перемѣнилъ носового платка?

Тохтамышевъ. Избавь меня отъ своего цинизма... Когда ты, наконецъ, бросишь свою распущенную жизнь?

Кир. Бор. А ты давно ли ее бросилъ?

Тохтамышевъ. Надо же, наконецъ, имѣть хоть какіенибудь принципы!

Кир. Бор. У меня, милый мой, одинъ принципъ: „живи и жить давай другимъ". Не мѣшало бы и тебѣ позаимствоваться кое-чѣмъ изъ него, а то ты ужъ слишкомъ не даешь жить другимъ.

Тохтамышевъ *(подозрительно)*. Кому это „другимъ"?

Кир. Бор. Да хоть бы женѣ своей, которую ты готовъ, кажется, на цѣпь посадить. Воображаю, какъ весело будетъ ей сидѣть съ тобой въ твоей берлогѣ.

Тохтамышевъ. А, значитъ, ужъ и тебѣ успѣли нажаловаться на деспота-мужа?

Кир. Бор. Никто мнѣ не жаловался, а что ты деспотъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Для тебя: „если не моя, то не живи, не дыши".

Тохтамышевъ *(ударяя кулакомъ по столу)*. Да,—„не дыши"! Я сентиментальничать съ ней не намѣренъ... Или живи по-моему, или совсѣмъ не живи!.. Своеволія не потерплю!

Кир. Бор. А я тебѣ, другъ мой сладкій, вотъ что скажу... Впрочемъ, оставимъ этотъ диспутъ: я знаю, ты возраженій не допускаешь. Еще, пожалуй, поссоримся

на прощанье... Лучше я пожелаю тебѣ счастливаго пути *(прощается съ братомъ)* и всякаго благополучія, а главное: чтобы желчь у тебя не разливалась. Прощай. *(Идетъ. Тохтамышевъ провожаетъ его со свѣчкой).* Завтра провожать не пріѣду: такъ рано встаютъ только пѣтухи... да ревнивые мужья. *(Оба уходятъ).*

Юлія *(входитъ со свѣчкой, оглядываетъ комнату, запираетъ среднюю и правую двери и говоритъ въ лѣвую).* Ушли... Скорѣй! *(Входитъ Ольга въ кофтѣ, надѣвая на-ходу шляпу).*

3. Ольга, Юлія.

Юлія. Иди скорѣе! Онъ ждетъ тебя тамъ... у балкона. Вещи твои я ужъ вынесла въ садъ... Ступай, ступай,— а то вѣдь тетенька слѣдитъ за тобой.

Ольга. Юлія! *(Порывисто обнимаетъ ее).* Чѣмъ я заплачу тебѣ за все?..

Юлія *(отстраняя Ольгу).* Ну, что еще за нѣжности? Иди скорѣй, пока тетка тамъ молится!

Ольга. Вѣдь ты рискуешь для меня...

Юлія. Для тебя? Ха-ха! Чѣмъ это?

Ольга. Своимъ добрымъ именемъ, Юля!

Юлія. „Добрымъ именемъ"? Возьми его себѣ, если хочешь... Ну, хорошо, хорошо. Послѣ разочтемся. Ступай скорѣй, а то кто-нибудь притащится, помѣшаетъ. Иди, иди! *(Подталкиваетъ ее).*

Ольга *(понуривъ голову, нерѣшительно идетъ къ лѣвой двери, ближайшей къ публикѣ, съ видомъ человѣка, который что-то забылъ и никакъ не можетъ припомнить).*

Пел. Ник. *(выходитъ изъ сосѣдней двери и перерѣзываетъ Ольгѣ путь).*

Юлія *(Ольгѣ).* Дождалась?

4. Пелагея Никифоровна.

Пел. Ник. Олюшка, куда ты?

Ольга *(застигнутая врасплохъ, останавливается и молчитъ).*

Юлія. Не мѣшай ей!

Пел. Ник. Юлія, стыда въ тебѣ нѣтъ! Ты думаешь, я не знаю, кого ты привела въ садъ, чьи свиданья устраивала? Уйди ты съ глазъ долой! Бѣсъ въ тебѣ сидитъ!

Юлія. А въ тебѣ—цѣлая богадѣльня!

Пел. Ник. Олюшка, не обманывай меня: куда ты собралась?

Ольга. Обманомъ я жила, обманомъ и ухожу.

Юлія. Долго вы будете разговаривать?

Пел. Ник. *(Юліи).* Пошла ты прочь, безбожница!.. Ольга, я не пущу тебя.

Юлія. Успокойтесь, тетенька: ваша Ольга не уйдетъ. Для нея довольно, чтобы расквакались лягушки, въ родѣ тебя,—и она струситъ... Мнѣ жаль того, кто любитъ эту чувствительную размазню. Если бы меня такъ любили, я бы не стала разговаривать съ тетеньками! *(Уходитъ).*

Ольга. Пусти меня!

Пел. Ник. Ольга, такъ бѣгаютъ воры!

Ольга. Нѣтъ, такъ бѣгаютъ изъ тюрьмы.

Пел. Ник. Всѣхъ бросить, всѣхъ обмануть?.. Нѣтъ, этого не сдѣлаетъ моя Ольга!

Ольга. Когда нельзя уйти открыто, уходятъ тайкомъ.

Пел. Ник. Куда? Къ кому?

Ольга. Къ тому, котораго люблю.

Пел. Ник. Не любовь это, а порабощеніе, обманъ лукавой плоти, темница для души...

Ольга *(съ тоской).* Замолчи!

Пел. Ник. Такъ будь же проклята эта любовь, рабствующая грѣху! Она, какъ колесо, завертитъ тебя, изломаетъ!

Ольга. Уйди ты отъ меня!

Пел. Ник. Плоть свою жалѣешь? А не содрогаешься отъ того, что потеряла Бога? Я ужъ не вижу Его въ твоихъ глазахъ. Темно тамъ, темно!

Ольга. Молчи! Я не хочу тебя слушать! *(Идетъ)*.

Пел. Ник. Вернешься, Ольга: тебя замучаетъ совѣсть!

Ольга. Онъ ждетъ меня... Прощай! *(Идетъ)*.

Пел. Ник. Остановись, Ольга!.. Олюшка! Олюшка!..

Ольга. Прощай!

Пел. Ник. *(властно)*. Такъ слушай же, что я тебѣ скажу... слушай меня, потому что я за тебя отвѣтчица передъ Богомъ и передъ матерью твоей покойной. *(Ольга въ волненіи останавливается)*. Вспомни, какъ она тебя учила вѣрить, терпѣть, прощать, какъ на смертномъ одрѣ говорила: „Оля, помни Бога!“ А теперь ты ищешь сладкой жизни и служишь беззаконію... Ольга, больно и страшно мнѣ видѣть, какъ зло осиливаетъ тебя. Я знаю, ты идешь—а у тебя все стонетъ внутри! Не вынесетъ этого твоя душа: тоска съѣстъ ее, ржавчиной источитъ!

Ольга *(въ безсиліи опускается на стулъ и закрываетъ лицо руками. Пауза)*.

Пел. Ник. *(кладетъ ей руку на голову)*. Тяжко тебѣ, Олюшка!

Ольга. Тяжко...

Пел. Ник. Изнемогаешь, падаешь? Опять вставай, опять неси крестъ свой.

Ольга. Зачѣмъ? Кому нужны мои муки?

Пел. Ник. Тебѣ самой, Олюшка, нужны; всѣмъ намъ нужны.

Ольга. Такъ и умереть, не видавши счастья? Такъ и не знать, зачѣмъ жила, изъ-за чего билась?

Пел. Ник. Ты душу свою сбережешь и возвеличишь ее передъ Богомъ. Вѣруй, вѣруй!

Ольга. Не стало вѣры во мнѣ... Злоба во мнѣ!

Пел. Ник. Олюшка, много терпѣнія дано тебѣ отъ Бога, да видно расшаталось оно! Скорбитъ душа моя, видя твое блужданіе. Вѣдь ты мнѣ, Олюшка, дороже всѣхъ на свѣтѣ, ближе близкаго, роднѣй родного...

Ольга *(плачетъ и тихо стонетъ).*

Пел. Ник. Молю тебя, дитя мое родное, желанное: не противься мучителю своему! Сердце кровью изойдетъ,— терпи!

Ольга *(съ тоской).* Что ты со мной дѣлаешь?!.

Пел. Ник. Олюшка, родная моя, горькая моя!

Ольга. Ты не поймешь, чего мнѣ стоило цѣлые годы таить въ себѣ чувство, зажимать себѣ ротъ, когда хотѣлось говорить слова любви, когда они душили меня и рвались изъ сердца... Пожалѣй меня!

Пел. Ник. Олюшка! Зачѣмъ же сама-то ты не хочешь пожалѣть себя, свою золотую душу? Зачѣмъ сама хочешь отдать ее на поруганіе?

Ольга. Да безжалостная ты,—чего ты отъ меня требуешь? Я до-сыта настрадалась,—дайте же мнѣ, дайте же хоть немного отдышаться!

Пел. Ник. Олюшка!.. Олюшка!

Ольга. Тебѣ любо слушать мои стоны, смотрѣть, какъ я изныаю отъ тоски. Ты—каменная! Ты—ненавистная! *(Вся трясется отъ рыданій).*

Пел. Ник. Господи, смягчи ея сердце! *(Гладитъ Ольгу по головѣ).* Олюшка, радость моя, горе мое, страдалица моя! Вѣдь я знаю тебя лучше, чѣмъ ты сама: вѣдь я съ младенчества твоего гляжу тебѣ въ душу и вижу, чего она алчетъ, о чемъ тоскуетъ: свѣту она молитъ, свѣту она проситъ, Олюшка, и всякаго оправданія. А ты хочешь идти во тьму... Какъ же мнѣ не упрашивать тебя, не кричать тебѣ: „вернись, Олюшка, вернись,—тамъ и стыдъ, и скорбь, и души растлѣніе!"

Ольга *(задыхаясь отъ слезъ).* Оставь же, оставь... Я не уйду... Не надо жизни!.. Ничего не надо! Ничего...

Юлія *(входитъ; при видѣ Ольги останавливается и затѣмъ быстро уходитъ въ дверь, ведущую въ садъ; Ольга и Пел. Ник. не видятъ ея).*

Пел. Ник. Олюшка, родная моя, голубка моя возлю-

бленная, дѣлай Божье дѣло,—и всюду будетъ съ тобою жизнь. Вездѣ солнце свѣтитъ, и небо открыто глазамъ человѣка. Вездѣ есть люди, алчущіе и жаждущіе, скорбящіе и озлобленные: имъ отдай душу свою, и любовь свою, и заботу свою, и перестанетъ тебя мучить горькая суета жизни! *(Слѣва входитъ Юлія; за ней Волчаниновъ въ шляпѣ; онъ держитъ на рукѣ пальто, которое бросаетъ на ручку дивана; шляпу кладетъ на столъ передъ диваномъ).*

5. Юлія, Волчаниновъ.

Юлія *(Волчанинову).* Видите: вашу Ольгу тетенька не пускаетъ. *(Уходитъ).*

Пел. Ник. *(подходитъ къ Волчанинову и говоритъ громкимъ укоризненнымъ шопотомъ).* Не надо вамъ быть здѣсь! Это вы вливаете отраву въ ея сердце!

Волчаниновъ *(Ольгѣ).* Что это значитъ?

Ольга *(Пел. Ник.).* Дай намъ проститься!

Пел. Ник. *(Волчанинову).* Богомъ прошу: оставьте мою Олюшку!

Ольга. Дай намъ проститься... Мы больше не увидимся съ нимъ.

Пел. Ник. *(подходитъ къ Ольгѣ и говоритъ тономъ страстнаго убѣжденія).* Олюшка, кроткая моя, свѣтлая моя, ты побѣдишь соблазнъ, ты исполнишь всякую правду!.. Я вѣрю въ тебя! *(Уходитъ).*

Ольга. Простимся... Все кончено... Я ѣду съ мужемъ.

Волчаниновъ. Нѣтъ, этого не можетъ быть!

Ольга *(порывисто обнимая его).* Милый, дорогой... прощай! Мы должны разстаться... Такъ велитъ совѣсть, такъ хочетъ судьба...

Волчаниновъ. Но я-то не хочу этого,—слышишь?

Ольга. Прощай!.. Счастье не для насъ... Надо покориться.

Волчаниновъ. „Покориться?“ Какое гнусное слово! Нѣтъ, мы слишкомъ долго покорялись!.. Ольга, ты должна бѣжать со мною... сейчасъ же, сію минуту! Это—послѣднее средство. Больше намъ ничего не остается... Ольга!

Ольга *(упавшимъ голосомъ)*. Нѣтъ, я не двинусь съ мѣста. Пусть будетъ, что будетъ... Устала я,—Господи, какъ я устала! Не хочу бороться, не стану... Душа надорвалась...

Волчаниновъ. Ольга, Ольга, что они съ тобой сдѣлали?!

Ольга. Я ѣду туда какъ въ могилу... Тамъ умретъ во мнѣ все, все... Поскорѣй бы только! Да я и не проживу долго...

Волчаниновъ. Нѣтъ, я увезу тебя отъ нихъ. Эта проклятая старуха подтачиваетъ въ тебѣ жизнь!

Ольга. Оставь ее: она—моя совѣсть, мое прибѣжище! О, если бы я могла увѣровать такъ, какъ она!

Волчаниновъ. Молчи. Меня бѣситъ ея возмутительная власть надъ тобой! Какъ смѣетъ она такъ помыкать твоимъ сердцемъ? Она закрѣпостила тебя Тохтамышеву, она же теперь не позволяетъ тебѣ выйти изъ кабалы... Она научила тебя жертвовать своимъ счастьемъ ради низкихъ, дрянныхъ людишекъ... Чего достигла ты этими жертвами? Ольга, да неужели добро состоитъ въ томъ, чтобы гнать съ какой-то ненавистью изъ своей души все живое, все, что можетъ дать человѣку силу, радость, счастье?

Ольга. Не говори мнѣ ничего... не мучай... Зачѣмъ ты терзаешь меня, и безъ того истерзанную?

Волчаниновъ. Не мучить тебя я хотѣлъ бы, а прижать къ сердцу и повторять безъ конца, какъ я люблю тебя, какъ жалѣю, какъ все во мнѣ изболѣло за тебя! Что мѣшаетъ тебѣ бросить мужа и уйти со мной? Совѣсть? Но какъ же она позволяетъ тебѣ жить съ человѣкомъ, который отнимаетъ у тебя возможность

жить по-человѣчески? Какъ все твое существо, все, что есть въ тебѣ чистаго и честнаго, не возмущается противъ этого?

Ольга. Господи, какая мука! Все темно и во мнѣ, и кругомъ меня! Я потеряла свой прежній путь, я во всемъ сомнѣваюсь... *(Вздрагиваетъ и прислушивается)*.

Волчаниновъ. Ольга, тебѣ нельзя ни минуты оставаться въ этомъ домѣ: здѣсь обезумѣть можно!.. Идемъ отсюда скорѣй! Ты боишься мужа? Онъ не посмѣетъ остановить тебя... Я знаю: этотъ господинъ способенъ на всякое насиліе, но пусть только осмѣлится!.. Идемъ же... Умоляю! Вѣдь стоитъ только выдти изъ этой тюрьмы,—тамъ, за стѣнами ея, тебя ждетъ свобода... Ольга,—двери открыты: рѣшайся! Вѣдь имѣетъ же, наконецъ, человѣкъ право дышать свободно! Вѣдь и ты хочешь дышать полной грудью, вѣдь и у тебя душа рвется на волю!

Ольга *(ломая руки въ отчаяніи)*. Ахъ, если бы онъ умеръ!

Волчаниновъ *(вздрогнувъ)*. Ольга, слово сказано... Оно выдаетъ тебя.

Ольга. Нѣтъ, нѣтъ, это вырвалось у меня, какъ стонъ... Забудь объ этомъ! Мы не всегда вольны въ своихъ мысляхъ: вдругъ проскользнетъ въ душѣ что-то такое ужасное, что потомъ дѣлается и стыдно, и страшно.

(Голосъ Тохтамышева за сценой): Ольга!

Ольга *(Волчанинову)*. Уйди, уйди!..

(Тохтамышевъ стучитъ въ дверь): Ольга!

Ольга. Уйди же! *(Волчаниновъ уходитъ налѣво; Ольга отпираетъ; входитъ Тохматышевъ въ халатѣ, со свѣчкой)*.

6. Тохтамышевъ и Ольга.

Тохтамышевъ. Что за глупая фантазія запираться? *(Ольга замѣчаетъ шляпу и пальто Волчанинова, бросаетъ*

шляпу за диванъ и садится на диванъ, стараясь прикрыть пальто отъ мужа. Тохтамышевъ ставитъ свѣчу на столъ). Зачѣмъ это ты въ кофтѣ? *(Садится рядомъ съ Ольгой).* Или озябла? Развѣ здѣсь холодно?

Ольга. Нѣтъ.

Тохтамышевъ. Дай сниму... *(Хочетъ снять съ Ольги кофту.*

Ольга *(отшатываясь инстинктивно отъ мужа).* Не трогайте меня!

Тохтамышевъ. Это еще что?

Ольга. Вы пьяны!

Тохтамышевъ. Брезгуешь? Ха!.. Глупо! Сто разъ глупо. *(Встаетъ).* Иди спать: завтра рано подниматься. Мы ѣдемъ съ утреннимъ поѣздомъ... Твои сборы закончены?

Ольга. Я не поѣду съ вами.

Тохтамышевъ. Что? Какъ ты изволишь говорить?

Ольга. Я ненавижу васъ!

Тохтамышевъ. Даже ненавидишь? *(Со злобой)* Хм... Ну, если нѣтъ любви, пусть хоть ненависть будетъ: ты сама этого хочешь.

Ольга. Я не могу жить съ вами, я уйду отъ васъ!

Тохтамышевъ. А я тебя силой верну! Съ женщиной, которая всю жизнь обманывала меня, я не считаю нужнымъ церемониться... Я вѣдь знаю, что ваше лживое отродье цѣнитъ одно только: ласку любовника, для котораго вы готовы на всякую низость.

Ольга *(возмущенная).* Нѣтъ, жить съ человѣкомъ, какъ вы,—вотъ это дѣйствительно низость!

Тохтамышевъ *(запальчиво сквозь зубы).* Ты, моя милая, стала поговаривать что-то ужъ черезъ-чуръ дерзко.

Ольга. Если вы считаете меня негодной женщиной, такъ прогоните меня изъ дому. Пускай весь позоръ упадетъ на меня!

Тохтамышевъ. Прогнать тебя для того, чтобы ты устроилась со своимъ избранникомъ? Ха-ха! Умно раз-

считано. Однако довольно, моя милая... Поговорили—и довольно. *(Беретъ свѣчку и хочетъ идти).*

Ольга. Постойте!.. Есть ли въ васъ что-нибудь человѣческое? Какъ можемъ мы жить вмѣстѣ, когда наша жизнь—одно униженіе? Я не могу, не могу!.. *(Бросается передъ мужемъ на колѣни).* Отпустите меня, умоляю васъ,—отпустите, хоть ради того только, чтобы не было этой ненависти между нами! Что связываетъ насъ съ тѣхъ поръ, какъ ребенокъ умеръ? Тогда я могла еще жить, а теперь...

Тохтамышевъ. Ты нарочно уморила ребенка, чтобы развязаться со мной? Да?.. Сама уморила... изъ ненависти ко мнѣ? Говори, лукавая!

Ольга *(потрясенная до глубины души).* Какъ?!.. Я?.. Моего ребенка?.. мою Вѣрочку, радость моей жизни?.. И вы смѣете?!

Тохтамышевъ *(въ бѣшенствѣ).* Ты! Ты!

Ольга. Лжете вы! *(Тохтамышевъ хочетъ остановить ее).* Виновата не я, а ваша безобразная жизнь!

Тохтамышевъ *(въ бѣшенствѣ).* Молчи!

Ольга. И я за это ненавижу васъ, имѣю право ненавидѣть!

Тохтамышевъ *(въ ярости замахивается на нее подсвѣчникомъ и хочетъ ударить).* Такъ я тебя... *(Ольга съ крикомъ отшатывается).* Тварь! *(Уходитъ). (Слѣва входитъ Волчаниновъ, бросается къ своему пальто, вынимаетъ изъ кармана револьверъ и быстро идетъ за Тохтамышевымъ.*

7. Ольга, Волчаниновъ.

Ольга *(бросается къ нему и останавливаетъ его).*

Волчаниновъ. Онъ больше не будетъ мучить тебя...

Ольга *(въ ужасѣ).* Антонъ! *(Хватаетъ его за руку).*

Волчаниновъ. Пусти! Душа горитъ! *(Вырывается и идетъ).*

Ольга. Безумный! *(Загораживаетъ ему дорогу).*

Волчаниновъ. Этотъ палачъ... Я не могу больше... *(Идетъ).*

Ольга. Я буду кричать! *(Старается удержать его).*

Волчаниновъ. Тише!

Ольга. Остановись!.. Не смѣй!

Волчаниновъ. Тебѣ жаль его?.. Ты хочешь предать меня? Ну, кричи!

Ольга *(становится въ дверяхъ и не пускаетъ).* Опомнись, что ты дѣлаешь?! Антонъ!

Волчаниновъ. Ольга, выбирай между мною и Тохтамышевымъ: если ты жалѣешь его... Ольга! Въ послѣдній разъ говорю... *(Ольга, шатаясь, отступаетъ отъ дверей. Волчаниновъ уходитъ. Пауза. Ольга мечется, ломая руки, прислушивается, потомъ съ слабымъ крикомъ, похожимъ на стонъ, бросается за Волчаниновымъ).*

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната въ полуразрушенной усадьбѣ, нанятой Волчавиновымъ. Старинная, крайне обветшалая мебель. Направо—небольшой письменный столъ, налѣво—конторка, противъ зрителей—открытыя стеклянныя двери, черезъ которыя видны: терраса, деревья парка и дальше—поле. Конецъ лѣта.

1. Ольга, Сборщиковъ.

Сборщиковъ *(продолжая разговоръ)*. Неужто и вы, ваше превосходительство, думаете, что я могъ посягнуть на священную жизнь моего благодѣтеля, который такъ милостиво приблизилъ меня къ себѣ?

Ольга *(ошеломленная)*. Что такое вы говорите? Васъ подозрѣваютъ!?

Сборщиковъ. Ваше превосходительство...

Ольга. Не зовите меня превосходительствомъ...

Сборщиковъ. Ольга Лаврентьевна, золотое сердце, ангельская доброта, вѣдь они меня безъ ножа зарѣзали! Всю-то жизнь судьба меня по затылку стукала... Кто только не понукалъ Сборщиковымъ? Загнали, запугали, засрамили,—такъ и пошло: „Сборщиковъ—негодный человѣкъ“, „Сборщиковъ—подозрительный человѣкъ“... А потомъ ужъ Сборщиковъ и въ убійцы попалъ. Сборщиковъ негодный,—значитъ, онъ и убилъ...

Ольга. Это ужасно! Это... это... Боже мой!

Сборщиковъ. Золотое ваше сердце, ангельская доброта, вижу: вы не вѣрите этому. Утѣшили вы меня!..

Господи... ахъ!.. Да что я говорю? Развѣ стали-бы вы разговаривать со мной, кабы было у васъ подозрѣніе? Да вы бы тогда на версту меня не подпустили къ себѣ, не то что... А вы вонъ здоровались со мной, ручку мнѣ подавали... Вѣдь тутъ кровь... Подумать страшно!..

Ольга. Да, страшно, страшно...

Сборщиковъ. И въ этакомъ-то дѣлѣ меня подозрѣваютъ! А вѣдь у меня дочь—невѣста. Ей-то каково? Мнѣ-то каково передъ ней? Вѣдь разславили такъ, что ей теперь житья нѣтъ... Пришелъ я къ ней намедни въ институтъ, взглянула она на меня, да какъ закатится. Затрепыхалась вся, точно птичка... кровавыми слезами плачетъ! А вѣдь она у меня одна! Всю жизнь дрожалъ надъ ней! А теперь... Да что говорить! Легче, кажется, живому въ гробъ лечь!

Ольга. Да... легче...

Сборщиковъ. Какъ вспомню, такъ и заклокочетъ вотъ здѣсь. *(Ударяетъ себя въ грудь).* Пусть Богъ накажетъ того злодѣя, за котораго я безвинно страдаю! Мало того, что я послѣ кончины благодѣтеля безъ куска хлѣба остался: нѣтъ, меня еще клеймомъ отмѣтили!

Ольга *(блѣдная отъ волненія, задыхается и судорожно теребитъ воротникъ платья).*

Сборщиковъ. Что вы, что вы-съ? Неужто изъ-за меня-съ? Ольга Лаврентьевна, добросердечная моя, что съ вами?

Ольга. Ничего... Душно передъ грозой. Дышать нечѣмъ.

Сборщиковъ. Я воды принесу... *(Хочетъ идти).*

Ольга. Нѣтъ, нѣтъ... не ходите!

Сборщиковъ. Надо позвать кого-нибудь...

Ольга. Не нужно! Это сейчасъ пройдетъ... Не смотрите на меня! *(Подходитъ къ письменному столу и са-*

дится писать письмо). Я напишу вашей дочери... Пусть она не думаетъ, что я подозрѣваю... или...

2. Юлія *(въ холстинковомъ платьѣ).*

Юлія *(просовывается въ дверь).* Юрій Савельичъ, вашъ стаканъ простылъ.

Сборщиковъ. Сію минуточку!..

Юлія *(взглянувъ на разстроенное лицо сестры, входитъ; Сборщикову настойчиво).* Ступайте чай пить.

Сборщиковъ *(видимо не желая уходить).* Я вотъ тутъ... Мнѣ бы съ ея превосходительствомъ...

Юлія. Ступайте же, говорятъ вамъ!

Сборщиковъ *(принявъ виновный видъ, уходитъ, въ дверяхъ оглядывается на Ольгу).*

Юлія. Зачѣмъ ты связываешься съ этой дрянью, секретничаешь съ нимъ? *(Ольга пишетъ. Юлія тихонько приближается къ ней. Ольга, замѣтивъ это, кладетъ начатое письмо въ ящикъ стола).* Что это ты пишешь? Не дневникъ ли свой?

Ольга. Нѣтъ, письмо...

Юлія. Къ кому? Къ тетенькѣ? *(Ольга молчитъ).* А по ночамъ что пишешь? Тоже письма? *(Ольга, облокотившись на столъ, сжимаетъ голову руками).* Ты наложила на себя обѣтъ молчанія?

Ольга. Голова точно обручемъ сжата. *(Встаетъ, подходитъ къ стеклянной двери и смотритъ въ даль.).*

Юлія. Вольно жъ тебѣ вести такую безобразную жизнь: не ѣшь, не спишь... Скоро ты замуруешь себя въ какомъ-нибудь подземельѣ.

Ольга *(погруженная въ свои мысли).* Юлія, скажи мнѣ: имѣемъ мы право насильно спасать кого-нибудь?

Юлія *(съ недоброй усмѣшкой).* Ты положительно становишься загадочной натурой.

Ольга. Легче самой погибнуть, чѣмъ видѣть, какъ погибаетъ твой близкій, любимый!

Юлія. „Любимый"—хм!.. Она еще смѣетъ разсуждать о любви! Любить можемъ только мы, грѣшныя, а вы, праведныя, все куда-то воспаряете. Вы способны бросить любимаго человѣка среди грязи, потому что для васъ всего важнѣе — самимъ остаться чистенькими. *(Взглянувъ на Ольгу)*. Ну, такъ и есть, улетѣла на небо.

Ольга *(не слушая ея, задумчиво смотритъ въ окно)*. Какъ хорошо тамъ, вдали... Ахъ, ушла бы я съ тетей... въ рубищѣ... босая... съ нищенской сумой!..

Юлія *(подходитъ къ столу Ольги и тайкомъ отъ сестры осматриваетъ бумаги и книги, лежащія на немъ, потомъ хочетъ потихоньку отворить ящикъ, но Ольга въ это время оборачивается къ ней, и Юлія отходитъ отъ стола)*.

Ольга. Кругомъ поля, рощи... дорога вьется далеко-далеко... Такъ хорошо дышится, когда надъ головой небо! Заря чуть блеститъ, а ты ужъ идешь куда-то все дальше и дальше... Звѣзды еще видны на небѣ, такія блѣдныя, нѣжныя... и все такъ тихо, тихо кругомъ... и на душѣ тихо, и не чувствуешь себя...

Юлія. Отчего же ты не ушла съ теткой на богомолье? И прекрасно было бы.

Ольга. Отъ себя никуда не уйдешь. *(Садится къ столу, открываетъ ящикъ и въ задумчивости смотритъ туда.*

Юлія. А здѣсь ты бродишь, какъ вѣчный жидъ, и на всѣхъ тоску нагоняешь. Право, и безъ того довольно на свѣтѣ всякой тощищи.

Ольга. Да, да .. Зачѣмъ мы вѣчно мечемся, никогда покою не знаемъ и даже во снѣ видимъ всегда что-нибудь мрачное? Зачѣмъ эта вѣчная тьма? Ахъ, если бы мы были, какъ дѣти! Ихъ такъ любилъ Христосъ... *(Беретъ изъ ящика фотогрофическую карточку и смотритъ)*. Какія у нея добрые, ясные глаза! Смотри. *(Протягиваетъ карточку сестрѣ)*.

Юлія. Что такое?

Ольга. Карточка моей Вѣры.

Юлія. Твоя Вѣра давно умерла. *(Беретъ изъ рукъ Ольги карточку и бросаетъ ее на столъ)*. Спрячь.

Ольга. Что она тебѣ сдѣлала?

Юлія. Опять разревешься.

Ольга. Ты вѣдь любила мою Вѣрочку.

Юлія. Терпѣть не могу дѣтей.

Ольга. Нѣтъ, нѣтъ... Въ нихъ столько жизни, столько ласки! Они—безгрѣшныя. *(Задумывается надъ открытымъ ящикомъ)*. Что я хотѣла? Какая я безпамятная стала! Ахъ, да! *(Вынимаетъ письмо и пишетъ)*. Вотъ ужъ скоро и сентябрь...

Юлія. Ну, такъ что же?

Ольга *(сама съ собой)*. Почти годъ съ тѣхъ поръ...

Юлія. Съ какихъ?

Ольга *(попрежнему)*. Годъ тому назадъ я была совсѣмъ не та, и все было не то.

Юлія. Ты бредишь? *(Входитъ Каминскій. Ольга торопливо запираетъ ящикъ стола и отходитъ)*.

3. Каминскій.

Каминскій. Что же вы, хозяйки, гостей оставили однихъ?

Ольга. Тамъ съ ними Антонъ Николаевичъ.

Юлія. Намъ эти гости давно надоѣли. Что они повадились сюда?

Каминскій. Да вѣдь надо же, наконецъ, рѣшить вопросъ о наслѣдствѣ!

Ольга. Я ужъ много разъ говорила Кириллу Борисовичу, что ничего не возьму. *(Константинъ входитъ и тщательно закрываетъ за собою дверь)*.

Каминскій. Это тебѣ Волчаниновъ внушилъ? Знаю я!

Что за гнусность, наконецъ! Ты теперь жила бы въ своемъ имѣніи, потому что Кириллъ Борисовичъ предназначилъ для тебя Горбатовку; а ты вмѣсто этого поселилась въ какихъ-то развалинахъ.

4. Константинъ.

Константинъ. Ольга, вѣдь ты своимъ глупымъ упрямствомъ бросаешь подозрѣнье на себя и на всѣхъ насъ. Понимаешь ты это? *(Ольга вздрагиваетъ).* Насъ подозрѣваютъ въ укрывательствѣ, даже въ соучастіи...

Юлія *(презрительно).* Не бойся, Костенька,—не трясись...

Константинъ. Пусть боится тотъ, кто виноватъ, а мнѣ нечего бояться!

Юлія. Никто тутъ не виноватъ. Тохтамышевъ самъ убилъ себя.

Константинъ *(многозначительно).* Ты увѣрена въ этомъ?

Юлія. Конечно... И это былъ лучшій поступокъ въ его жизни.

Константинъ *(не сводя съ нея глазъ).* Да? Ты думаешь?

Юлія *(смотритъ ему прямо въ глаза).* Я думаю, что ты начинаешь бѣситься... вѣроятно, отъ жары. *(Входитъ Волчаниновъ).*

5. Волчаниновъ.

Волчаниновъ. Фу! Скоро ли они уберутся отъ насъ? Это невыносимо!

Каминскій. Убѣдите хоть вы Ольгу не отказываться отъ наслѣдства. Вѣдь она разоряетъ насъ!

Волчаниновъ. Вы опять о томъ же? Вѣдь Кириллъ Борисовичъ оставилъ за вами мѣсто управляющаго домами.

Каминскій. Прекрасно-съ... Ну, а напримѣръ, Юлія?..

Юлія. За Юлію прошу не хлопотать: она не привыкла къ этому.

Каминскій. Константинъ нарочно бросилъ службу, чтобы завѣдывать имѣніемъ...

Юлія. Онъ ее бросилъ оттого, что его не сдѣлали сразу министромъ, а попросили подождать.

Константинъ. Юлія, спрячь свое жало! Каминскіе не могутъ сидѣть всю жизнь въ столоначальникахъ. Послѣ смерти Романа Борисовича я долженъ былъ выйти въ отставку.

Каминскій *(Волчанинову)*. Этимъ мы обязаны вамъ, вамъ!

Волчаниновъ *(вздрогнувъ и нахмурившись)*. Что вы хотите сказать?

Каминскій. Это вы разорили насъ, вы научили Ольгу...

Волчаниновъ. У Ольги Лаврентьевны есть свой разумъ.

Каминскій *(теряя самообладаніе)*. Гдѣ онъ, гдѣ онъ? Одно безобразіе, одна распущенность! Вы съ Ольгой скандализируете насъ своимъ поведеніемъ.

Ольга. Зачѣмъ же вы пріѣхали къ намъ?

Каминскій. Вотъ какъ? Хорошо, я сегодня же уѣду. Но ты погоди торжествовать: придутъ для тебя черные дни, придутъ, придутъ! *(Уходитъ)*.

Константинъ. Правду сказалъ отецъ: въ этомъ домѣ трудно дышать.

Ольга. Константинъ, ты напрашиваешься на ссору?

Константинъ. Ни мириться, ни ссориться съ тобой я не намѣренъ. Если ты не видишь, что обезумѣла, тѣмъ хуже для тебя. *(Уходитъ за отцомъ)*.

Ольга *(подходитъ къ Волчанинову и кладетъ ему руки на плечи)*. Забудь о нихъ. Они давно стали для меня чужими.

Волчаниновъ. *(Юліи, которая смотритъ на нихъ исподлобья)*. А вы? Зачѣмъ вы на меня такъ смотрите?

Ольга *(подходитъ къ сестрѣ)*. Юлія, почему ты такая грустная!

Юлія. „Мнѣ грустно, потому что весело тебѣ"?..

Ольга. Мнѣ вовсе не весело.

Юлія. Хм... или оплакиваешь заднимъ числомъ покойнаго супруга? Ха, ха, ха!

Ольга. Ты злая, злая!.. Нѣтъ, не то. Ты тоскуешь... Отчего, отчего?—скажи мнѣ! *(Ласкаетъ сестру)*.

Юлія. Отъ праздности. *(Уклоняется отъ ласкъ сестры и хочетъ идти къ гостямъ. Ольга, пораженная внезапной страшной мыслью, застываетъ въ неподвижности)*.

Волчаниновъ *(съ горечью)*. Вы, кажется, не выносите моего присутствія?

Юлія *(дѣлаетъ невольное движеніе, которое тотчасъ сдерживаетъ)*. Я?! Нѣтъ я просто не люблю быть третьей! *(Уходитъ)*.

Волчаниновъ *(задумчиво)*. Странный человѣкъ твоя сестра! *(Ходитъ)*. Нѣтъ, должно-быть, нигдѣ не спрячешься отъ людей! Ужъ, кажется, въ какую глушь забились, думали отдохнуть въ тишинѣ послѣ всего пережитаго, — а тутъ то папенька твой, то Константинъ, а то еще Кириллъ съ этимъ Сборщиковымъ! Зачѣмъ эти господа сюда пожаловали? Вторую недѣлю торчатъ въ городѣ, то и дѣло таскаются сюда. Тутъ не въ наслѣдствѣ дѣло... Нѣтъ! *(Увидавъ лицо Ольги)*. Послушай: ты меня смущаешь. Ты теперь не та, что была прежде. Пока тянулось слѣдствіе, ты боролась вмѣстѣ со мной, чтобы спасти меня, и я тогда каждый мигъ чувствовалъ любовь твою. А теперь я не чувствую этого. Я вижу, что у тебя есть мысли, которыхъ ты не высказываешь мнѣ.

Ольга. Это не мысли—нѣтъ... это какія-то тѣни ходятъ за мной.

Волчаниновъ. Самая мрачная изъ нихъ—это твоя тетка, но она теперь далеко отъ насъ. *(Садится около Ольги и-*

гладитъ ея руку). Ольга, надо гнать отъ себя гнетущія мысли, надо создать себѣ такую жизнь, чтобы некогда было со страхомъ оглядываться назадъ. Надо всѣми силами бороться за такую жизнь и поддерживать другъ друга въ борьбѣ. Если у насъ съ тобой будетъ одна душа, то будетъ и сила, будетъ тотъ огонь, который многихъ согрѣетъ около насъ. Вѣдь такъ? Вѣдь этого хочетъ моя Ольга? *(Смотритъ на нее).* Да что ты?

Ольга *(судорожно обнимаетъ его).* Согрѣй мою душу! Прогони изъ нея этотъ могильный холодъ... дай мнѣ почувствовать, что во мнѣ еще теплится жизнь!..

Волчаниновъ *(ласкаяя ее).* Я хорошо сознаю, что мы взвалили на себя тяжелое бремя, но мы не подломимся подъ нимъ... Вѣдь такъ, Ольга, такъ? *(Смотритъ на нее съ тревогой).* Опять тѣни?

Ольга. Слушай... Неужели ты не чувствуешь, какъ все здѣсь—люди, деревья, стѣны—все стоитъ передъ нами зловѣщимъ укоромъ, все говоритъ намъ, что мы не имѣемъ права жить, разговаривать съ людьми, работать, отдыхать...

Волчаниновъ. Ольга?!

Ольга. Нѣтъ, мы не можемъ вынести этой тяжести. Мы оба задыхаемся подъ ней, потому что оба виновны...

Волчаниновъ. „Виновны"... Такъ, значитъ, мнѣ все еще нужно оправдываться передъ тобой?

Ольга. Намъ нѣтъ оправданій!

Волчаниновъ. Какъ?!. Ольга?!. *(Отводитъ ее дальше отъ двери, за которой гости).* Да развѣ мы не умоляли его, не перепробовали всѣ средства? Онъ самъ, самъ отрѣзалъ всѣ пути для какого-нибудь другого выхода, и самъ роковымъ образомъ погибъ отъ этого. Онъ долженъ былъ погибнуть!

Ольга. А мы? Не сами ли мы возмущались противъ насилія—и потомъ сами же пошли на такое злодѣйство! И мы должны погибнуть!

Волчаниновъ. Не мы его убили и не я, а та темная сила, которая вырвала тебя изъ моихъ рукъ и отдала Тохтамышеву, та сила, которая искалѣчила и твою, и мою жизнь. *(Ольга молча протестуетъ).* Развѣ я хотѣлъ убивать? Развѣ я для того пришелъ къ нему въ домъ? Я хотѣлъ спасти тебя, вырвать изъ рукъ палача его жертву, которую онъ замучилъ бы. Я боролся за твою жизнь, Ольга!

Ольга. Что дала намъ борьба? Мы съ каждымъ днемъ становимся несчастнѣе,—и такъ будетъ всю жизнь.

Волчаниновъ. Да,—потому что ты сама, сама разрушаешь наше счастье!..

Ольга. Счастье? Его нѣтъ и не будетъ. Каждая нищая баба въ тысячу разъ счастливѣе меня. Все обезображено! Одна тоска, одинъ страхъ!

Волчаниновъ. Да, да, твой рабскій страхъ! Онъ, и только онъ, мѣшаетъ намъ жить!

Ольга. О какой жизни ты говоришь? Гдѣ она? Мы только притворяемся, что можемъ жить, а жизнь у насъ давно погублена: ты самъ чувствуешь это, и ничѣмъ, ничѣмъ ты не можешь заглушить въ себѣ этого чувства!

Волчаниновъ. Ольга, злѣйшій врагъ мой не сдѣлаетъ того, что ты дѣлаешь со мной! Ты все отнимаешь у меня!

Ольга. Выслушай, выслушай...

Волчаниновъ. Довольно! Мнѣ стыдно моей минутной слабости. Я пойду своей дорогой и никому не позволю становиться поперекъ ея!

Ольга. Выслушай же меня... умоляю!

Волчаниновъ *(не слушая ея).* Такъ зачѣмъ же я купилъ такой дорогой цѣной твою свободу, если ты не умѣешь цѣнить ея, если ты не стоишь ея? Ты и свободу свою, и любовь, и здравый смыслъ—все готова принести въ жертву призраку!

Ольга. „Призраку“? Ты говоришь: „призраку“? Такъ почему же онъ имѣетъ такую власть надо мной? Почему онъ гонитъ меня на казнь, когда я могла бы наслаждаться теперь своей свободой?

Волчаниновъ. „Почему“? Потому, что ты—жалкая женщина!

Ольга. Антонъ!

Волчаниновъ. Ты съ молокомъ матери всосала въ себя убожество! Сто разъ на дню желать смерти мужа она могла, а вѣдь цыпленка не зарѣзала бы! Кротость, смиреніе, состраданіе... ха! ха!

Ольга. Боже мой, какое у тебя злое лицо!

Волчаниновъ. На то я и злодѣй... ха, ха!

Ольга. Перестань... Мнѣ невыносимо больно видѣть твое ожесточеніе!

Волчаниновъ *(быстро подходитъ къ ней съ искаженнымъ лицомъ)*. А мнѣ, ты думаешь, не больно видѣть, какъ ты позоришь все, что даетъ мнѣ силу жить? А мнѣ, ты думаешь, легко одному выносить на себѣ всю эту тяжесть, и эту кровь, и вражду окружающихъ, и слезы твои, и твою измѣну? А ты не знаешь, что это ожесточенье росло во мнѣ капля по каплѣ цѣлые годы съ тѣхъ поръ, какъ ты впервые измѣнила мнѣ и вышла за Тохтамышева? И вотъ теперь ты снова измѣняешь мнѣ—хуже, безчестнѣе прежняго!

Ольга. Это неправда—говорю тебѣ: неправда! У тебя душа помутилась... Вѣдь грѣхъ убиваетъ душу, покрываетъ ее, какъ проказой!

Волчаниновъ. Ха! я вижу, что ты прошла тетушкину школу!

Ольга. Не глумись надъ этимъ: я чувствую, какъ надвигается что-то зловѣщее...

Волчаниновъ. Ну, довольно, наконецъ!

Ольга *(хватая его руку)*. Умоляю тебя: освободись отъ своего безумія!

Волчаниновъ *(вырываетъ руку).* Поди прочь отъ меня съ своими причитаніями!

Ольга *(идетъ и останавливается).* Такъ ты хочешь попрежнему обманывать себя и другихъ? Хочешь жить этой украденной жизнью? *(Съ страстнымъ убѣжденіемъ).* Такъ знай же: мнѣ это глубоко противно! Лгать и лгать безъ конца? О, нѣтъ! Говорю тебѣ: я отрекаюсь отъ этой жизни, отъ этой свободы, отъ этой любви и отъ всей этой лжи... и отъ твоего безумія. Отрекаюсь! *(Хочетъ уйти).*

Волчаниновъ *(при видѣ больного экстаза Ольги, говоритъ тревожнымъ, озабоченнымъ тономъ).* Постой... *(Подходитъ къ ней).* Я вижу въ твоихъ глазахъ какой-то странный блескъ... Мысли твои разстроены... *(Ольга качаетъ головой съ грустнымъ укоромъ).* Ты моришь себя голодомъ, не спишь по ночамъ, безпрестанно молишься... или все что-то пишешь.

Ольга. Ты слѣдишь за мной, подстерегаешь каждое мое движенье. Ты приставилъ ко мнѣ сторожей для присмотра.

Волчаниновъ. Какихъ сторожей?

Ольга *(съ глубокой грустью).* Такъ было при мужѣ, только тогда родная сестра не слѣдила за мной.

Волчаниновъ. За тобой нельзя не слѣдить. Я вижу, какъ тебѣ разставляютъ ловушку, какъ ты рвешься въ нее и меня тянешь за собой.

Ольга *(задумчиво и грустно).* Мнѣ снилось, что я иду по одному берегу рѣки, а ты—по другому, я вижу тебя, я слышу твой голосъ, но насъ раздѣляетъ рѣка. И сколько бы мы ни шли, мы никогда не сойдемся...

Волчаниновъ *(саркастически).* Тебѣ-то особенно нечего горевать, потому что ты по своему берегу придешь въ рай, а я куда приду?

Ольга. Если бы ты понималъ меня, ты не говорилъ бы такъ. Цѣлые годы я стояла на распутьи, а теперь

я вижу свѣтъ и иду на него. Но ты нарочно не хочешь понять меня, потому что тебѣ твоя ложь дороже всякой истины.

Волчаниновъ. Ты узнала истину? Такъ сдѣлай такъ, чтобы я самъ свободно пришелъ къ твоей истинѣ, а не заковывай въ цѣпи мою мысль, совѣсть, чувство, не загоняй меня насильно въ западню. Развѣ я не вижу, какъ всѣ эти фарисеи крадутъ у меня твою душу?.. *(Пауза. Волчаниновъ ходитъ).* Зачѣмъ ты безъ моего вѣдома сносишься съ людьми, отъ которыхъ я не могу ждать ничего хорошаго? Зачѣмъ ты тайкомъ отъ меня ведешь какіе-то переговоры съ этимъ гнуснымъ Сборщиковымъ? Что означаетъ твоя неожиданная близость съ нимъ?

Ольга. Оставь въ покоѣ этого несчастнаго человѣка, который страдаетъ за нашу же вину.

Волчаниновъ. Лжетъ онъ: никто его серьезно не подозрѣваетъ. Эта лакейская душа исподличалась и изолгалась насквозь.

Ольга. Намъ ли судить его?

Волчаниновъ *(саркастически).* О, конечно!.. Мерзавца, который канючитъ передъ тобой и говоритъ тебѣ слезливыя слова, ты жалѣешь, а для меня не находишь пощады?

Ольга. Я жалѣю тебя... больше всѣхъ жалѣю!

Волчаниновъ. Но мнѣ что-то жутко приходится отъ этой жалости, и подозрительна она мнѣ. *(Ходитъ въ волненіи по комнатѣ, потомъ останавливается передъ Ольгой).* Покажи, что ты написала? Гдѣ у тебя эта тетрадь?

Ольга. Зачѣмъ ты стоишь передо мной, какъ мой недругъ, и стережешь каждый мой взглядъ? Зачѣмъ ты вкрадываешься ко мнѣ въ душу?

Волчаниновъ *(подходитъ къ Ольгѣ).* Дай ключъ...

Ольга. Нѣтъ!

Волчаниновъ. Я силой отниму у тебя!.. Я требую, слы-

шишь? *(Внѣ себя)*. Ольга, не доводи меня до послѣдняго!.. *(Съ силой хватаетъ ее за руку; Ольга чуть не падаетъ; Волчаниновъ отпускаетъ ее)*.

Ольга *(стоитъ нѣсколько моментовъ ошеломленная)*. Боже мой! Боже мой! *(Уходитъ, рыдая)*.

(Волчаниновъ въ первый моментъ стоитъ неподвижно и не можетъ придти въ себя; потомъ вынимаетъ изъ кармана связку ключей и пробуетъ отперетъ столъ Ольги; ни одинъ ключъ не подходитъ. Входитъ Юлія; Волчаниновъ не замѣчаетъ ея прихода. Юлія смотритъ на него, потомъ подходитъ къ нему).

6. Юлія.

Юлія. Я тоже пробовала отпереть... Ни одинъ ключъ не подходитъ.

Волчаниновъ *(застигнутый врасплохъ, молча смотритъ на Юлію; опомнившись)*. Я обезумѣлъ... До какой низости можетъ дойти человѣкъ! О, какъ все это мерзко!

Юлія *(кивая на столъ)*. Меня это безпокоитъ.

Волчаниновъ. Что? *(Юлія молча указываетъ на столъ. Пауза. Глядятъ другъ на друга)*.

Волчаниновъ *(пораженный внезапной мыслью)*. Васъ... почему же это безпокоитъ?

Юлія. Да потому же, почему и васъ.

Волчаниновъ *(тихо)*. Вы про что говорите?

Юлія *(наклоняется къ нему)*. Не скрытничайте: вѣдь я все знаю...

Волчаниновъ. Что вы знаете?

Юлія. Все... *(Волчаниновъ, блѣдный, молча смотритъ на Юлію)*.

Волчаниновъ. И вы... не осудили меня?

Юлія. Какъ видите... Впрочемъ, вы ничего не видите.

Волчаниновъ. И вы вѣрите, что я отъ природы не такой ужъ злой и безчестный?..

Юлія *(стараясь скрыть свое волненіе)*. Ну, да... конечно.

Волчаниновъ. Послушайте... Вѣдь я совершилъ преступленіе... Вдумайтесь, вдумайтесь въ это!

Юлія. Не нужно... не будемъ говорить объ этомъ.

Волчаниновъ. За одно то, что вы не бросили въ меня камнемъ, я, кажется, готовъ горячо полюбить васъ! *(Сжимаетъ ея, руки, Юлія вздрагиваетъ)*. Только теперь я понялъ, что вы для меня дѣлали и дѣлаете... Всѣ противъ меня,—вы однѣ за меня!.. Спасибо, горячее спасибо вамъ, мой вѣрный, мой неизмѣнный другъ!

Юлія *(освобождая свою руку)*. Пустите...

Волчаниновъ. Что съ вами?

Юлія. Ничего... У насъ такой необыкновенный разговоръ вышелъ,—вотъ мое глупое сердце и затанцовало...

Волчаниновъ. Если бы вы знали, какъ меня трогаетъ ваше прощеніе!

Юлія *(стараясь не смотрѣть на него)*. Прощеніе?

Волчаниновъ. Ваше участіе... О, неужели я встрѣтилъ въ васъ родную душу?

Юлія *(судорожно обнимаетъ его)*. Да вѣдь я люблю тебя, люблю, люблю!..

Волчаниновъ. Что вы дѣлаете?

Юлія. Въ первый и въ послѣдній разъ!.. Ты—моя жизнь!.. Дай сказать тебѣ все, все: вѣдь это больше не повторится!.. Дай мнѣ сказать!.. Вѣдь я столько лѣтъ молчала!.. Ты понимаешь: сгорать отъ страсти, вѣчно мечтать о невозможномъ и каждую минуту издѣваться надъ собой: „Хорошо, да не для тебя оно, не для тебя!“ Вѣдь обидно? обидно? А вѣдь доставляло наслажденіе... Ха, ха!

Волчаниновъ. О, ради Бога, не смѣйтесь такъ!

Юлія. Одной мечтой, однимъ чувствомъ жила, какъ

маніакъ! Представляла себѣ самое невозможное... Вдругъ войдетъ и скажетъ: „люблю тебя“... А ты вмѣсто этого говорилъ: „какъ я люблю Ольгу!“ *(Смѣется и плачетъ)*. Бѣдный звѣрокъ! онъ опять уходилъ, поджавъ хвостъ, въ свою нору и опять принимался мечтать...

Волчаниновъ *(тронутый)*. Полно, полно!..

Юлія. А здѣсь... лѣтомъ? О, это ужасное лѣто! Бывало, лежу по цѣлымъ днямъ у себя въ комнатѣ съ отчаяніемъ въ душѣ или медленно тащусь по лѣсу, пока голова не закружится; тогда лягу и замру... Все думала: авось, меня какой-нибудь тифъ подцѣпитъ? Нѣтъ, и онъ брезгуетъ мною!

Волчаниновъ *(задушевнымъ тономъ)*. Ну, полно же вамъ!

Юлія. Но случалось: вдругъ, сама не знаю почему, что-то оживетъ въ душѣ, вдругъ явится увѣренность, что ты меня полюбишь, что произойдетъ это чудо, и до того тогда захочется бѣжать къ тебѣ и уже навѣрное узнать, любишь ли ты меня, и, если нѣтъ, то непремѣнно кончить съ собой, потому что надо же кончить! Но я знаю, что никогда, никогда этого не будетъ, никогда ты меня не полюбишь! *(Не давая Волчанинову говорить)*. Не утѣшай!.. Все вздоръ... Довольно болтать... Лучше совсѣмъ не разговаривать, а то я могу надѣлать глупостей... Забудьте это... *(Отходитъ отъ него. Входитъ Кириллъ Борисовичъ)*.

7. Кириллъ Борисовичъ.

Кир. Бор. Туча, кажется, прошла? Можно ѣхать. *(Подходитъ къ стеклянной двери и оглядываетъ небо)*. Нѣтъ, еще опасность не миновала. *(Слышенъ отдаленный громъ)*. Не люблю этихъ небесныхъ представленій... брр! А все-таки надо ѣхать. *(Волчанинову)*. Я вижу,

вамъ не до гостей. Будьте любезны, велите подать мой экипажъ.

Волчаниновъ. Сейчасъ. *(Выходитъ. Слышенъ отдаленный громъ)*.

Кир. Бор. Уговорите, пожалуйста, вашу сестру взять часть наслѣдства, слѣдуемую ей по закону. Я не привыкъ пользоваться чужимъ. У меня своего довольно. *(Глядитъ на Юлію)*. Что съ вами, властительница думъ моихъ?

Юлія *(поворачивается къ нему съ неестественнымъ оживленіемъ)*. Знаете: я хочу прокатиться на вашихъ лошадяхъ... только шибко, чтобы духъ захватывало.

Кир. Бор. Да? Я въ восторгѣ! Удивительно счастливыя мысли приходятъ вамъ въ голову.

Юлія. Скажите, что это за внезапная дружба у васъ со Сборщиковымъ? Васъ съ нимъ точно чортъ веревочкой связалъ.

Кир. Бор. Мм... я просто пріютилъ его у себя... въ память брата... да, да... *(Садится)*. А я, признаться, нарочно спровадилъ г. Волчанинова, чтобъ сказать вамъ два слова по секрету.

Юлія. Что такое?

Кир. Бор. *(оглядываясь и указывая ей мѣсто подлѣ себя)*. Сядьте сюда, поближе.

Юлія. Зачѣмъ такъ таинственно?

Кир. Бор. Не хотите? Ну, такъ я подсяду къ вамъ. *(Пересаживается къ ней)*.

Юлія. Въ чемъ дѣло?

Кир. Бор. Прежде всего я долженъ сказать вамъ по секрету, что я... влюбленъ въ васъ.

Юлія *(съ притворнымъ смѣхомъ)*. Это мы ужъ слышали... Вы, точно дергачъ, вѣчно издаете одни и тѣ же звуки... Дальше? *(Кириллъ Борисовичъ молча смотритъ на нее)*. Ваше краснорѣчіе изсякло? *(Слышенъ затихающій громъ)*.

Кир. Бор. Знаете что: поѣдемъ сейчасъ ко мнѣ, а завтра отправимся въ Лужки и будемъ тамъ жить.

Юлія. О, непремѣнно!

Кир. Бор. Нѣтъ, безъ шутокъ. Я говорю серьезно. Вамъ нельзя быть подъ одной кровлей съ г. Волчаниновымъ.

Юлія *(вспыхнувъ).* Это почему?

Кир. Бор. Да потому, что онъ—кандидатъ на каторгу. *(Юлія вздрагиваетъ).* Его не притянули къ суду по недостатку уликъ, а теперь у меня ихъ болѣе чѣмъ достаточно.

Юлія *(стараясь быть спокойной).* Я въ сотый разъ слышу эти сплетни.

Кир. Бор. Увы, мой очаровательный сфинксъ, это не сплетни. Повѣрьте мнѣ на слово. Я предупредилъ васъ, потому что мнѣ жаль васъ. Вѣдь какой-нибудь неосторожный шагъ съ вашей стороны, какая-нибудь записка могутъ имѣть пренепріятныя послѣдствія для васъ.

Юлія. Такъ знайте же, что я ничему этому не вѣрю и никого не боюсь. Уликъ у васъ никакихъ нѣтъ просто потому, что ихъ и быть не можетъ.

Кир. Бор. Ну, если такъ... *(Вынимаетъ изъ кармана письмо).* Вотъ документъ, который безусловно обличаетъ...

Юлія. Что это такое? *(Хочетъ взять письмо).*

Кир. Бор. *(отводя свою руку съ письмомъ).* Это письмо, полученное мною отъ вашей тетки изъ Кіева. Изъ него видно, что преступленіе совершено Волчаниновымъ съ вѣдома вашей сестры, и что тетка ваша была свидѣтельницей или почти свидѣтельницей преступленія, но скрыла это на слѣдствіи по настоянію виновныхъ. Ну-съ, что вы скажете на это?

Юлія *(блѣдная, скрещиваетъ руки и дѣлаетъ страшныя*

усилія казаться спокойной). Это вы сами сочинили... Это неправда.

Кир. Бор. Да вы почеркъ-то узнаете? *(Показываетъ ей письмо).*

Юлія *(протягиваетъ руку къ письму).* Покажите.

Кир. Бор. Въ ручки я вамъ не дамъ, а изъ своихъ рукъ покажу... *(Сидитъ, держа письмо на столѣ и придерживая его по краямъ пальцами).* Читайте... Вотъ эти строки... Вотъ здѣсь... *(Указываетъ Юліи мѣсто въ письмѣ. Юлія нагибается къ письму и читаетъ. Кириллъ Борисовичъ обнимаетъ ее за талію).*

Юлія *(невольно отшатываясь).* Какъ вы смѣете!..

Кир. Бор. Простите!.. Ваша близость... Я не могъ сдержать себя... Читайте дальше.

Юлія. Прочитайте сами... вслухъ.

Кир. Бор. Нѣтъ, вы подите сюда.

Юлія. Какъ это низко!

Кир. Бор. Въ такомъ случаѣ... *(Прячетъ письмо въ карманъ).*

Юлія. Давайте! *(Подходитъ къ Кириллу Борисовичу).*

Кир. Бор. *(указывая, гдѣ читать).* Обратите вниманіе вотъ на эти строки: тутъ описано во всѣхъ подробностяхъ... Видите? А вотъ это?.. Смотрите сюда... *(Юлія съ страшнымъ волненіемъ читаетъ письмо; Кириллъ Борисовичъ обнимаетъ ее за талію; она не обращаетъ на это вниманія. Прочтя письмо, Юлія закрываетъ лицо руками и беззвучно рыдаетъ. Кириллъ Борисовичъ отходитъ отъ нея и проводитъ рукой по лбу).* Въ первый разъ въ жизни меня такъ трогаютъ женскія слезы.

Юлія. Отдайте мнѣ это письмо!

Кир. Бор. Ай, ай, какая наивность. Я понимаю, что вамъ жаль сестру, но ее мы выгородимъ.

Юлія Отдайте!

Кир. Бор. Невозможно, милочка моя, невозможно.

Юлія. О, иногда и невозможное сбывается!

Кир. Бор. Вы думаете? Въ такомъ случаѣ я позволю себѣ надѣяться, что вы когда-нибудь полюбите меня, хотя это и невозможно.

Юлія. Сжальтесь надъ нами! *(Хватаетъ его руку).*

Кир. Бор. Пріѣзжайте ко мнѣ: у себя дома я болѣе сговорчивъ. *(Едва слышный громъ. На небѣ вырисовывается радуга).*

Юлія. Замолчите!

Кир. Бор. Ну, право же, я теперь лучше, чѣмъ былъ прежде. Прежде мнѣ были нужны всѣ женщины вообще, и ни одна въ частности, а теперь мнѣ нужно только васъ и никого больше. Видите, какъ я облагородился?

Юлія. Если вы хоть немножко любите меня, вы отдадите мнѣ это письмо!

Кир. Бор. Ну, до такого благородства я еще не дошелъ: это ужъ, такъ сказать, высшая школа. Можетъ быть, впослѣдствіи... подъ вашимъ руководствомъ... *(Беретъ ея руку и подноситъ къ губамъ, Юлія нервно отдергиваетъ руку).* Вы бы хоть не выражали своего отвращенія такъ демонстративно... хотя, надо вамъ отдать справедливость,—вы въ этотъ моментъ поистинѣ великолѣпны!.. Ну, что же дѣлать: насильно милъ не будешь. *(Прячетъ письмо въ карманъ. Взглянувъ черезъ стеклянную дверь).* А, радуга! Туча, значитъ, стороной прошла... *(Дѣлаетъ шагъ и останавливается).* Хотя я никогда не питалъ нѣжныхъ чувствъ къ покойному брату, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ очень хочется увидать эту каналью Волчанинова въ арестантскомъ халатѣ.

Юлія. Да и меня тоже...

Кир. Бор. Что такое?

Юлія. Выдавайте ужъ и меня кстати.

Кир. Бор. Юлія Лаврентьевна!?

Юлія. Его погубите—меня погубите.

Кир. Бор. Да вы съ ума сошли!

Юлія. Вѣдь и я замѣшана тутъ... А вы и не знали? *(Истерически смѣется).*

Кир. Бор. Послушайте,—да вы шутите, что ли?

Юлія *(съ тѣмъ же смѣхомъ).* Шучу, шучу!.. *(Серьезно)* Прощайте... Вы меня не увидите больше. *(Дѣлаетъ движеніе, чтобы уйти).*

Кир. Бор. Постойте... Что вы задумали?

Юлія. Я не хочу щеголять въ арестантскомъ халатѣ, а потому... уберу себя заблаговременно со сцены. *(Идетъ).*

Кир. Бор. Какое безуміе!.. Да развѣ можно такъ? *(За сценой слышны голоса Волчанинова, Ольги и Сборщикова. Входитъ Ольга, страшно взволнованная: за нею Волчаниновъ, сзади Сборщиковъ).*

8. Ольга, Волчаниновъ, Сборщиковъ.

Ольга. Оставь меня! Оставь меня!

Волчаниновъ. Ольга, ты не въ себѣ!.. Ты сама не понимаешь, что говоришь.

Кир. Бор. *(ко всѣмъ).* Что такое?

Юлія. Ольга!

Сборщиковъ *(Юліи).* Позвольте-съ!

Волчаниновъ. Она больна,—говорю вамъ: больна!

Ольга *(Волчанинову).* Такъ больше жить нельзя,— слышишь ты! нельзя!

Волчаниновъ. Ольга!

Сборщиковъ *(ему).* Позвольте же!

Волчаниновъ *(Сборщикову).* Вамъ что угодно?

Ольга. Обманъ, всю жизнь обманъ!.. Что же это за проклятіе такое?!

Волчаниновъ. Да вѣдь это бредъ!

Ольга *(въ тоскливой борьбѣ).* О, Боже мой! Эта кровь...

Юлія *(обнимаетъ сестру)*. Ольга, опомнись!.. Ольга!

Кир. Бор. Ну, теперь я вижу, что вы дѣйствительно больны.

Сборщиковъ *(въ изумленіи)*. Кириллъ Борисовичъ?!!

Кир. Бор. Въ постель, въ постель, — нечего и разговаривать! *(Всѣ, кромѣ Сборщикова, окружаютъ Ольгу)*.

Ольга. Я не больна. Нѣтъ, нѣтъ!

Кир. Бор. Нехорошо, нехорошо... Вамъ надо успокоиться.

Юлія. Ольга, пойдемъ: тебѣ дурно... *(хочетъ увести ее)*.

Ольга *(прижимая руками сердце)*. Сердце...

Юлія *(увлекаетъ ее къ двери)*. Тебѣ надо сейчасъ же лечь!

Кир. Бор. *(беретъ Ольгу подъ руку и доводитъ до двери)*. Вотъ такъ, вотъ такъ... Я сейчасъ заѣду за докторомъ.

Ольга. Задыхаюсь... Умереть бы... *(Уходитъ съ Юліей; Кириллъ Борисовичъ возвращается отъ двери назадъ; Волчаниновъ, послѣ нѣкотораго колебанія, поспѣшно уходитъ за Ольгой)*.

Сборщиковъ. Глубокоуважаемый Кириллъ Борисовичъ,—что жъ это?!

Кир. Бор. Я васъ попрошу оставить это дѣло.

Сборщиковъ. Какъ-съ?!

Кир. Бор. Братъ самъ покончилъ съ собой. Таково мое убѣжденіе.

Сборщиковъ. Что вы, что вы, многоуважаемый? Возможно ли? Стрѣляются только легкомысленные люди—студенты, провизоры—но чтобы генералы!

Кир. Бор. Въ день смерти Романъ былъ замѣтно разстроенъ. Я помню это.

Сборщиковъ. Да нѣтъ,—вы шутите! Сами-же вы изволили говорить... Да для чего же мы и торчали цѣлыхъ двѣ недѣли въ скверномъ городишкѣ?

Кир. Бор. Повторяю: я не хочу поднимать дѣла... Имѣю на то свои причины.

Сборщиковъ. Мнѣ моя совѣсть не позволяетъ, сердечно уважаемый...

Кир. Бор. *(презрительно).* Ваша совѣсть!

Сборщиковъ. Вспомните: вѣдь тутъ священный прахъ! Да, наконецъ, при чемъ же я-то останусь, мои-то труды? Нѣтъ, сердечно уважаемый, правосудіе выше всего!

Кир. Бор. Вы желаете получить съ меня гонораръ?

Сборщиковъ. Какъ можно, помилуйте-съ! Это — дѣло совѣсти.

Кир. Бор. Да говорите же толкомъ, чортъ васъ побери!

Сборщиковъ. Мнѣ бы, Кириллъ Борисовичъ, мѣсто управляющаго домами.

Кир. Бор. Вы знаете, что оно занято Каминскимъ.

Сборщиковъ. За что вы его такъ облюбовали? Вѣдь это, Кириллъ Борисовичъ, кащей... безсмертный-съ!..

Кир. Бор. Русскимъ языкомъ говорю вамъ: я не могу прогнать Каминскаго; я далъ слово и... ну, и довольно объ этомъ!

Сборщиковъ *(съ затаенной злостью).* Очень хорошо-съ. Понимаю всѣ тайныя пружины и всѣ фибры вашего человѣколюбиваго сердца... Значитъ, я опять ни при чемъ-съ?

Кир. Бор. Это, наконецъ, становится гадко... Вы, просто, торгуете этимъ священнымъ прахомъ!

Сборщиковъ. А вы, глубокоуважаемый?..

Кир. Бор. Что-о?!

Сборщиковъ. Увлеклись по слабости человѣческой, увлеклись... Хи-хи!

Кир. Бор. Что такое?!

Сборщиковъ. Барышня занятная... Изъ-за нея-то, стало быть, вы и просидѣли въ городишкѣ? А я-то думалъ!..

Кир. Бор. Молчать!

Сборщиковъ. Можно и помолчать... только я этого такъ не оставлю.

Кир. Бор. Вы?!

Сборщиковъ. Я поведу дѣло на свой рискъ-съ... Мнѣ терять нечего-съ, а вотъ вы такъ можете потерять-съ.

Кир. Бор. Если вы только посмѣете...

Сборщиковъ. Посмѣю, глубокоуважаемый... Уголовщина-съ!

Кир. Бор. Я васъ вышвырну на улицу!

Сборщиковъ. Всѣ нити у меня въ рукахъ. Могу больно укусить-съ... Усталъ я на заднихъ-то лапкахъ передъ всѣми танцовать: видно, на нихъ далеко не уѣдешь. Лучше давайте говорить на чистоту. Можно и назадъ попятиться, только было бы изъ-за чего-съ... Чѣмъ стращать-то, вы лучше скажите мнѣ: чѣмъ вы меня наградите?

Кир. Бор. Васъ? Пощечиной!..

Сборщиковъ. Такъ мы и будемъ знать, такъ и запишемъ-съ.

Кир. Бор. *(подходитъ къ двери).* Антонъ Николаевичъ!

Сборщиковъ. А, значитъ стачка? Очень хорошо-съ!.. Такъ и будемъ знать. *(Входитъ Волчаниновъ).*

9. Волчаниновъ.

Кир. Бор. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы этому негодяю дали какую-нибудь клячу: пусть ѣдетъ на всѣ четыре стороны. Прощайте: я поѣду за докторомъ. *(Волчаниновъ протягиваетъ ему руку; Кириллъ Борисовичъ киваетъ головой, повертывается къ нему спиной и уходитъ).*

Сборщиковъ. Хе-хе! Не удостоились руки глубоко почитаемаго мною?

Волчаниновъ *(хочетъ сказать что-то съ угрожающимъ жестомъ, но сдерживается и уходитъ).*

Сборщиковъ *(ходитъ, весь подергиваясь отъ злости)*. Мы вамъ покажемъ зубы!.. *(Юлія торопливо входитъ)*.

10. Юлія.

Юлія *(взволнованная и озабоченная)*. Кириллъ Борисовичъ уѣхалъ?

Сборщиковъ. Сейчасъ только вышли-съ. Да вы его догоните: ножки-то молодыя. *(Юлія торопливо уходитъ вдогонку за Кирилломъ Борисовичемъ)*.

11. Ольга.

Сборщиковъ *(подходитъ къ двери и тихонько стучитъ въ нее)*. Ваше превосходительство! *(Стучитъ)*. Ваше превосходительство!

Ольга *(появляется въ дверяхъ)*.

Сборщиковъ. Прощайте-съ! Письмецо-то, письмецо-то... Дочкѣ-то хотѣли написать.

Ольга. Теперь никакихъ писемъ не нужно. Я вамъ отдамъ другое. *(Торопливо отпираетъ ящикъ стола; руки у нея дрожатъ, ключъ не попадаетъ въ замочную скважину)*. Снимите съ меня эту петлю... Вотъ тутъ я написала... Мнѣ не даютъ говорить, зажимаютъ ротъ...

Сборщиковъ. Скорѣй, а то войдутъ-съ!

Ольга *(какъ въ лихорадкѣ)*. Да, да, скорѣй!.. Руки дрожатъ... Сейчасъ. *(Отпираетъ ящикъ и достаетъ оттуда тетрадь)*. Вотъ... Тутъ все, все, безъ утайки... Скажите отъ меня вашей дочери...

Сборщиковъ *(протягиваетъ руку къ тетради; съ нетерпѣніемъ)*. Пожалуйте скорѣе, а то войдутъ!

Ольга *(хочетъ отдать ему тетрадь, но вздрагиваетъ точно отъ внезапной мысли.)* Постойте... что я дѣлаю?

Сборщиковъ. Давайте! Э, Боже мой!

Ольга. Мысли помутились...

Сборщиковъ. Я слышу шаги... Давайте скорѣй! *(Выхватываетъ тетрадь у Ольги)*. Ну, вотъ теперь... Вотъ спасибо! Утѣшили вы меня!.. Золотое сердце, ангельская душа! Утѣшили! Пускай же вамъ это зачтется! *(Прячетъ тетрадь въ карманъ, идетъ, останавливается въ нерѣшительности и смотритъ на Ольгу съ чѣмъ-то въ родѣ участія, хочетъ что-то сказать, но подавляетъ движеніе)*. Спасибо! *(Уходитъ)*.

Ольга *(смотритъ съ выраженіемъ тяжелаго недоумѣнья въ лицѣ, потомъ, пошатываясь, доходитъ до кресла и безсильная падаетъ на него)*.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорація 4-го дѣйствія. Вечеръ. Сквозь закрытыя стеклянныя двери террассы видно, что на дворѣ совершенно темно. Вѣтеръ и дождь. На столѣ горитъ свѣча.

1. Ольга, Пелагея Никифоровна.

Пел. Ник. Много, много, Олюшка, видѣла я на бѣломъ свѣтѣ всякаго горя: насмотрѣлась я на людскія слезы, и жалко мнѣ стало человѣка. На муку родится онъ, и нѣтъ конца его мученіямъ... Стонетъ онъ, томится во тьмѣ, печалью и воздыханіемъ исполнена душа его... Но есть, Олюшка, Господь на небѣ, и не потухла Божья искра въ сердцѣ человѣка: озарится тьма свѣтомъ, и плачущіе утѣшатся...

Ольга. Тетя, я знала, что ты вернешься ко мнѣ.

Пел. Ник. Я все о тебѣ, Олюшка, думала. Ныла у меня спина отъ земныхъ поклоновъ, одеревенѣли ноги отъ стояній,—а не было мнѣ утѣшенія. Каждую ночь ты мнѣ снилась, все сердце мое исполосовалось за тебя... Что ты чувствуешь-то, Олюшка? Ликъ-то у тебя какой изможденный! Истиранила ты себя!

Ольга. Такъ нужно. Мы должны каждый свой шагъ отстрадать, чтобы искупить нашу постыдную и злую жизнь... всю неправду ея, всѣ обиды, измѣны... всѣ наши вольные и невольные грѣхи. Я отреклась ото лжи, я пошла на все ради правды... Такъ нужно... да. А только страшно мнѣ, тетя...

Пел. Ник. Что страшно-то, Олюшка?

Ольга. Я боюсь, что онъ возненавидитъ меня... Ты видѣла, какое у него лицо?

Пел. Ник. Полно, голубка моя, полно! Не тревожь себя!

Ольга *(сама съ собой)*. Я сдѣлала это, чтобы тьма озарилась свѣтомъ... Я душу готова отдать за его спасеніе.

Пел. Ник. Олюшка, родная моя, зорька моя, дай ты себѣ вздохнуть полегче, смилуйся надъ собой!

Ольга. Зачѣмъ ты жалѣешь меня? Говори мнѣ о грѣхахъ моихъ, о мукахъ,—не щади меня!..

Пел. Ник. Полно, полно... Перенесла ты сверхъ силъ человѣческихъ... Измаялась твоя кроткая душа... *(Гладитъ ее по волосамъ)*. Вотъ буду сидѣть подлѣ тебя да гладить твою больную головку... Ишь, вѣдь, какіе у тебя волосы-то мягкіе...

Ольга. Моя Вѣрочка такъ же гладила меня по волосамъ... Она, навѣрное, жалѣетъ свою маму. Она вѣдь ничего еще не понимаетъ: видитъ только, что мама ея—грустная...

Пел. Ник. *(желая остановить ее)*. Олюшка, Олюшка!..

Ольга. Ахъ, если бы она сейчасъ была со мной! Я взяла бы ее на руки... прижала бы къ себѣ... крѣпко, крѣпко... и все ходила бы съ ней по комнатѣ... все ходила бы... *(Слезы перехватываютъ у нея голосъ)*.

Пел. Ник. *(сама едва удерживаясь отъ слезъ)*. Полно, голубка, полно!

Ольга. Нѣтъ, хорошо, что она умерла, а то была бы такая же несчастная, какъ ея мать.

Пел. Ник. Да не томи ты себя!.. Давай, помолимся вмѣстѣ: Богъ дастъ тебѣ силу.

Ольга. Не могу молиться...

Пел. Ник. Легла бы ты въ постельку, уснула... Не хочешь?..

Ольга. Отодвинь свѣчку: глазамъ больно.

Пел. Ник. *(отодвинувъ свѣчку).* И куда это Юленька пропала? Вѣдь ночь на дворѣ... Темень какая! Неужто въ такую погоду гуляетъ? Вѣтеръ, дождь... Господи, помилуй! *(Увидя, что Ольга лежитъ съ закрытыми глазами).* Олюшка, ты бы заснула: чай, поздно ужъ? *(Поправляетъ у Ольги подушку).* Вотъ такъ... Ну, Господь съ тобой... Засни. А я пойду, помолюсь... Нѣтъ у насъ иной помощи, иной надежды, кромѣ Бога. *(Уходитъ. Пауза. Ольга лежитъ съ закрытыми глазами. За сценой вѣтеръ; дождь ударяетъ въ стекла).*

Ольга. Господи, спаси насъ... Господи, дай намъ силу!.. Господи!.. *(Шепчетъ молитву).*

(Входитъ, понуривъ голову, Волчаниновъ, блѣдный, осунувшійся, и, увидя Ольгу, приближается къ ней).

2. Волчаниновъ.

Ольга *(заслышавъ шаги его, приподнимается и съ ужасомъ смотритъ на него, потомъ садится на диванъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, протягиваетъ руки какъ бы для защиты отъ нападенія).*

Ольга. Знаю, зачѣмъ идешь... Ты хочешь убить меня?

Волчаниновъ *(пораженный, отступаетъ).* Убить?! Тебя? И ты могла подумать? Такъ вотъ ужъ до чего дошло! *(Закрываетъ лицо руками)*!..

Ольга. Да что жъ это я?.. Развѣ это возможно?.. Зачѣмъ мнѣ такія страшныя мысли приходятъ въ голову?! *(Подходитъ къ Волчанинову, отнимаетъ отъ лица его руки).* Ну, теперь,—видишь, все прошло. Видишь, я не боюсь тебя...

Волчаниновъ. О, это слишкомъ, Ольга, слишкомъ! Все, что угодно,—всякія казни,—только не это!

Ольга. Полно... Ну, посмотри на меня.

Волчаниновъ. Я чуть не помѣшался отъ горя, видя, какъ ты уходишь отъ меня все дальше и дальше. О, это одиночество!.. Лучше не жить!

Ольга. Я видѣла твою тоску, мучилась твоей мукой... Я вся изстрадалась за тебя!

Волчаниновъ *(съ горечью).* Да, я доставилъ тебѣ много горя... Ну, да что говорить объ этомъ: теперь за все сразу расплачусь каторгой...

Ольга. Мы вмѣстѣ пойдемъ!

Волчаниновъ *(съ горечью).* А ты за какую вину? Полно!

Ольга. Моя вина больше твоей! Не я ли первая желала смерти мужа? Не я ли натолкнула тебя на грѣхъ? Я испортила тебѣ жизнь!.. Изъ-за меня вся эта ложь, и кровь, и ожесточеніе!.. Я не хочу пощады!

Волчаниновъ *(съ горькой усмѣшкой).* Полно, Ольга: ты просто жаждешь страданій, какъ будто ихъ и безъ того мало! Я одинъ въ отвѣтѣ, одинъ и пойду.

Ольга. Мы вмѣстѣ пойдемъ... Мы обвѣнчаемся съ тобой.

Волчаниновъ. Опять жертва?

Ольга. Нѣтъ, нѣтъ!.. Съ тѣхъ поръ, какъ я полюбила тебя первой любовью, я навсегда отдалась тебѣ душой и никогда не покину тебя. Я буду любить тебя для того, чтобы вмѣстѣ страдать, вмѣстѣ нести крестъ, вмѣстѣ исполнить всякую правду!

Волчаниновъ *(прежнимъ тономъ).* Ольга, о чемъ говорить? Жизнь кончена.

Ольга. О, нѣтъ! Передо мной свѣтится новая жизнь, и любовь великая, и радость... Сбудется это—говорю тебѣ: сбудется!.. Вѣруй! *(Волчаниновъ качаетъ головой съ горькой усмѣшкой и хочетъ возразить).* Мы искупимъ грѣхъ свой, и Богъ возвратитъ намъ жизнь... И тогда тьма озарится свѣтомъ! Вѣришь ли ты въ это, какъ я вѣрую?

Волчаниновъ *(съ горькой усмѣшкой).* „Искупимъ грѣхъ“... Не грѣхъ это, Ольга, а несчастіе наше.

Ольга *(съ тоской)*. Антонъ!

Волчаниновъ. Счастлива ты, что такъ вѣруешь въ свой свѣтъ. А я пойду на казнь только потому, что жизнь не удалась... Если бы ты любила меня, какъ я тебя люблю, и боролась вмѣстѣ со мной за жизнь, мы обошлись бы безъ этихъ страданій, а теперь мы топимъ другъ друга и вмѣстѣ идемъ ко дну... Но такъ ли все это, такъ ли? Не безумствуемъ ли мы съ тобой? Можетъ быть, у насъ просто упадокъ духа, которымъ поспѣшатъ воспользоваться добрые люди? Что увидятъ, что поймутъ они изъ нашего чистосердечнаго признанія? Они увидятъ только кровь, которую я пролилъ, но не увидятъ той крови, которую высасывалъ изъ насъ по каплѣ твой деспотъ.

Ольга *(съ тоской и страхомъ)*. Опять, опять?!

Волчаниновъ. Они будутъ судить меня, какъ злодѣя,— а развѣ сами они... *(Смотритъ на нее, и лицо его нервно подергивается; упавшимъ голосомъ)*. Не бойся... не мучайся: я пойду! Если ты осудила меня, я не возьму на себя труда оправдываться передъ другими... Такъ, значитъ... на казнь?.. Да?

Ольга *(восторженно)*. Мы все вынесемъ, всѣ испытанія, всѣ муки,—только бы не было у насъ этой язвы въ сердцѣ. Ты видишь: я оживаю, я дышу свободно... И тебѣ будетъ легче... И ты, мой близкій, родной... и ты вздохнешь свободно!.. *(Плачетъ)*. Въ первый разъ въ жизни плачу отъ радости!

Волчаниновъ *(съ волненіемъ смотритъ на нее)*. Гм... Такъ ты вѣришь, что копать руду на каторгѣ разумнѣе, благороднѣе, чѣмъ... Неужели каторжный крестъ святѣе, нужнѣе всякаго другого? Неужели вы съ теткой правы, и иного исхода для насъ не существуетъ?.. Нѣтъ, это просто малодушіе, больная совѣсть, запуганная мысль!.. Ты летишь слѣпо на огонь, который притягиваетъ тебя и пожретъ насъ обоихъ безслѣдно.

Подумай, Ольга, подумай хорошенько! Не оттого ли мы такіе жалкіе, что намъ съ младенчества наполняли душу страхомъ, заразили уныніемъ, сомнѣніями, пріучили насъ безпрестанно рыться въ своей совѣсти и каждый шагъ свой считать за грѣхъ?.. Слишкомъ рано убили въ насъ силы!—вотъ, отчего мы теперь трусливо отступаемъ передъ борьбой, вотъ отчего я теряюсь и все хочу оправдаться передъ самимъ собою и только, какъ собака, зализываю свою рану... Вотъ отчего я сдаюсь!..

(Въ дверь балкона входитъ Юлія, снимая на ходу мокрыя отъ дождя пальто и шляпу).

3. Юлія, потомъ Дарья; въ концѣ явленія—Пелагея Никифоровна.

Юлія. Вамъ надо бѣжать отсюда... Все открылось!.. Васъ арестуютъ.

Волчаниновъ. Что такое? Откуда вы?

Юлія. Отъ Кирилла Борисовича... Я къ нему ѣздила. *(Переводитъ духъ).* Все открылось: кто-то выдалъ васъ.

Волчаниновъ. Кто могъ выдать?

Юлія. Не знаю... Братецъ мой возлюбленный? Тетка? Не знаю,—но васъ каждую минуту могутъ арестовать!

Волчаниновъ. Я хочу знать: кто?

Юлія. Ахъ, Боже мой, да я думаю, здѣсь всѣ подкуплены. Тутъ цѣлый заговоръ. Сборщиковъ для этого и жилъ у Кирилла Борисовича, пока его не прогнали... Всѣ мои родные противъ васъ... всѣ, всѣ! Васъ все лѣто выслѣживали...

Волчаниновъ. Вотъ какъ? предателей толпа?

Юлія. Да чего же вы стоите? Вамъ надо бѣжать. Кириллъ Борисовичъ былъ у прокурора... За вами каждую минуту могутъ пріѣхать. Нельзя терять времени... Я велѣла ямщику подождать.

Волчаниновъ. Такъ это Кириллъ постарался?

Юлія. Нѣтъ, онъ самъ не знаетъ, кто... У прокурора есть чьи-то показанія... Да собирайтесь же скорѣй! Ольга!

Ольга. Пусть дѣлаютъ съ нами, что хотятъ!..

Юлія. Что?! Да ты въ умѣ? *(Волчанинову).* А вы? Или тоже хотите отдаться имъ въ руки?

Волчаниновъ *(стиснувъ зубы).* Они устраиваютъ на меня травлю, выслѣживаютъ, подкупаютъ. Тутъ цѣлая свора... Такъ нѣтъ же!

Ольга *(съ тоскливой мольбой).* Антонъ!

Волчаниновъ. Опять вспыхнула во мнѣ злоба! Всѣ эти обидчики, грабители, предатели, всѣ эти фарисеи спокойно совершаютъ свои злодѣйства—отцы продаютъ дочерей, мужья истязуютъ женъ, палачи тѣшатся надъ жертвами—и никто не называетъ ихъ преступниками, убійцами, а на меня всѣ они накинутся съ ожесточеніемъ?

Ольга *(хочетъ остановить его).* Умоляю тебя!

Волчаниновъ. О, какъ я ненавижу ихъ всѣхъ!—этихъ судей, которые будутъ карать меня во имя справедливости и пылать благороднымъ негодованіемъ, эту публику, которая будетъ ужасаться моему безчеловѣчію, этихъ газетчиковъ, которые постараются разукрасить мои муки романтическими подробностями...

Ольга *(хочетъ остановить его).* Умоляю!..

Волчаниновъ *(не слушая).* Всѣхъ этихъ почтенныхъ обывателей, которые будутъ злорадствовать по моему адресу, всѣхъ этихъ любителей зрѣлищъ, которые будутъ любоваться судорогами моей души, какъ театральнымъ представленіемъ!.. И передъ этими людьми мы будемъ каяться? Такъ нѣтъ же!

Юлія. Да собирайтесь же скорѣй! Нельзя терять ни минуты. Лошади ждутъ... Ольга!

Волчаниновъ. Да, да. Взять съ собой только самое

необходимое... *(Судорожно роется въ конторкѣ).* Еще можно бороться, можно спастись.

Юлія. Только бы добраться до станціи, а тамъ придумаете, куда скрыться...

Дарья *(входитъ).* Ямщикъ спрашиваетъ: ждать ли ему?

Волчаниновъ. Что такое?

Юлія *(Дарьѣ).* Вели ему подождать: сейчасъ ѣдутъ. *(Дарья уходитъ).* Ольга, да одѣвайся же! Гдѣ твое пальто? *(Поспѣшно уходитъ).*

Ольга. Антонъ, ты губишь свою душу.

Волчаниновъ *(разбираясь въ конторкѣ).* Деньги, паспортъ... Впрочемъ, паспортъ не годится... *(Ольгѣ).* Что? Нѣтъ, мы еще поборемся. А, револьверъ!.. Возьмемъ на всякій случай. *(Кладетъ его въ карманъ).* Еще что взять?

Ольга *(подходитъ къ нему).* Мы не можемъ бѣжать! *(Волчаниновъ продолжаетъ рыться въ конторкѣ).* Мы не должны бѣжать!

Волчаниновъ. Ольга, я не покорюсь, я не позволю тащить себя на арканѣ!

Ольга. Антонъ, придетъ время,—и мы умремъ, и память обо всемъ исчезнетъ. Но за неправду нашу взыщется съ насъ,—говорю тебѣ: взыщется!..

Юлія *(входитъ съ одеждой Ольги).* Скорѣй, скорѣй! Мнѣ кажется, къ намъ ѣдутъ!.. *(Подавая Ольгѣ пальто).* Одѣвайся же!

Ольга *(отстраняетъ Юлію).* Пусти!.. *(Подходитъ къ Волчанинову и говоритъ тономъ страстнаго убѣжденія)* Антонъ, отъ Бога не убѣжишь.

Волчаниновъ. Я бѣгу отъ предателей, которыхъ ненавижу!

Ольга. Такъ знай же: тебя выдала я!

Волчаниновъ. *(перестаетъ рыться въ конторкѣ и зами-*

раетъ въ неподвижной позѣ; потомъ медленно поворачивается къ Ольгѣ. Юлія ошеломлена; пальто падаетъ изъ ея рукъ).

Волчаниновъ. Ты!?

Ольга. Да, я! Я поклялась спасти твою душу!

Юлія *(сдавленнымъ голосомъ).* Безумная!

Ольга. Пускай позорятъ и проклинаютъ насъ люди, но пусть погибнетъ неправда!

Юлія *(Волчанинову).* Оставьте эту безумную: бѣгите одни!

Волчаниновъ. Такъ ты предала меня? Ты? Вотъ это мой смертный приговоръ... Вотъ это... *(Говоритъ что-то самъ съ собой).*

Юлія. Спасайтесь же, говорятъ вамъ! Спасайтесь, пока не поздно! Бѣгите!

Волчаниновъ *(самъ съ собой).* Куда бѣжать?.. Зачѣмъ бѣжать?.. Вездѣ предательство...

Ольга. Пускай обрушатся на насъ всѣ пытки, всѣ униженія,—но пусть погибнетъ неправда!

Волчаниновъ. А! Ну, такъ пусть же и я погибну! *(Вынимаетъ изъ кармана револьверъ и стрѣляется).*

Юлія *(съ крикомъ бросается къ нему).*

Пел. Ник. *(вбѣгаетъ и съ ужасомъ останавливается)* Господи, смилуйся надъ нами!

Ольга *(полусознательно въ экстазѣ).* Пусть... погибнетъ... неправда... *(Шатается. Пелагея Никифоровна поддерживаетъ ее).*

З А Н А В Ѣ С Ъ.

ДѢЛО ЖИЗНИ.

Сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ,

Н. И. ТИМКОВСКАГО.

Пел. Ник. Что страшно-то, Олюшка?

Ольга. Я боюсь, что онъ возненавидитъ меня... Ты видѣла, какое у него лицо?

Пел. Ник. Полно, голубка моя, полно! Не тревожь себя!

Ольга *(сама съ собой)*. Я сдѣлала это, чтобы тьма озарилась свѣтомъ... Я душу готова отдать за его спасеніе.

Пел. Ник. Олюшка, родная моя, зорька моя, дай ты себѣ вздохнуть полегче, смилуйся надъ собой!

Ольга. Зачѣмъ ты жалѣешь меня? Говори мнѣ о грѣхахъ моихъ, о мукахъ,—не щади меня!..

Пел. Ник. Полно, полно... Перенесла ты сверхъ силъ человѣческихъ... Измаялась твоя кроткая душа... *(Гладитъ ее по волосамъ)*. Вотъ буду сидѣть подлѣ тебя да гладить твою больную головку... Ишь, вѣдь, какіе у тебя волосы-то мягкіе...

Ольга. Моя Вѣрочка такъ же гладила меня по волосамъ... Она, навѣрное, жалѣетъ свою маму. Она вѣдь ничего еще не понимаетъ: видитъ только, что мама ея—грустная...

Пел. Ник. *(желая остановить ее)*. Олюшка, Олюшка!..

Ольга. Ахъ, если бы она сейчасъ была со мной! Я взяла бы ее на руки... прижала бы къ себѣ... крѣпко, крѣпко... и все ходила бы съ ней по комнатѣ... все ходила бы... *(Слезы перехватываютъ у нея голосъ)*.

Пел. Ник. *(сама едва удерживаясь отъ слезъ)*. Полно, голубка, полно!

Ольга. Нѣтъ, хорошо, что она умерла, а то была бы такая же несчастная, какъ ея мать.

Пел. Ник. Да не томи ты себя!.. Давай, помолимся вмѣстѣ: Богъ дастъ тебѣ силу.

Ольга. Не могу молиться...

Пел. Ник. Легла бы ты въ постельку, уснула... Не хочешь?..

Ольга. Отодвинь свѣчку: глазамъ больно.

Пел. Ник. *(отодвинувъ свѣчку).* И куда это Юленька пропала? Вѣдь ночь на дворѣ... Темень какая! Неужто въ такую погоду гуляетъ? Вѣтеръ, дождь... Господи, помилуй! *(Увидя, что Ольга лежитъ съ закрытыми глазами).* Олюшка, ты бы заснула: чай, поздно ужъ? *(Поправляетъ у Ольги подушку).* Вотъ такъ... Ну, Господь съ тобой... Засни. А я пойду, помолюсь... Нѣтъ у насъ иной помощи, иной надежды, кромѣ Бога. *(Уходитъ. Пауза. Ольга лежитъ съ закрытыми глазами. За сценой вѣтеръ; дождь ударяетъ въ стекла).*

Ольга. Господи, спаси насъ... Господи, дай намъ силу!.. Господи!.. *(Шепчетъ молитву).*

(Входитъ, понуривъ голову, Волчаниновъ, блѣдный, осунувшійся, и, увидя Ольгу, приближается къ ней).

2. Волчаниновъ.

Ольга *(заслышавъ шаги его, приподнимается и съ ужасомъ смотритъ на него, потомъ садится на диванъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, протягиваетъ руки какъ бы для защиты отъ нападенія).*

Ольга. Знаю, зачѣмъ идешь... Ты хочешь убить меня?

Волчаниновъ *(пораженный, отступаетъ).* Убить?! Тебя? И ты могла подумать? Такъ вотъ ужъ до чего дошло! *(Закрываетъ лицо руками)*!..

Ольга. Да что жъ это я?.. Развѣ это возможно?.. Зачѣмъ мнѣ такія страшныя мысли приходятъ въ голову?! *(Подходитъ къ Волчанинову, отнимаетъ отъ лица его руки).* Ну, теперь,—видишь, все прошло. Видишь, я не боюсь тебя...

Волчаниновъ. О, это слишкомъ, Ольга, слишкомъ! Все, что угодно,—всякія казни,—только не это!

ДѢЛО ЖИЗНИ.

Сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ,

Н. И. ТИМКОВСКАГО.

ЛИЦА:

Черемисовъ Глѣбъ Гаврииловичъ, землевладѣлецъ, среднихъ лѣтъ.

Анна Родіоновна, жена его.

Таня, дочь ихъ, очень молодая дѣвушка.

Гаврила Ивановичъ, отецъ Черемисова.

Крузовъ Андрей Павловичъ, владѣлецъ завода.

Корягинъ Дмитрій Николаевичъ, земскій врачъ, молодой.

Марья Платоновна, земская фельдшерица и акушерка, пожилая дѣвушка.

Дворянчиковъ Егоръ Тарасовичъ, сельскій учитель, подъ 40 л.

Домна Захаровна, жена его, однихъ лѣтъ съ мужемъ.

Флегонтовъ Патрикѣй Саввичъ, богатый хлѣботорговецъ, пожилой.

Ульяновъ Петръ Акимовичъ, землевладѣлецъ, молодой.

Крутогоровъ Арсеній Даниловичъ, уѣздный предводитель дворянства.

Ребринскій Николай Артемьевичъ, судебный слѣдователь.

Жустринъ Филиппъ Макаровичъ,
Лазуринскій Павелъ Маркеловичъ,
Поскребинъ Ѳедоръ Лукичъ,
Лубковъ Иванъ Серапіоновичъ,
Черничкинъ Илья Назаровичъ, } землевладѣльцы.

1-й.
2-й.
3-й.
4-й. } землевладѣльцы.

Нѣсколько землевладѣльцевъ.

Кирилловна, старая нянька Черемисова.

Любаша, горничная, внучка Кирилловны.

Карлъ Ивановичъ, директоръ на заводѣ у Крузова.

Служащіе на заводѣ Крузова и гости: мужчины, дамы, два лакея Крузова безъ рѣчей.

3-е дѣйствіе происходитъ въ домѣ Крузова; остальныя—въ усадьбѣ Черемисова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Усадьба Черемисова. Садъ, переходящій непосредственно въ паркъ. Направо отъ зрителей — деревянный двухъ-этажный домъ съ нижней террасой и верхнимъ балкономъ, на который ведетъ наружная узенькая лѣстница. Передъ террасой—цвѣтникъ; дальше за террасой, въ глубинѣ сцены, крыльцо. Въ лѣвой сторонѣ сада бесѣдка. Невдалекѣ отъ террасы—качели. Вдали виднѣются поле, рѣка, деревня и труба Крузовскаго завода. На горизонтѣ синѣетъ роща.—На авансценѣ—круглый садовый врытый въ землю столъ, на которомъ *Кирилловна* и *Любаша* разставляютъ чайныя принадлежности.

I. Кирилловна, Любаша.

Кирилловна. Надо, чтобы все было какъ слѣдоваетъ. Анна Родіоновна праздничный севризъ вынула: этотъ надо назадъ снесть. *(Указываетъ на старый приборъ).* Гость-то не маленькій: заводчикъ... тысячникъ большой... вотъ бы за кого Танечку выдать, любо-дорого!

Любаша. Ну, баушка, велика радость за старика выходить...

Кирилловна. Это по нашему, по деревенскому, коли сорокъ лѣтъ, такъ и старъ. А по господски онъ въ самой порѣ.

Любаша. Барыня-то, чай, за доктора выдетъ. У нихъ ужъ, чай, давно все слажено.

Кирилловна. Нѣтъ, за Андрея бы Палыча куда бы лучше. Тогда и Глѣбъ Гаврилычъ опять оперуется, а то раззорилъ онъ себя съ этими мужланами.

Любаша. Глѣбъ Гаврилычъ такой для простого народа радѣтель, ужъ это надо къ чести ему приписать.

Кирилловна. Ну да, къ чести... всаживаетъ, всаживаетъ въ нихъ, а они нешто чувствуютъ что? Имъ бы только содрать съ кого. Знамо, мужичьи хари. Вотъ и староста нашъ говоритъ: „мирволитъ, гытъ, баринъ этимъ идоламъ. У меня, гытъ, только что руки связаны, а то бы я ихъ вотъ какъ“... Поди-ка, другой севризъ принеси, да варенья... да полотенце чистое. *(Приставляетъ стулья къ столу).*

Любаша. *(Направляясь съ подносомъ къ столу).* Знаю я старосту-то: Севастьянычъ умѣетъ юлить передъ бариномъ, а ужъ такой-то кляузникъ, не приведи Господи!

2. Гаврила Ивановичъ *(въ фуражкѣ съ дворянской кокардой, съ цвѣткомъ въ петличкѣ, съ тросточкой въ рукахъ, входитъ изъ парка и, встрѣтясь съ Любашей, хватаетъ ее).*

Гаврила Ивановичъ. Стой! Говори: откуда и куда? *(Заигриваетъ съ ней).*

Любаша. Оставьте, Гаврилъ Иванычъ,—что-й-то, право!

Гаврила Ивановичъ. Говори: много хозяйскаго чаю-сахару воруешь, а?

Любаша. Пустите, а то вотъ подносъ такъ и грохну... сейчасъ умереть, грохну!

Гаврила Ивановичъ. А я изъ жалованья вычту.

Кирилловна. И посмотрю я на васъ, Гаврила Иванычъ. *(Тотъ отходитъ отъ Любаши, которая уходитъ въ крыльцо):* волосъ на головѣ нѣтъ, а глазъ все коситъ, все коситъ...

Гаврила Ивановичъ. Но—не забываться!

Кирилловна. Эхъ, Гаврила Иванычъ, Гаврила Иванычъ, вѣдь, въ субботу въ обѣдъ будетъ сто лѣтъ.

Гаврила Ивановичъ. Всю жизнь твержу тебѣ, старая кочерыжка, что я не *Гаврила, а Гавріилъ*!

Кирилловна. Гавріилъ-то, чай, въ писаніи...

Гаврила Ивановичъ. Васъ, сиволапыхъ, хоть въ трехъ щелокахъ вари, все вы будете невѣжды и свиньи. Я всегда говорилъ это. *(Любаша возвращается съ новымъ приборомъ на подносѣ, съ вазочкой варенья и чайнымъ полотенцемъ).* Впрочемъ, чортъ съ вами, коли вы обращенія не понимаете: съ вами баринъ шутитъ, а вы... *(Увидавъ около стола соръ).* Это что: соръ? Подмести немедленно: въ 24 часа! Чуть не доглядишь, сейчасъ вездѣ грязь разведутъ. Только срамите меня передъ Андреемъ Павловичемъ. Я вотъ приду: я васъ тогда палкой. *(Останавливаясь на верхней ступенькѣ террáсы).* Живо! Въ 24 часа! *(Уходитъ черезъ террасу въ комнаты. Любаша достаетъ изъ-за крыльца вѣникъ и подметаетъ соръ).*

Кирилловна. Самого-бы палкой-то. Умѣетъ только денежки по вѣтру пущать, да съ бабами баловаться. *(Вынимаетъ изъ вазочки съ вареньемъ ложку, наскоро облизываетъ ее и кладетъ въ полоскательную чашку).*

Любаша. Человѣкъ старый, мастистый, а этакъ озорничаетъ. А еще образованный.

Кирилловна. Вотъ погоди: и ты образуешься, — тоже безобразить будешь. *(Любаша оставляетъ вѣникъ, украдкой вынимаетъ изъ кармана книжку и разсматриваетъ ее).*

Любаша. Отъ ученья-то, баушка, люди великатнѣе дѣлаются.

Кирилловна. Ну да, „великатнѣе!“ Вонъ, Домна-то...

Любаша. А что-жъ? изъ мужичекъ, а за учителя вышла. А вѣдь босая бѣгала.

Кирилловна. *(Взглянувъ на Любашу).* Ты это чего-й-то, уткнумши носъ въ книжку, стоишь?

Любаша. Барышня дала сейчасъ. Занятная книжка: какъ все на землѣ устроено, откуда вѣтеръ дуетъ и откуда дождикъ проистекаетъ.

Кирилловна. Брось, брось! Ишь, какая начетница объявилась. Мудрите вы съ барышней больно. Вотъ за это и нѣтъ вамъ второй мѣсяцъ дождя, хоть пополамъ

разорвитесь. Ты, Любка, не смѣй у меня учиться вплотную, а то за косы... *(Любаша прячетъ книжку въ карманъ).*

3. Дворянчиковъ. *(Выходитъ изъ комнатъ черезъ террасу).*

Дворянчиковъ. Добролюбивые люди, нѣтъ ли здѣсь папиросочки?

Кирилловна. А вы бы, Егоръ Тарасовичъ, свои завели, а то все на господскіе льститесь.

Дворянчиковъ. „Господскія"... Словно я лакей. Ты, Ѳедосья Кирилловна, вообще много позволяешь себѣ— да!

Кирилловна. Ишь вѣдь: невеликъ человѣкъ, а какой гнѣвливый.

Дворянчиковъ. Врешь! я великъ человѣкъ, потому что я служу великому дѣлу. Я — учитель, а не прихлебатель!

Кирилловна. Ну, какъ есть масло на сковородѣ: зашипитъ, забрыжжетъ, а все ни къ чему. *(Домна Захаровна останавливается въ дверяхъ на террасѣ).* Вонъ, гляди, жена идетъ. *(идетъ къ крыльцу).*

4. Домна Захаровна.

Домна Захаровна. *(Сходитъ съ террасы, подозрительно).* Егоръ, ты чего тутъ?

Дворянчиковъ. Хотѣлъ папироску...

Домна Захаровна. *(Насмѣшливо и недовѣрчиво).* Папироску?

Кирилловна. Любка, уйди отъ грѣха. *(Уходитъ въ крыльцо; Любаша за нею).*

Дворянчиковъ. Живешь, живешь ты, Домна Захаровна, а все у тебя вентиляція въ головѣ свиститъ.

Домна Захаровна. Ну, ну... Денегъ-то у Глѣба Гаврилыча просилъ?

Дворянчиковъ. Его сейчасъ дома нѣтъ. Да если бы и былъ дома... Какія у него деньги?

Домна Захаровна. Прогорѣлъ, стало-быть, съ мужиками со своими? Какъ же теперь намъ быть то? Вѣдь этакая незадача! Недаромъ я нынче во снѣ все въ банѣ мылась.

Дворянчиковъ. Эхъ, Домна, погрязла ты въ суевѣріи. А еще брала у меня уроки самообразованія!

Домна Захаровна. Ну, ты своей ученостью передо мной не хвастай. Ученье-то идетъ въ прокъ умнымъ—а ты какой добычникъ?

Дворянчиковъ. Домна Захаровна, когда же ты перестанешь шпынять меня? Это наконецъ просто... Живемъ, благодареніе Богу, съ голоду не умираемъ.

Домна Захаровна. А на черный день что у насъ есть? Прямые нигилисты.

Дворянчиковъ. Домна Захаровна, „нигилистъ“ — значитъ...

Домна Захаровна. А, поди ты въ бучило! Народилъ дѣтей, а самъ... Тебѣ сказано: надо корову купить. Настасья говоритъ: у Лаптевыхъ по случаю неурожая корова задешево продается... Ты вотъ что: проси у этого заводчика. Слышишь?

Дворянчиковъ. Что ты, что ты! Повернется ли языкъ? Съ какой радости онъ будетъ давать намъ деньги?

Домна Захаровна. Эхъ ты, нескладеха! У него денегъ то, чай, бурунъ цѣльный: онъ—матеріалистъ, а мы съ съ тобой...

Дворянчиковъ. Домна Захаровна, „матеріалистъ“—значитъ...

Домна Захаровна. А еще лучше: просись къ нему на заводъ въ новую школу. Чай, видѣлъ, какое онъ у себя училище взгрохалъ? чета здѣшнему.

Дворянчиковъ. Ну, что ты говоришь, Домаша? Я горжусь, что столько лѣтъ работалъ здѣсь съ Глѣбомъ

Гавриловичемъ на родной нивѣ, и вдругъ взять, да перебѣжать на заводъ!

Домна Захаровна. А ты посмотри, какую квартиру тамъ для учителя отдѣлали? Всякому пальчику по чуланчику! по крайности, не въ тѣснотѣ будемъ.

Дворянчиковъ. Да вѣдь мы школу-то здѣшнюю, можно сказать, вмѣстѣ съ Глѣбомъ Гаврилычемъ строили. Вѣдь я тутъ съ самаго основанія завелся... Насъ съ Глѣбомъ Гаврилычемъ идея связываетъ,—какъ ты этого не понимаешь? Да, кромѣ того, сколько онъ намъ съ тобой помогалъ: вѣдь все его попеченіями...

5. Таня *(въ малороссійскомъ костюмѣ, сходитъ съ террасы, держа въ рукахъ коробку съ коллекціей и книгу).*

Таня *(идетъ къ Домнѣ Захаровнѣ).* Вотъ вамъ, Домна Захаровна, книгу. Не знаю только, по вкусу ли придется.

Домна Захаровна *(беретъ книгу).* Благодарствуйте. Мнѣ, коли романъ, такъ, по крайности, какой-нибудь психическій. *(Разсматриваетъ книгу, слѣдя ревнивымъ взглядомъ за Таней и мужемъ).*

Таня. Хочу похвастать передъ вами, Егоръ Тарасовичъ. *(Открываетъ передъ нимъ коробку).* Составляю коллекцію для школы.

Дворянчиковъ. *(Смотритъ въ коробку).* А!.. Жучки... Козявочки... Такъ... такъ. Честь вамъ и слава. Сѣйте разумное, доброе, вѣчное.

(Любаша вноситъ самоваръ, ставитъ его на столъ и уходитъ).

Домна Захаровна *(съ скрытымъ раздраженіемъ).* Егоръ, пора домой.

Таня. А чаю? *(Ставитъ коробку на садовую скамейку и завариваетъ чай).*

Домна Захаровна. Нѣтъ, покорно благодарю. *(Мужу).* Пойдемъ.

Дворянчиковъ. Я бы, Домаша, чепурушечку выпилъ. *(Домна Захаровна дѣлаетъ сердитое движеніе. Входитъ черезъ паркъ Корягинъ).*

6. Корягинъ.

Корягинъ. Здравствуйте. *(Здоровается съ Таней).* Вотъ вамъ почта. *(Отдаетъ Танѣ газеты и письма).* Дайте мнѣ за это чаю.

(Здоровается съ Дворянчиковымъ). Фу, духота какая. *(Снимаетъ шляпу, обмахивается ею, потомъ садится къ столу, просматриваетъ газеты).*

Таня *(наливаетъ Корягину и Дворянчикову, было просматриваетъ почту, потомъ идетъ къ качелямъ и, стоя, качается на нихъ).*

Домна Захаровна *(мужу).* Ну, выпей, что ли чаю, да приходи... *(идетъ).*

Дворянчиковъ. Я вотъ тутъ газетинку... *(Выбираетъ газету).*

Домна Захаровна *(Останавливаясь).* Докторъ, вы шли— не видали моего индюка?

Корягинъ. Не имѣлъ удовольствія.

Домна Захаровна. Пропалъ, проклятущій; пойтить, поискать. *(Идетъ).*

Таня. Придете на засѣданіе-то?

Домна Захаровна. Гдѣ ужъ мнѣ... *(съ ироніей).* У васъ все народъ образованный... Ну, да, коли зовете, такъ вотъ управлюсь—приду послушать умныя рѣчи. *(Уходитъ. За сценой слышенъ ея голосъ, зовущій индюка):* „Пыря, пыря!"

Дворянчиковъ *(выбравъ себѣ газету).* А я, пока что, удалюсь въ бесѣдку да почитаю, что на Божьемъ свѣтѣ дѣлается. *(Беретъ стаканъ съ чаемъ и уходитъ).*

Корягинъ. Что это какъ вы расфрантились? Не для заводчика-ли?

Таня. Обыкновенный малороссійскій костюмъ.

Корягинъ. Этотъ господинъ опять у васъ торчитъ? Я видѣлъ здѣсь его коляску.

Таня. Онъ, должно быть, въ паркѣ съ мамой.

Корягинъ. Чего это онъ повадился?

Таня. Да вѣдь онъ давнишній знакомый и папы и мамы.

Корягинъ. Ну, папа-то не большой охотникъ до него. Не знаю, какъ мама.

Таня. Мнѣ очень непріятно, что онъ все съ мамой.

Корягинъ. А не съ вами?

Таня. Эго что еще? Я говорю вамъ про маму. Она какъ-то измѣнилась...

Корягинъ. Къ худшему?

Таня. Да... Впрочемъ, все это глупости: мама не можетъ измѣниться къ худшему. *(Задумчиво)*. Съ ней что-то сдѣлалось еще съ того времени, какъ умеръ Коля...

Корягинъ. Съ тѣхъ поръ прошло больше года: не все же тосковать. *(Издали доносятся чуть слышно звуки пастушьяго рожка)*

Таня. Она такъ любила Колю... и потомъ все это такъ неожиданно вышло. Я сама, какъ только вспомню своего братишку... *(съ глубокимъ чувствомъ)* Господи, какой чудный мальчикъ былъ.

Дворянчиковъ *(выходитъ изъ бесѣдки, щелкая пальцемъ по газетѣ)*. Въ Ирландіи то какія дѣла дѣлаются,—а? Молодчага у нихъ этотъ... какъ его? *(ставя передъ Таней стаканъ)*. Позвольте еще стаканчикъ... Еще пишутъ; новая экспедиція къ сѣверному полюсу поѣхала. Я объ этомъ размышляю такъ: ну, откроютъ они полюсъ,— да кому же отъ этого теплѣе станетъ? Димитрій Николаевичъ, одолжите папиросочку.

Корягинъ. Вы знаете, что я не курю.

Дворянчиковъ. Ахъ, вѣдь и правду. А я своихъ не держу, дабы курить поменѣе. *(Беретъ налитый Таней стаканъ и идетъ въ бесѣдку)*. Полюсъ, полюсъ... Что такое полюсъ? Массѣ-то что отъ этого... черному-то народу? Не понимаю... *(скрывается въ бесѣдкѣ)*.

(Влетаетъ изъ парка Марья Платоновна).

7. Марья Платоновна.

Марья Платоновна. Почта, говорятъ, пришла?.. Письма есть?

Таня *(радостно)*. Марья Платоновна! *(Бросается обнимать ее)*.

Марья Платоновна. Да, вѣдь видѣлись утромъ, видѣлись... Смерть устала, а скоро опять бѣжать. Дайте чашечку. *(Таня наливаетъ)*. А, и хлѣбъ есть? Отлично... *(Наскоро перебравъ почту)*. Писемъ мнѣ нѣтъ. А что пишутъ о медицинскихъ курсахъ?

Корягинъ. Ничего.

Марья Платоновна. Не можетъ быть. Такъ о чемъ же они пишутъ? *(Наскоро пьетъ чай и ѣстъ хлѣбъ)*. А гдѣ Глѣбъ Гавриловичъ? Не возвращался еще?

Дворянчиковъ. *(Входитъ въ возбужденіи съ газетой)*. Огуречниковъ-то! представьте себѣ: въ инспектора попалъ,—а? Здравствуйте, Марья Платоновна, *(здоровается)*. *(Танѣ)*. Еще стаканчикъ соблаговолите: духотища, сушь, испаряемость страшная... *(Таня наливаетъ ему)*.

Марья Платоновна. Ваша жена сейчасъ забѣгала ко мнѣ въ больницу за своимъ индюкомъ. Зачѣмъ ее индюкъ попадетъ къ намъ? Не лѣчиться же... Про какого Огуречникова вы говорите?

Дворянчиковъ. Мой однокашникъ: вмѣстѣ въ бабки играли... Теперь, изволите видѣть, инспекторомъ народныхъ училищъ задѣлался, фортуну свою завоевалъ.

Мы тутъ съ индюками возимся, а онъ вонъ какъ шарахнулъ... чудеса въ рѣшетѣ! *(Слышится звукъ подъѣхавшаго экипажа).*

Марья Платоновна. Что же вы завидуете?

Дворянчиковъ. Ничего я не завидую, а только диву даюсь. Что такое Огуречниковъ? Не болѣе, какъ Володька Огуречниковъ только и всего. *(Звукъ рожка замолкаетъ).*

8. Черемисовъ *(входитъ, выколачивая съ своего платья вѣткой пыль).*

Черемисовъ. *(Издали).* Ну, наглотался я пыли! Такъ все пересохло: въ полѣ—страшно смотрѣть... Здравствуйте, докторъ. *(Здоровается).* А Марья Платоновна, моторный человѣкъ! *(Протягиваетъ ей руку).*

Марья Платоновна *(здороваясь съ нимъ).* Вотъ модникъ какой: по десяти разъ на дню здоровается.

Черемисовъ *(выколачивая съ картуза пыль).* Всю дорогу чихалъ отъ пыли. Въ горлѣ першитъ.

Таня *(подаетъ ему стаканъ съ чаемъ).* Папа, вотъ тебѣ чай.

Черемисовъ. Спасибо, Танюшка... Поцѣловалъ-бы тебя, если бы не былъ похожъ на трубочиста отъ пыли.

Таня *(подставляетъ отцу щеку).* Ничего, цѣлуй.

Черемисовъ. Ну, ладно, коли такъ. *(Цѣлуетъ ее, потомъ обращается къ Марьѣ Платоновнѣ).* Дайте-ка папиросу: съ утра не курилъ. Эта Кирилловна вѣчно упрячетъ папиросы такъ, что самъ дьяволъ не найдетъ. *(Таня уходитъ въ комнаты).*

Дворянчиковъ. Оберегаетъ господское добро.

Черемисовъ. Я сегодня изъ-за нея безъ папиросъ уѣхалъ. *(Беретъ изъ портъ-сигара Марьи Платоновны папиросу и закуриваетъ. Тоже дѣлаетъ Дворянчиковъ. Марья Платоновна также закуриваетъ).* Ну, что у васъ новенькаго?

Марья Платоновна. Ничего особеннаго. Попадья восьмого субъекта родила.

Черемисовъ. Ну, ужъ это какъ будто и лишнее.

Марья Платоновна. Ничего не лишнее. Чѣмъ больше людей, тѣмъ лучше.

Черемисовъ. Народилась куча дѣтей — хорошо; перемерли всѣ—еще лучше?.. Молодецъ у меня Марья Платоновна!

Таня *(входитъ съ табакомъ и гильзами)*. Я тебѣ, папа, набью сейчасъ. *(набиваетъ папиросы)*.

Марья Платоновна *(Черемисову)*. Вы скажите лучше, какъ у васъ съ попечительствомъ?.. Я затѣмъ и забѣжала; вѣдь вы по дѣламъ попечительства ѣздили?

Черемисовъ. Да что! Скверно. Марксистъ Тарасовъ не выноситъ народника Лазуринскаго; тотъ, въ свою очередь, не терпитъ Тарасова. Вотъ тутъ и налаживай какое-нибудь общее дѣло.

Марья Платоновна. Я ужъ по вашему лицу вижу, что неладно. *(Танѣ)*. Давайте, я буду набивать: не люблю сидѣть безъ дѣла. *(Набиваетъ папиросы)*.

Таня. Папа, тутъ письмо тебѣ. *(Черемисовъ беретъ письмо и читаетъ)*.

Дворянчиковъ. Чѣмъ бы помочь сообща мужичку въ его бѣдственномъ положеніи, — а они замѣсто того... Вотъ ужъ именно: паны дерутся, а у хлопцевъ чубы трещатъ.

Таня. Какъ имъ не стыдно!

Черемисовъ *(кончивъ читать)*. Духанинъ отказывается участвовать въ попечительствѣ: пишетъ, что ему противно видѣть передъ собой выхоленную физіономію господина Крутогорова.

Марья Платоновна. Ахъ онъ постылый!

Таня. Какъ это гадко!

Корягинъ. Все личные счеты да самолюбія дрянныя...

Дворянчиковъ. Вотъ бы кого привлечь: Крузова. Ка-

питалистъ, связи большія имѣетъ въ Петербургѣ... да и здѣсь всѣ подъ его дудку пляшутъ.

Черемисовъ. Съ заводчикомъ я не желаю имѣть ничего общаго.

Марья Платоновна. Тоже личные счеты?

Черемисовъ *(сурово)*. У насъ никакихъ счетовъ нѣтъ. Намъ съ нимъ нечего дѣлить; но и дѣлать вмѣстѣ тоже нечего.

Марья Платоновна. Да просто берите съ него на попечительство деньги—и все тутъ. *(Слышенъ звукъ подъѣхавшаго экипажа)*.

Черемисовъ. Деньги, деньги... Что такое деньги? Надо хоть немножко души дать. Надо свой личный трудъ вложить.

Дворянчиковъ. Кто-то подъѣхалъ.

Корягинъ. Ужъ не на засѣданіе ли начинаютъ спозаранку съѣзжаться?

9. Гаврила Ивановичъ *(въ дверяхъ на террасѣ)*.

Гаврила Ивановичъ. Глѣбъ,—Флегонтовъ пріѣхалъ.

Черемисовъ. Какъ? Неужели на засѣданіе? Я не звалъ его.

Гаврила Ивановичъ *(многозначительно)*. Нѣтъ, онъ по личному дѣлу. Поди къ нему, Глѣбъ.

Черемисовъ *(морщится)* А, чортъ... *(идетъ)*.

Корягинъ. „По личному дѣлу"... Гм... *(Многозначительно переглядывается съ Марьей Платоновной)*, *(Гаврила Ивановичъ и Черемисовъ скрываются въ комнатахъ; Гаврила Ивановичъ шепчетъ что-то Черемисову)*. *(Таня, обезпокоившись, разспрашиваетъ Корягина)*.

Дворянчиковъ. Третьяго дня встрѣчаюсь съ нимъ у старшины, и сей Флегонтовъ подаетъ мнѣ два своихъ толстыхъ пальца. Каковъ-а? я, конечно, проглотилъ эти два пальца изъ любви къ человѣчеству, такъ какъ

онъ для попечительства можетъ быть полезенъ. Но въ сущности кто онъ такой? Кулакъ, золотой мѣшокъ—не болѣе. *(Изъ парка приближаются Анна Родіоновна и Крузовъ).*

10. Анна Родіоновна. Крузовъ.

Анна Родіоновна *(издали)*. Таня, налей намъ чаю, пожалуйста.

Таня. Сейчасъ. *(Собирается налить чаю, но, взглянувъ на мать, останавливается).*

Дворянчиковъ *(идетъ имъ навстрѣчу)*. Честь имѣю кланяться! *(здоровается съ Анной Родіоновной и Крузовымъ).*

Таня *(видимо, желая сказать что-то другое)*. Мама, ты устала?

Анна Родіоновна. Нѣтъ, ничего... Жарко... дышать нечѣмъ...

(Крузовъ здоровается съ Корягинымъ и Марьей Платоновной и садится за столъ)

Крузовъ. Зато какое чистое небо! *(Разговариваетъ съ Таней).*

Таня *(наливая чай)*. Мы всѣ, наконецъ, возненавидѣли это чистое небо: второй мѣсяцъ ни капельки дождя! *(Анна Родіоновна, поздоровавшись съ Корягинымъ, вдругъ зажимаетъ носъ платкомъ).*

Корягинъ. Что это вы?

Анна Родіоновна. Запахъ карболки.

Корягинъ. Да, вѣдь я сюда изъ амбулаторіи.

Анна Родіоновна *(отходитъ отъ него)*. Мнѣ страшенъ этотъ запахъ съ тѣхъ поръ, какъ... Вы знаете, когда мой мальчикъ...

Корягинъ. Да, да, знаю. Не вспоминайте. *(Разговариваетъ съ Марьей Платоновной; Крузовъ вмѣшивается въ ихъ разговоръ).*

Анна Родіоновна *(Танѣ)*. Какъ славно игралъ Авдеевскій пастухъ на рожкѣ... Ты слышала? *(Увидавъ короб-*

ку съ коллекціей, беретъ ее и смотритъ). Что это? Еще жертвы? И этихъ приколишь на булавку? Дала бы имъ пожить: ихъ вѣкъ и такъ коротокъ. Всякому хочется пожить... хоть немножко.

Таня. Ну, хорошо... Вынь ихъ отсюда своими руками и выпусти на волю. *(Глядитъ на мать, посмѣиваясь).*

Анна Родіоновна. Своими руками? *(Стоитъ въ нерѣшительности, потомъ опускаетъ пальцы въ коробку, вздрагиваетъ и отшатывается. Всѣ смѣются).* Нѣтъ, не могу! *(Оставляетъ коробку, садится на качели и тихонько покачивается).*

Таня. Какая, ты мама, трусиха. *(Относитъ коробку на перила террасы и возвращается).*

Анна Родіоновна. Досадно имѣть такую глупую натуру, какъ у меня. *(Таня приноситъ матери чаю; та пьетъ).*

Марья Платоновна. Я видѣла, тутъ вамъ письмо есть.

Таня. Ахъ, да. *(Беретъ со стола письмо и подаетъ матери).* Отъ тети Кати, кажется?..

Анна Родіоновна *(вскрываетъ письмо).* У меня за послѣднее время такіе несчастные нервы стали... *(читаетъ письмо).*

Крузовъ *(продолжая разговоръ съ Корягинымъ).* Ну, какъ же идетъ у васъ борьба съ эпидеміей? Успѣшно? *(Дворянчиковъ, стоя за стуломъ доктора, внимательно прислушивается къ разговору).*

Корягинъ *(сурово).* Нѣтъ не успѣшно.

Крузовъ. Что такъ?

Корягинъ. Мнѣ, чтобы только объѣхать весь тифозный районъ, нужно недѣлю. Живутъ въ тѣснотѣ, въ грязи, спятъ всѣ вмѣстѣ. Тутъ трудно что-нибудь сдѣлать. *(Дворянчиковъ утвердительно и грустно киваетъ головой).*

Крузовъ. Такъ изъ-за чего же вы стараетесь, трясетесь по скверным ъ проселочнымъ дорогамъ, ночей не спите? Все равно, пройдетъ эпидемія по всему району и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ всего, что сдѣлать можетъ.

(Дворянчиковъ съ грустью киваетъ головой).

Корягинъ *(Сурово).* Мнѣ некогда объ этомъ думать. Я долженъ лечить и буду лечить.

Крузовъ. Лѣтомъ повальное разстройство животовъ, а крестьяне ѣдятъ огурцы и лукъ съ квасомъ: и взрослые и дѣти...

Таня. Да, это правда.

Крузовъ *(Корягину).* Какое же врачеванье возможно при такихъ условіяхъ? Вѣдь, въ сущности, вы только зарегистровываете болѣзни, и весь смыслъ вашей дѣятельности сводится въ концѣ-концовъ къ...статистикѣ. *(Таня нетерпѣливо протестуетъ противъ этого и хочетъ возразить, но не находитъ словъ).*

Марья Платоновна. Такъ, стало быть, по вашему выходитъ: ложись, да помирай? Чушь какая!

Корягинъ *(встаетъ и беретъ шляпу).* Нѣтъ, по мнѣнію Андрея Павловича, выходитъ, что если что и можно сдѣлать, такъ только у него на заводѣ.

Крузовъ *(Корягину).* Вамъ у меня, конечно, не пришлось бы скакать за 1000 верстъ и проводить большую часть своей жизни въ тарантасѣ. Здѣсь вы поневолѣ только дѣлаете видъ, что лѣчите, а у меня вы бы дѣйствительно лѣчили людей...

Корялинъ. Для того, чтобы они, вылѣчившись, опять шли къ вамъ на заводъ терять послѣдніе остатки здоровья? Нѣтъ, благодарю покорно: пусть кто хочетъ идетъ къ вамъ, а я не пойду, *(надѣвая шляпу).* Ну, мнѣ надо въ больницу... До свиданія пока, *(уходитъ).*

Марья Платоновна. Ахъ, и мнѣ бы надо бѣжать... Ну, да, куда ни шло, еще чашку. *(Таня наливаетъ ей).*

Дворянчиковъ *(задумчиво и грустно).* Да, средства, средства... Вотъ у меня недавно лучшаго ученика взяли изъ школы. Вострый мальченка, головастикъ-съ. Отецъ въ трактиръ въ услуженіе отдалъ. Я ему говорю: „дай ты сыну курсъ кончить“. А онъ мнѣ на это: „Каждый,

говоритъ, старается пропитаніе имѣть". Вотъ и подите! Но и душа много значитъ, Андрей Павловичъ. Вотъ Глѣбъ Гаврилычъ—весьма небогатый человѣкъ, однако выстроилъ и школу и больницу. А теперь вотъ попечительство это... это его идея. Всякому благому начинанію онъ протягиваетъ свою сочувственную десницу...

Крузовъ. Видѣлъ я и больницу вашу и школу: тѣсно, бѣдно...

Дворянчиковъ. Это оттого, Андрей Павловичъ, что земство у насъ бѣдное. Если бы Глѣбъ Гавриловичъ не выстроилъ на свое иждивеніе, такъ, пожалуй, и этого бы не было...

(Голосъ Домны Захаровны за сценой): „Егоръ!"

Дворянчиковъ. Жена зоветъ... До пріятнѣйшаго свиданія, Андрей Павловичъ! *(пожимаетъ ему руку).* Картузъ то, знать, я въ комнатѣ... *(бѣжитъ въ комнаты).*

Домна Захаровна *(за сценой):* „Егоръ!"

Дворянчиковъ *(кричитъ).* Сейчасъ! *(скрывается въ комнатахъ).*

Таня *(подходитъ къ матери).* Хочешь еще чаю?

Анна Родіоновна *(въ раздумьѣ послѣ письма).* Нѣтъ, мерси.

(Марья Платоновна горячо разговариваетъ о чемъ-то съ Крузовымъ).

Таня *(беретъ у матери чашку).* Что пишетъ тетя Катя?

Анна Родіоновна. Зоветъ въ Петербургъ.

Таня. Что же—тебѣ хочется поѣхать?

Анна Родіоновна *(задумчиво, видимо, волнуясь отъ своихъ мыслей).* Мнѣ музыки хочется и картинъ бы хорошихъ посмотрѣть... главное,—музыки, музыки... Катя пишетъ, какіе интересные концерты предполагаются зимой...

11. Гаврила Ивановичъ, Черемисовъ и Дворянчиковъ *(съ картузомъ).*

Гаврила Ивановичъ *(въ дверяхъ).* Такъ я свожу Флегонтова, покажу ему бычка: можетъ быть, онъ и размякнетъ... Вѣдь его надо въ нѣкоторомъ родѣ елеемъ смазать.

Черемисовъ *(махнувъ энергически рукой).* Ну, дѣлайте, какъ знаете. *(Гаврила Ивановичъ скрывается въ комнатахъ).*

Дворянчиковъ. Да, средства, средства... Такъ до пріятнѣйшаго, господа. *(Дѣлаетъ общій поклонъ).* Непремѣнно прибѣгу на засѣданіе. *(Торопливо уходитъ).*

Крузовъ *(идя навстрѣчу Черемисову).* Здравствуй, дружище. *(Жметъ ему руку).* Ты разстроенъ чѣмъ-то?

Анна Родіоновна *(обезпокоенная, подходитъ къ мужу).* Зачѣмъ пріѣхалъ Флегонтовъ?

Черемисовъ *(стараясь насмѣшкой маскировать истину).* На засѣданіе пожаловалъ.

Анна Родіоновна. Не правда: тутъ не въ засѣданіи дѣло. Ты скрываешь что-то... Впрочемъ, я и такъ знаю, что тутъ какая-нибудь новая непріятность: здѣсь безъ этого дня не проходитъ. *(Опять садится на качели и тихонько раскачивается).*

Марья Платоновна *(подходя къ ней).* Охота вамъ представлять все въ траурномъ цвѣтѣ.

Черемисовъ. Ты, Анюта, лучше вотъ что: вели-ка убрать отъ грѣха эти качели: лишнее напоминаніе. Давно прошу тебя объ этомъ.

Марья Платоновна. Разумѣется. Что сердце ворошить?

Анна Родіоновна. Нѣтъ, мнѣ жаль съ ними разстаться: я какъ будто качаю на нихъ своего мальчика... *(Таня припадаетъ къ матери).*

Черемисовъ. Полно, Анюта, уйми ретивое.

Крузовъ. Смотрю я на всѣхъ васъ... Жалко мнѣ васъ, господа.

Черемисовъ. Что такое?

Крузовъ. Надрываетесь вы здѣсь, а все кругомъ остается по старому.

Марья Платоновна. Какъ это „все"?

Крузовъ. Да такъ. Та же нужда, та же грязь, та же темнота.

Анна Родіоновна. Да, темнота, темнота...

Крузовъ. Цѣлыя деревни побираются, въ семьяхъ вражда, разладъ, дѣти растутъ, какъ щенки. Вездѣ безпомощность, беззросвѣтность...

Черемисовъ. Ну, что же изъ этого? Мы отлично знаемъ, что нашъ уѣздъ—самый злополучный: почва бѣдная, народъ темный, изъ года въ годъ неурожаи, раззореніе хозяйствъ... Мы знаемъ, что здѣсь нужно бороться съ бѣдой, какъ на пожарѣ, чтобы хоть что-нибудь отстоять. Ну, и будемъ бороться!

Таня *(горячо)*. Да, папа, ты правду говоришь. Ты это такъ хорошо сказалъ! *(порывисто обнимаетъ отца)*.

Анна Родіоновна. Бороться? изъ-за чего? Зачѣмъ?

Черемисовъ. Затѣмъ, что стыдно, безчестно сидѣть сложа руки, когда у твоего сосѣда горитъ домъ!

Марья Платоновна. Вотъ это вѣрно. Дайте вашу лапку! *(Крѣпко жметъ руку Черемисову)* Эхъ, не хочется, а надо бѣжать: попадья ждетъ. *(Идетъ, но, заслышавъ слова Крузова, останавливается)*.

Крузовъ. Васъ послушать, такъ кажется, что вы можете дождь съ неба свести.

Черемисовъ. Никто не приглашаетъ тебя распоряжаться на небѣ: и на землѣ можно много сдѣлать.

Марья Платоновна *(подходитъ)*. И сдѣлаемъ!

Крузовъ. Ну, что же, кормите, лечите, поддерживайте десятки, сотни выброшенныхъ за бортъ людей, а въ это время желѣзные законы жизни раздавятъ васъ самихъ вмѣстѣ съ тысячами и милліонами другихъ...

Марья Платоновна *(садится, скрестивъ руки)*. Такъ что

же, позвольте васъ спросить, лучше: плюнуть на все и набивать собственные карманы?

Крузовъ. Какъ не хотите понять вы, наивные люди, что только упрямый самообманъ заставляетъ васъ биться головами объ стѣну? *(Черемисову).* То, что ты называешь „дѣломъ своей жизни“, во имя чего тратишь послѣднія средства и силы, есть ни болѣе. ни менѣе, какъ совершенно безполезное самоистязаніе.

Марья Платоновна. Лучше чугунъ лить по вашему примѣру?

Крузовъ. Да, лучше чугунъ лить, чѣмъ носить воду рѣшетомъ. *(Черемисову).* Ты, повидимому, не желаешь признавать никакихъ экономическихъ и соціальныхъ законовъ?

Черемисовъ. А ты, кажется, признаешь одни свои „чугунные“... или желѣзные, какъ ты ихъ называешь?

Крузовъ. Да, — тѣ, которые насильно заставятъ признать себя, хочешь ты этого или не хочешь.

Черемисовъ. Чортъ бы побралъ тебя съ твоими законами, заводами, машинами, свистками, капиталами и со всей твоей чугунно-литейной моралью!

Анна Родіоновна *(морщась съ мучительнымъ выраженіемъ).* Перестань, Глѣбъ.

Таня *(обнимая отца).* Не волнуйся, папа, не волнуйся.

Анна Родіоновна *(мужу).* Когда ты раздражаешься, мнѣ всю душу коробитъ. Это такъ больно, что... *(Сдерживается и не договариваетъ).*

Крузовъ *(Черемисову).* Ты сердишься какъ ребенокъ, который ударится обо что-нибудь и начинаетъ въ сердцахъ колотить первый попавшійся предметъ...

12. Кирилловна.

Кирилловна. Марья Платоновна, тамъ за вами изъ больницы прислали: отъ доктора.

Марья Платоновна *(вскакивая)*. Батюшки, что же я тутъ постылая, разсѣлась? Бѣгу, бѣгу! *(убѣгаетъ)*.

Черемисовъ. Что тамъ такое?

Кирилловна. Ребенка, слышь, телѣгой переѣхало.

Таня. Господи!

Анна Родіоновна *(потрясенная, хватается за сердце)*. *(Крузовъ успокаиваетъ ее)*.

Кирилловна. Гусева, говорятъ, мальченку... мать-то реветъ!

Таня. Папинъ крестникъ! Папинъ крестникъ! Какая жалость! *(Накидываетъ на голову платокъ, готовясь идти)*. Мама, твой любимецъ!

Черемисовъ. Мальчишка-то какой славный... Эхъ, бѣда за бѣдой на этихъ Гусевыхъ! *(Надѣваетъ картузъ)*; Надо сбѣгать въ больницу. (*Таня и Черемисовъ идутъ. Кирилловна за ними*).

Таня. Вася! Васенька! Какая жалость!

Кирилловна. Да сказываютъ, не очень чтобы... Руку—ногу повредило ему, да голову маленько. Можетъ, еще какъ-никакъ отдышится. Вотъ только крови, слышь, больно много вышло. *(Черемисовъ, Таня и Кирилловна скрываются)*.

Анна Родіоновна. Ребенка телѣгой... изувѣчило... раздавило... какъ червяка. И каждый день здѣсь что-нибудь ужасное... каждый день!.. Проклятая деревня! Давитъ, губитъ, терзаетъ!.. Вотъ и моего мальчика... И все это такъ жестоко, такъ безсмысленно!

Крузовъ. Зачѣмъ же вы живете въ этой „проклятой", по вашему выраженію, деревнѣ? Въ сотый разъ спрашиваю васъ—и все не могу добиться отвѣта.

Анна Родіоновна. Вы знаете, что я не могу покинуть мужа, который родился здѣсь и приросъ къ своей деревнѣ.

Крузовъ. Но вы-то не приросли къ ней? Вы живете

здѣсь, стиснувъ зубы. Что заставляетъ васъ? Любовь къ мужу? Желанiе раздѣлить съ нимъ трудъ?

Анна Родiоновна. Да, да! Вы отлично знаете это...

Крузовъ. Полноте. Я знаю, что было время, когда мы оба съ вами увлекались народническими идеями Глѣба Черемисова, но это время прошло, и вы не вѣрите въ нихъ, такъ же какъ и я. Васъ удерживаетъ здѣсь просто на просто... малодушiе...

Анна Родiоновна. Малодушiе?

Крузовъ. Да, простая боязнь признаться себѣ самой, что вы ошиблись и истратили лучшiе годы своей жизни на погоню за миражемъ. Просто трусость.

Анна Родiоновна. Вы думаете?

Крузовъ. Будь вы поискреннѣе, посмѣлѣе, вы бы давно бросили это толченiе воды въ ступѣ.

Анна Родiоновна. И ушла бы отъ мужа? Да?

Крузовъ. И ушли бы—вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ, въ которомъ сами не видите смысла.

Анна Родiоновна. Нѣтъ, Андрей Павловичъ, въ чемъ другомъ, а въ этомъ я не труслива. Вѣдь не побоялась же я порвать съ вами, когда вы...

Крузовъ. Когда я бросилъ донкихотствовать во вкусѣ Глѣба?

Анна Родiоновна. Да... и поставили себѣ цѣлью—наживу.

Крузовъ. Наживу—какъ средство...

Анна Родiоновна. Вамъ хотѣлось богатѣть, чтобы властвовать?... Знаю.

Крузовъ. Не только властвовать...

Анна Родiоновна. Но наслаждаться жизнью? Тоже знаю.

Крузовъ. Не только наслаждаться, но и влiять на жизнь.

Анна Родiоновна. Можетъ быть... Во всякомъ случаѣ я не побоялась бы объявить вамъ тогда прямо, что я отнюдь не намѣрена идти съ вами къ достиженiю вашей благородной цѣли...

Крузовъ. И предпочли Глѣба съ его проповѣдью о „меньшемъ братѣ?“ Да, да, знаю, что это звучало у него тогда очень красиво, а вы такъ чутки ко всему красивому... Только — увы! на дѣлѣ-то это оказалось вовсе не такъ красиво...

Анна Родіоновна *(съ невольной горечью)*. Намъ здѣсь не до красоты.

Крузовъ. А главное,—безплодно. Вышло нѣчто неожиданное: Глѣбъ, всю жизнь любившій этого „меньшого брата“, всю жизнь сгоравшій желаніемъ помочь ему, оказался совершенно безсильнымъ сдѣлать для него что-нибудь существенное; а, я, который, по вашимъ словамъ, хотѣмъ „только богатѣть и властвовать“, я, никогда не питавшій къ этому меньшому брату нѣжныхъ чувствъ,—я-то какъ разъ и получилъ возможность дать людямъ то, что для нихъ прежде всего нужно и полезно...

Анна Родіоновна. Поздравляю васъ. Только вы едва ли соблазните меня своими „полезными“ дѣлами. *(Беретъ лейку и поливаетъ цвѣты въ цвѣтникъ)*.

Крузовъ. Я знаю это... потому что, если говорить положа руку на сердце,—такъ ни мнѣ, ни вамъ въ сущности нѣтъ никакого дѣла до этого пресловутаго „брата“.

Анна Родіоновна *(поворачивается къ нему и говоритъ серьезно, съ оттѣнкомъ горечи)*. Если это такъ, то и мнѣ и вамъ должно быть очень стыдно. *(Поливаетъ цвѣты)*.

Крузовъ. Что же подѣлаешь, если мы съ вами отъ природы такіе? (*Смотритъ на цвѣты)*. Мало у васъ цвѣтовъ... Я пришлю вамъ изъ своего цвѣтника.

Анна Родіоновна. Мерси.

Крузовъ. Навѣрно, вы вотъ эти цвѣточки любите больше, чѣмъ своего довольно-таки невзрачнаго и нечистоплотнаго меньшого брата?..

Анна Родіоновна. Мнѣ кажется, достаточно объ этомъ.

Крузовъ. Скажите: вы такъ-таки и забросили свою музыку?

Анна Родіоновна. Такъ-таки и забросила.

Крузовъ. А какой удивительной піанисткой были.

Анна Родіоновна. Зачѣмъ вы заговорили объ этомъ?

Крузовъ. У васъ здѣсь прескверное фортепьяно: ему, вѣроятно, лѣтъ полтораста.

Анна Родіоновна. Зачѣмъ вы... Вѣдь вы знаете, что это мое больное мѣсто?

Крузовъ. Неужели Глѣбъ не въ состояніи выписать для васъ новый рояль?

Анна Родіоновна. Я сама не хочу этого.

Крузовъ. Вы? Такая страстная музыкантша?

Анна Родіоновна. Есть не мало болѣе дѣйствительныхъ нуждъ.

Крузовъ. Позвольте мнѣ подарить вамъ...

Анна Родіоновна. Нѣтъ, не позволю.

Крузовъ. Принять отъ стараго друга подарокъ?

Анна Родіоновна. Не желаю.

Крузовъ. Это упрямство. Вы могли бы возобновить свою музыку.

Анна Родіоновна *(съ горечью)*. Намъ здѣсь не до музыки.

Крузовъ. Помните, какъ вы прежде упивались? Шопенъ, Бехтовенъ... и общій нашъ любимецъ Шуманъ— гдѣ они теперь? А Шубертъ? а Чайковскій?

Анна Родіоновна. Перестаньте объ этомъ, прошу васъ. Когда кругомъ нужда, грязь болѣзни, тогда не до Шумана.

Крузовъ. Послушайте,—что вы съ собой дѣлаете? Такая ли жизнь нужна вамъ? Вы такъ тонко чувствуете красоту,—а кругомъ васъ грубые мужики, нескладныя бабы, ребятишки съ вздутыми животами. Вашъ слухъ ищетъ прекрасныхъ мелодичныхъ звуковъ,—а вамъ съ утра до вечера приходится внимать разговорамъ о неурожаѣ, объ удобреніи, о недоимкахъ, о потравахъ

Крузовъ. И предпочли Глѣба съ его проповѣдью о „меньшемъ братѣ?“ Да, да, знаю, что это звучало у него тогда очень красиво, а вы такъ чутки ко всему красивому... Только — увы! на дѣлѣ-то это оказалось вовсе не такъ красиво...

Анна Родіоновна *(съ невольной горечью)*. Намъ здѣсь не до красоты.

Крузовъ. А главное,—безплодно. Вышло нѣчто неожиданное: Глѣбъ, всю жизнь любившій этого „меньшого брата“, всю жизнь сгоравшій желаніемъ помочь ему, оказался совершенно безсильнымъ сдѣлать для него что-нибудь существенное; а, я, который, по вашимъ словамъ, хотѣмъ „только богатѣть и властвовать“, я, никогда не питавшій къ этому меньшому брату нѣжныхъ чувствъ,—я-то какъ разъ и получилъ возможность дать людямъ то, что для нихъ прежде всего нужно и полезно...

Анна Родіоновна. Поздравляю васъ. Только вы едва ли соблазните меня своими „полезными“ дѣлами. *(Беретъ лейку и поливаетъ цвѣты въ цвѣтникѣ)*.

Крузовъ. Я знаю это... потому что, если говорить положа руку на сердце,—такъ ни мнѣ, ни вамъ въ сущности нѣтъ никакого дѣла до этого пресловутаго „брата“.

Анна Родіоновна *(поворачивается къ нему и говоритъ серьезно, съ оттѣнкомъ горечи)*. Если это такъ, то и мнѣ и вамъ должно быть очень стыдно. *(Поливаетъ цвѣты)*.

Крузовъ. Что же подѣлаешь, если мы съ вами отъ природы такіе? *(Смотритъ на цвѣты)*. Мало у васъ цвѣтовъ... Я пришлю вамъ изъ своего цвѣтника.

Анна Родіоновна. Мерси.

Крузовъ. Навѣрно, вы вотъ эти цвѣточки любите больше, чѣмъ своего довольно-таки невзрачнаго и нечистоплотнаго меньшого брата?..

Анна Родіоновна. Мнѣ кажется, достаточно объ этомъ.

ковъ лучшіе люди стараются сдѣлать человѣческую жизнь разумной, здоровой, счастливой, а она попрежнему неразумна, нездорова и несчастна. Безпощадное колесо жизни вертится по какимъ-то своимъ стихійнымъ законамъ, калѣчитъ равнодушно свои жертвы, и никто не въ силахъ остановить его.

Анна Родіоновна. Полноте, Андрей Павловичъ. Мы просто лукавимъ передъ собой, чтобы оправдать въ собственныхъ глазахъ наше равнодушіе къ человѣку. Вотъ Глѣбъ не скажетъ этого: и онъ, и докторъ, и учитель хотятъ работать для блага людей—и работаютъ; а у насъ съ вами, должно быть, нѣтъ этой потребности.

Крузовъ. Потому что мы съ вами зрячіе, а они слѣпые. Имъ въ ихъ слѣпотѣ кажется, что они работаютъ, а въ сущности они вертятся въ колесѣ, какъ и я, и вы, и всѣ другіе. Люди должны думать только о томъ, какъ бы ихъ самихъ не исковеркало колесо,—а гдѣ ужъ имъ спасать другихъ!

Анна Родіоновна. Постойте... Если вы не вѣрите ни въ какое дѣло жизни, такъ зачѣмъ же вы хлопочете надъ своимъ заводомъ, расширяете дѣло, устраиваете то одно, то другое?

Крузовъ *(пожимая плечами)*. Надо же что-нибудь дѣлать. Надо вертѣться въ какомъ-нибудь колесѣ...

Анна Родіоновна. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы смѣялись надъ дѣломъ Глѣба, если всякое дѣло въ вашихъ глазахъ есть иллюзія?

Крузовъ. Я смѣялся надъ его слѣпотой.

Анна Родіоновна. Ну, вотъ мы съ вами зрячіе, да что намъ изъ этого толку? Мы прозрѣли и поняли, что ничего не можемъ сдѣлать... Нечего сказать, большое утѣшеніе!

Крузовъ. Нѣтъ, мы теперь можемъ сдѣлать...

Анна Родіоновна. Что же?

Крузовъ. Человѣку надо прежде всего ощущать жизнь,

и чѣмъ живѣе онъ ощущаетъ ее, тѣмъ онъ счастливѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ вы отвернулись отъ меня и вышли за Глѣба, душа у меня точно закрылась какой-то свинцовой крышкой, и вотъ до сихъ поръ тщетно силится открыться. Я не скажу, чтобы это было отчаяніе: нѣтъ, я просто не ощущаю жизни. Когда начинаетъ вянуть внутри самый корешокъ жизни,—тогда для человѣка все теряетъ свою прелесть... Съ вами я чувствую себя мало-мальски живымъ: какъ-то открывается душа... по старой памяти. Потому-то мнѣ и боязно думать, что вы можете здѣсь превратиться въ автомата. Нѣтъ, мы должны всѣми силами бороться противъ этого, чтобы окончательно не потерять ощущеніе жизни. Мы должны въ этомъ помочь другъ другу... *(беретъ ея руку)*. Если прежде вы порвали со мной изъ-за того, что я жаждалъ „богатѣть и властвовать“, то теперь, когда я стремлюсь просто жить по-живому и ощущать въ себѣ жизнь,—теперь вы снова должны подать мнѣ руку,— и вы сдѣлаете это, потому что единственное доброе дѣло, какое вы можете сдѣлать для человѣка, это— оживить его... *(Анна Родіоновна, взволнованная, переживаетъ внутреннюю борьбу, видимо, колеблется, потомъ нерѣшительно протягиваетъ Крузову другую руку).*

Анна Родіоновна *(задумчиво).* Оживить?..

13. Таня.

Таня *(вбѣгаетъ разстроенная).* Мама, Васенька нашъ умеръ, умеръ!.. *(Увидавъ обоихъ, останавливается.)* А ты... Вѣдь ты его любила... А теперь ты даже не пошла къ нему, даже... Ты все здѣсь, все здѣсь... Мама, да что сдѣлалось съ тобой?!

Крузовъ *(подходитъ къ Танѣ).* Нѣтъ, съ вами-то, дорогая моя, что сдѣлалось? *(Хочетъ взять ее за руку.)*

Таня *(отстраняясь.)* Не трогайте меня! *(Убѣгаетъ черезъ террасу въ комнаты).*

(Пауза).

Анна Родіоновна *(пораженная, смотритъ вслѣдъ дочери, потомъ оборачивается къ Крузову).* Знаете что: уѣзжайте скорѣе къ себѣ въ Петербургъ. *(Крузовъ вопросительно смотритъ на нее).* Я васъ очень прошу объ этомъ. *(Уходитъ вслѣдъ за дочерью).*

З А Н А В Ѣ С Ъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Большая комната. Сборная мебель, частью—старинная, обветшалая. Посреди—два стола, составленныхъ вмѣстѣ и покрытыхъ бѣлой скатертью. Налѣво—круглый столъ, направо—ломберный.

1. Таня, Корягинъ. *(Они сидятъ налѣво за круглымъ столомъ. Передъ Таней кучка дешевыхъ изданій для народа, которыя она записываетъ въ тетрадь. Корягинъ прочитываетъ бумаги. Молчаніе).*

Таня *(кладя перо).* Какъ вы думаете: добьемся мы чего-нибудь съ папой?

Корягинъ. Это вы насчетъ попечительства?

Таня. Да... и вообще. Удастся ли намъ что-нибудь сдѣлать?

Корягинъ *(смотритъ на нее пытливо).* Прежде вы спрашивали только о томъ, что мы *должны* дѣлать, и дѣлали это, а теперь... Значитъ, великолѣпнѣйшій Андрей Павловичъ произвелъ впечатлѣніе не на одну вашу маму?

Таня *(смущенная и задѣтая за живое).* Изъ чего вы это заключаете?

Корягинъ. Изъ того, что за послѣднее время вы уже не такъ горячо относитесь...

Таня Къ вамъ? Я все та же...

Корягинъ. Не ко мнѣ, а къ дѣлу.

Таня. Неправда. Видите: *(показываетъ на книги и тетради)*: я и сейчасъ занята дѣломъ.

Корягинъ. А мысли ваши гдѣ?

Таня. Тамъ же гдѣ и были.

Корягинъ *(указывая на бумагу, которую онъ просматривалъ).* Вотъ тутъ у меня составленная вами записка о количествѣ скота у крестьянъ. Не угодно ли послушать? *(Читаетъ).* „Что касается лошадей и коровъ крестьянъ Ивана Власова, Петра Кузьмишина, Сергѣя Любина, Евстигнѣя Фарофонтова и прочаго рогатаго скота"... и такъ далѣе. Недурно вѣдь для перваго раза?.. а?..

Таня *(выхватываетъ у него бумагу, смотритъ на нее съ сконфуженнымъ видомъ, потомъ торопливо прячетъ ее подъ тетрадь).* Я перепишу.

Корягинъ. Вотъ что значитъ великолѣпнѣйшій...

Таня *(съ насильственнымъ смѣхомъ, подъ которымъ хочетъ скрыть свое смущеніе).* Вы, кажется, ревновать меня вздумали?

Корягинъ *(поднимая брови).* Ревновать?

Таня *(съ тѣмъ же смѣхомъ).* Ну, да... какъ Домна Захаровна...

Корягинъ. Гм... довольно неожиданное сопоставленіе. Во-первыхъ, мы съ вами не страстные любовники, всецѣло занятые своимъ личнымъ чувствомъ,—а...

Таня *(продолжая смѣяться).* Это-то конечно, конечно.

Корягинъ. Мы трезво и сознательно рѣшили соединиться для того, чтобы совмѣстно работать здѣсь для народа... *(Останавливается.)* Позвольте узнать: чему вы смѣетесь?

Таня *(переставъ смѣяться).* Такой глупый стихъ нашелъ. Простите.

Корягинъ. Если я васъ ревную, такъ это все во имя того же дѣла нашей жизни.

Таня *(стараясь понять).* То-есть... я не понимаю что-то?

Корягинъ. Прежде мы понимали другъ друга съ полслова... Да, — все во имя того же дѣла. Помните, мы съ вами разъ навсегда дали другъ другу слово принимать лишь то, что помогаетъ нашему дѣлу, и отвер-

гать все, что мѣшаетъ ему. И вдругъ оказывается, что достаточно явиться какому-нибудь вооруженному апломбомъ, самоувѣренному господину...

Таня *(взволнованная)*. Да не могу же я совсѣмъ не думать, не чувствовать, а только работать. У меня за это время столько разныхъ безпокойныхъ мыслей... Я теперь все по ночамъ думаю... Все хочу, хочу поговорить съ вами, а вамъ все некогда... Чѣмъ же я виновата, что у меня такое настроеніе?

Корягинъ. Вы виноваты не тѣмъ, что у васъ такое настроеніе, а тѣмъ, что позволяете ему распоряжаться вами.

Таня. Да развѣ я могу... Нѣтъ, вы не хотите понять... вы не чувствуете этого.

Корягинъ. Чувствую, Татьяна Глѣбовна, чувствую. Не такая я ужъ въ самомъ дѣлѣ деревяшка... Но, видите ли... сегодня настроеніе отобьетъ васъ отъ одного дѣла, завтра отъ другого... Дайте только волю настроеніямъ,—и вы окончательно запутаетесь въ нихъ. *(Беретъ ея руку)*. Повѣрьте мнѣ, Таня,—говорю это вамъ, какъ вашъ сотоварищъ, какъ другъ:—прежде всего—дѣло, работа, и никакихъ уступокъ настроеніямъ. Надо начертить себѣ опредѣленную программу дѣятельности и выполнять ее, не отвлекаясь по сторонамъ,—иначе вы ничего путнаго въ жизни не сдѣлаете. Для насъ съ вами эта программа уже намѣчена: я буду лѣчить, вы будете учить,—вотъ и все.

Таня *(задумчиво)*. Да, да... Только мнѣ иногда кажется, что этого мало, что нужно еще что-то... *(Хочетъ высказать, но не находитъ словъ)*. Я вотъ говорить не умѣю.

Корягинъ. Если намъ удастся устроить это попечительство, то придется поработать и тамъ. И этого, повѣрьте, будетъ совершенно достаточно, чтобы наполнить жизнь... *(Входитъ Гаврила Ивановичъ)*.

2. Гаврила Ивановичъ.

Гаврила Ивановичъ *(при видѣ стола, накрытаго бѣлой скатертью).* Гм... бѣлая скатерть. Точно чай собираются пить.

Таня. Вы же сами велѣли Любашѣ постелить.

Гаврила Ивановичъ. Я?! Не можетъ быть! *(Подходитъ къ столу, приподнимаетъ скатерть и видитъ два стола).* А безъ скатерти тоже не хорошо,—никакого вида; какъ это глупо: въ домѣ нѣтъ большого стола.

Корягинъ. Вы все гонитесь за помпой... Къ чему это? Вѣдь это не какое-нибудь официальное засѣданіе.

Гаврила Ивановичъ. Нѣтъ, я люблю дѣлать дѣло, какъ слѣдуетъ. Жаль, что теперь не вечеръ, а то бы можно четыре свѣчки поставить. А гдѣ же бумага, карандаши?.. *(кричитъ)* Эй, люди!.. А колокольчикъ гдѣ? А графинъ съ водою? Гдѣ же графинъ? Развѣ можно безъ графина? *(Уходитъ крича)*: Эй, люди! Любашка! Ѳедосья! *(входятъ Черемисовъ и Флегонтовъ; за сценой голосъ Гаврила Ивановича:* „Гдѣ же графинъ?“)

3. Черемисовъ, Флегонтовъ.

Черемисовъ *(продолжая разговоръ).* Поэтому я надѣюсь, Патрикѣй Саввичъ, что вы, при вашихъ средствахъ, поддержите наше попечительство.

Флегонтовъ *(самодовольно).* Хе, хе... Нѣтъ, вотъ бычокъ у васъ, Глѣбъ Гаврилычъ... Ахъ, хорошъ бычекъ! И гдѣ вы только такого бычка раздобыли?

Черемисовъ *(съ досадой).* Вамъ бы только бычокъ.

Флегонтовъ. Чудной вы человѣкъ, Глѣбъ Гаврилычъ. Надъ вами, можно сказать, крыша валится, а вы... О себѣ то лучше подумайте! Вѣдь срокъ векселю! *(Входитъ Гаврила Ивановичъ съ графиномъ воды и стаканомъ, которые ставитъ на столъ).*

гать все, что мѣшаетъ ему. И вдругъ оказывается, что достаточно явиться какому-нибудь вооруженному апломбомъ, самоувѣренному господину...

Таня *(взволнованная).* Да не могу же я совсѣмъ не думать, не чувствовать, а только работать. У меня за это время столько разныхъ безпокойныхъ мыслей... Я теперь все по ночамъ думаю... Все хочу, хочу поговорить съ вами, а вамъ все некогда... Чѣмъ же я виновата, что у меня такое настроеніе?

Корягинъ. Вы виноваты не тѣмъ, что у васъ такое настроеніе, а тѣмъ, что позволяете ему распоряжаться вами.

Таня. Да развѣ я могу... Нѣтъ, вы не хотите понять... вы не чувствуете этого.

Корягинъ. Чувствую, Татьяна Глѣбовна, чувствую. Не такая я ужъ въ самомъ дѣлѣ деревяшка... Но, видите ли... сегодня настроеніе отобьетъ васъ отъ одного дѣла, завтра отъ другого... Дайте только волю настроеніямъ,—и вы окончательно запутаетесь въ нихъ. *(Беретъ ея руку).* Повѣрьте мнѣ, Таня,—говорю это вамъ, какъ вашъ сотоварищъ, какъ другъ:—прежде всего—дѣло, работа, и никакихъ уступокъ настроеніямъ. Надо начертить себѣ опредѣленную программу дѣятельности и выполнять ее, не отвлекаясь по сторонамъ,—иначе вы ничего путнаго въ жизни не сдѣлаете. Для насъ съ вами эта программа уже намѣчена: я буду лѣчить, вы будете учить,—вотъ и все.

Таня *(задумчиво).* Да, да... Только мнѣ иногда кажется, что этого мало, что нужно еще что-то... *(Хочетъ высказать, но не находитъ словъ).* Я вотъ говорить не умѣю.

Корягинъ. Если намъ удастся устроить это попечительство, то придется поработать и тамъ. И этого, повѣрьте, будетъ совершенно достаточно, чтобы наполнить жизнь... *(Входитъ Гаврила Ивановичъ).*

2. Гаврила Ивановичъ.

Гаврила Ивановичъ *(при видѣ стола, накрытаго бѣлой скатертью)*. Гм... бѣлая скатерть. Точно чай собираются пить.

Таня. Вы же сами велѣли Любашѣ постелить.

Гаврила Ивановичъ. Я?! Не можетъ быть! *(Подходитъ къ столу, приподнимаетъ скатерть и видитъ два стола)*. А безъ скатерти тоже не хорошо,—никакого вида; какъ это глупо: въ домѣ нѣтъ большого стола.

Корягинъ. Вы все гонигесь за помпой... Къ чему это? Вѣдь это не какое-нибудь официальное засѣданіе.

Гаврила Ивановичъ. Нѣтъ, я люблю дѣлать дѣло, какъ слѣдуетъ. Жаль, что теперь не вечеръ, а то бы можно четыре свѣчки поставить. А гдѣ же бумага, карандаши?.. *(кричитъ)* Эй, люди!.. А колокольчикъ гдѣ? А графинъ съ водою? Гдѣ же графинъ? Развѣ можно безъ графина? *(Уходитъ крича)*: Эй, люди! Любашка! Ѳедосья! *(входятъ Черемисовъ и Флегонтовъ; за сценой голосъ Гаврила Ивановича:* „Гдѣ же графинъ?")

3. Черемисовъ, Флегонтовъ.

Черемисовъ *(продолжая разговоръ)*. Поэтому я надѣюсь, Патрикѣй Саввичъ, что вы, при вашихъ средствахъ, поддержите наше попечительство.

Флегонтовъ *(самодовольно)*. Хе, хе... Нѣтъ, вотъ бычокъ у васъ, Глѣбъ Гаврилычъ... Ахъ, хорошъ бычекъ! И гдѣ вы только такого бычка раздобыли?

Черемисовъ *(съ досадой)*. Вамъ бы только бычокъ.

Флегонтовъ. Чудной вы человѣкъ, Глѣбъ Гаврилычъ. Надъ вами, можно сказать, крыша валится, а вы... О себѣ-то лучше подумайте! Вѣдь срокъ векселю! *(Входитъ Гаврила Ивановичъ съ графиномъ воды и стаканомъ, которые ставитъ на столъ)*.

4. Гаврила Ивановичъ.

Черемисовъ. Ну, я увѣренъ, что вы подождете. Сами видите, какія времена...

Флегонтовъ. Душой бы радъ сдѣлать для васъ посусѣдски, да дѣла больно плохи. Такъ подошло, хоть въ бутылку полѣзай.

Гаврила Ивановичъ. Въ бутылку хочешь? Это можно. Пойдемъ-ка, выпьемъ, закусимъ, да обсудимъ все похорошему. *(Черемисовъ подходитъ къ Танѣ и Корягину и разговариваетъ съ ними).*

Флегонтовъ. Хе, хе... Вѣдь этакій лукавецъ. Знаетъ, что трезвый я прижимистъ, а какъ загуляю—прямо карманъ разворачиваю: бери, кто хочешь.

Гаврила Ивановичъ. А потомъ я портретъ съ тебя сниму: увѣковѣчу. Давно собираюсь.

Флегонтовъ. Портретъ? Это хорошо, это ладно. Вотъ только медали со мной нѣтути: не захватилъ.

Гаврила Ивановичъ. Ничего. Повѣсимъ серебряный рубль на шею: на карточкѣ и за медаль сойдетъ.

Флегонтовъ. И то... Ахъ, кудесникъ ты... *(Къ Черемисову.)* Вотъ ежели бы вы, Глѣбъ Гаврилычъ, мнѣ посусѣдски, бычка подарили, замѣсто процента, *(Гаврилъ Ивановичъ подставляетъ къ срединѣ стола кресло и помѣщаетъ на столѣ противъ него графинъ и стаканъ)*—я бы того... отсрочилъ. Зачѣмъ онъ вамъ? Вѣдь для мужиковъ больше держите. Знаю.

Черемисовъ *(нетерпѣливо машетъ рукой, потомъ вынимаетъ изъ кармана тетрадь, отдаетъ Корягину и что-то объясняетъ ему. Корягинъ начинаетъ просматривать вмѣстѣ съ нимъ тетрадь).*

Флегонтовъ. Сердитый... хе, хе. Гаврилъ Иванычъ, ком-херумъ! *(Беретъ Гаврилу Ивановича подъ руку и идетъ).*

Гаврила Ивановичъ. Мы съ тобой все живо обдѣлаемъ: въ 24 часа!

Флегонтовъ. Постой-ка-сь! *(Поравнявшись съ докторомъ, останавливается).* Хотѣлъ я васъ спросить, докторъ... Данныя вами моей женѣ пилюли она ихъ всѣ приняла, а что дальше дѣлать, сами не домякнемся. Дайте намъ самаго лучшаго лѣкарства: чего-нибудь посильнѣе посредственнѣе.

Корягинъ. Вотъ заѣду, посмотрю: а такъ, за глаза, нельзя. *(Углубляется въ тетрадь).*

Флегонтовъ. Да еще вотъ какая, сударь мой, оказія...

Корягинъ *(не отрываясь отъ тетради).* Въ чемъ дѣло?

Флегонтовъ. Носъ у меня что-то краснѣетъ. Подумаютъ: пьяница. Нехорошо.

Корягинъ. Пустое.

Флегонтовъ. Ну, одначе?

Корягинъ. Мажьте вазелиномъ. *(Углубляется.)*

Флегонтовъ. Вазелиномъ? Гм...

Гаврила Ивановичъ. Пойдемъ, тяжелая артиллерія. *(Увлекаетъ его.)*

Флегонтовъ. „Вазелиномъ"... Вѣдь это онъ мнѣ въ надсмѣшку,—а?

Гаврила Ивановичъ. Тебѣ бы, красавецъ мой, къ ветеринару... *(Оба скрываются.)*

Черемисовъ. Всю душу вымоталъ изъ меня этотъ кулакъ!

Таня *(обнимая отца).* Бѣдный папа, рвутъ тебя со всѣхъ сторонъ!

Черемисовъ. Ничего, Таня, выкрутимся. Не впервой вѣдь. *(Хлопаетъ ее по плечу).* Еще живъ Курилка! Будемъ съ тобой молодцами! *(Къ Корягину, который читаетъ тетрадь).* Это, собственно, даже не проектъ попечительства, а только черновой набросокъ: сегодня ночью сидѣлъ и кропалъ. Просмотрите-ка его, пожалуйста, и добавьте отъ себя...

(Входитъ Крузовъ, за нимъ слѣдуетъ Дворянчиковъ, которому, видимо, хочется поговорить съ Крузовымъ).

5. Крузовъ, Дворянчиковъ.

Крузовъ *(Черемисову)*. Тамъ ужъ начинаютъ съѣзжаться. Тебя спрашиваютъ... *(Дворянчиковъ разсматриваетъ книжки)*.

Черемисовъ. А ты что же... присутствовать намѣренъ?

Крузовъ. Если ты не имѣешь ничего противъ этого.

Черемисовъ. Да зачѣмъ тебѣ? Самъ же говорилъ, что не вѣришь въ мою затѣю.

Крузовъ. Хочу посмотрѣть, что за дѣятели у тебя соберутся. *(Подходитъ къ Танѣ и Корягину. Корягинъ встаетъ и молча выходитъ съ тетрадкой Черемисова на террасу. Крузовъ провожаетъ его взглядомъ, потомъ вмѣстѣ съ Дворянчиковымъ разсматриваетъ книжки).*

Черемисовъ *(пожавъ плечами, идетъ и останавливается)*. А Анна гдѣ?

Таня. Мама въ своей комнатѣ: у нея голова болитъ.

(Голосъ кого-то изъ гостей за сценой справа: „Глѣбъ Гаврилычъ!")

Черемисовъ. Таня, зайди къ матери, попроси ее, если она можетъ, выйти къ гостямъ. Скажи, что для дѣла нужно. *(Уходитъ.)*

Крузовъ *(Танѣ)*. Докторъ, кажется, не выноситъ моего присутствія?

Таня *(не глядя на него)*. Мнѣ надо къ мамѣ...

Крузовъ *(указывая на книжки)*. Это у васъ для школьной библіотеки?

Таня. Да.

Дворянчиковъ. Славныя есть книжки: поучительныя.

Крузовъ *(Танѣ)*. Вы все это сами обернули въ обертки, сброшюровали, перенумеровали?

Таня. Да.

Крузовъ. А теперь каталогъ составляете?

Таня. Да.

Крузовъ. Не стоитъ тратить время на это.

Таня. Какъ не стоитъ?

Крузовъ. Такъ... Охота вамъ питать народъ такими пустячками? Нѣтъ, ужъ если заводить библіотеку, такъ хорошую.

Таня. Для этого надо имѣть хорошія средства.

Крузовъ. Я вамъ дамъ ихъ, а вы всѣ эти несчастныя книжонки бросьте въ печку.

Корягинъ *(появляясь на порогѣ)*. Татьяна Глѣбовна вложила сюда свой трудъ. Ей не легко достались эти, по вашему выраженію, „несчастныя книжонки“, — а теперь всѣ ея труды и заботы вы предлагаете „бросить въ печку“?

Крузовъ. Народъ надо кормить здоровой пищей, а не этими сусальными пряниками. А впрочемъ, какъ угодно...

Таня *(смущенная и взволнованная)*. Я схожу къ мамѣ... Дмитрій Николаевичъ, можетъ быть, вы дадите ей какихъ-нибудь капель? *(Уходитъ. Корягинъ уходитъ за ней).*

(За сценой вплоть до прихода гостей слышатся по временамъ голоса и смѣхъ).

Дворянчиковъ. Охъ, деньги, деньги... Охъ, эти карбованцы. *(Конфузливо потирая руки)*. Хотѣлъ было я съ вами, Андрей Павловичъ, объ одномъ дѣльцѣ... Просить вашего просвѣщеннаго содѣйствія...

Крузовъ. Что такое?

Дворянчиковъ. Приступаю, такъ сказать, скрѣпя сердце и скрипя зубами... хе, хе...

Крузовъ *(смотритъ на него)*. Вашъ смѣхъ не изъ веселыхъ.

Дворянчиковъ. Пустился въ острословіе, да не складно что-то... хе, хе...

Крузовъ. Плохо, я вижу, живется вамъ здѣсь, Егоръ Тарасовичъ.

Дворянчиковъ *(задѣтый за живое)*. Почему же-съ?.. Чѣмъ ужъ я такъ? Вовсе нѣтъ-съ... Конечно, матеріальное положеніе сельскаго учителя незавидно, но зато дѣятельность моя... Я вотъ отъ младыхъ ногтей пошелъ въ учителя... И если я отказался отъ мысли о карьерѣ, о высшемъ образованіи, то, съ другой стороны, я стою близко къ народу, сѣю разумныя сѣмена... Жить въ столицѣ, гдѣ водоворотъ, служить въ какомъ-нибудь министерствѣ и прочее—все это, конечно, имѣетъ свою... какъ сказать, позолоту. Но я разсуждаю такъ: была бы идея-съ, а остальное—прахъ и пепелъ.

Крузовъ. Идея—это хорошо; но, скажите пожалуйста,—вы столько лѣтъ учите здѣсь: сталъ ли отъ этого народъ умнѣе, счастливѣе?

Дворянчиковъ *(нѣсколько озадаченный)*. Вы изволите спрашивать... Отчасти—пожалуй. Но, конечно, этого учесть нельзя. Тутъ нужны поколѣнія... Надо вѣрить въ прогрессъ. Все-таки образованіе—великое дѣло.

Крузовъ. Потому-то вы свое собственное и забросили?

Дворянчиковъ. Андрей Павловичъ, вы уязвляете меня въ Ахиллесову пяту. Да, я когда-то мечталъ получить всестороннее развитіе. Волею неумолимаго рока, я остался недоучкой. Самъ чувствую, что, живя въ здѣшней глуши, отсталъ отъ вѣка, мохомъ обросъ. Иной разъ говоришь, а самъ думаешь: „да можетъ быть, свѣжему-то человѣку смѣшно тебя слушать?“ Впрочемъ, я и здѣсь не перестаю заниматься по мѣрѣ силъ самообразованіемъ.

Крузовъ. Имѣя 60 учениковъ въ школѣ и шестерыхъ собственныхъ дѣтей? Тутъ, Егоръ Тарасовичъ, можно заниматься не самообразованіемъ, а самоуничтоженіемъ.

Дворянчиковъ. Зачѣмъ же вы меня такъ ужъ обрекаете? Богъ не безъ милости и не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ. Я терплю нужду—да, но зато я облеченъ высокимъ званіемъ народнаго учителя. *Народнаго-съ!* Тутъ,

Андрей Павловичъ, миссія! Русская пословица говоритъ: Денегъ ни гроша, да зато слава хороша.

Крузовъ. Да, я знаю: у насъ любятъ называть учителя „свѣточемъ“ или еще какимъ-нибудь хорошимъ словомъ; но знаю также, что эти самые люди не постѣсняются при случаѣ наступить этому свѣточу на ногу.

Дворянчиковъ *(утирая платкомъ на лбу выступившій потъ)*. Да, это вы правду истинную... И больно могутъ наступить.

Крузовъ. Впрочемъ, судя по вашимъ словамъ, въ общемъ вамъ живется недурно? *(Насмѣшливо.)* Ну, что же, очень радъ за васъ.

Дворянчиковъ *(смущенно)*. Лично я не ропщу... Далъ Богъ денечекъ,—дастъ и кусочекъ. Но многосемейность моя заставляетъ меня домогаться лучшей жизни.

Крузовъ. Вамъ хотѣлось бы перейти ко мнѣ на заводъ?

Дворянчиковъ *(отирая лицо и оглядываясь на дверь)*. Собственно, изъ-за семьи больше... Главная причина: помѣщеніе у меня очень тѣсное.

Крузовъ. Можете вы преподавать хоровое пѣніе?

Дворянчиковъ. И очень-съ! Самъ люблю пѣніе и даже собственныя пѣсни сочинялъ-съ... И хоромъ дирижировалъ!

Крузовъ. Я хочу ввести у себя въ школѣ хоровое пѣніе, а также организовать хоръ изъ рабочихъ... Могли бы вы взять это на себя?

Дворянчиковъ. Съ превеликимъ удовольствіемъ!

Крузовъ. Учителя для новой школы я хочу выписать изъ Петербурга... Переходите ко мнѣ помощникомъ учителя: въ накладѣ не останетесь.

Дворянчиковъ *(отирая потъ)*. Помощникомъ?

6. Гаврила Ивановичъ *(румяный отъ выпивки)*.

Гаврила Ивановичъ. Ура! Уломалъ купчину! *(Увидавъ, что Черемисова нѣтъ)*. А гдѣ же Глѣбъ?

Крузовъ. Кого вы уломали? Не Флегонтова-ли?

Гаврила Ивановичъ. Тугой мужикъ, кремень... Принужденъ былъ распить съ нимъ графинчикъ наливки... Вѣдь я знаю, какъ съ этими толстобрюхими дѣла вести... Портретъ съ него снялъ... Между нами будь сказано, если бы не я, то Глѣбу не сдобровать бы.

Крузовъ. Флегонтовъ тамъ? *(Указываетъ)*

Гаврила Ивановичъ. Тамъ. Я пристроилъ его къ закускѣ: сидитъ, насыщается.

Крузовъ. Я давно собираюсь поговорить съ нимъ. *(Уходитъ.)*

Гаврила Ивановичъ *(взглянувъ на Дворянчикова, который смущенъ и разстроенъ)*. Что это вы, мой любезнѣйшій?.. или жена опять задала вамъ пфеферу?

Дворянчиковъ. Душно что-то. Пойду на вольный воздухъ... *(Уходитъ черезъ террасу въ садъ.)*

Гаврила Ивановичъ *(взглянувъ на столъ)*. А звонка такъ и не подали? Вѣдь этакая дичь непроходимая! *(Идетъ. Входятъ Анна Родіоновна, Таня, Корягинъ.)*

7. Анна Родіоновна, Таня, Корягинъ.

Анна Родіоновна *(продолжая разговоръ)*. У меня сейчасъ такое ощущеніе, будто всѣ эти люди пришли за моей душой. Эта скучная и влюбленная въ себя предводительша...

Гаврила Ивановичъ. Успокойтесь, Анна Родіоновна: Флегонтовъ, дѣйствительно, пріѣхалъ сегодня за нашей душой, но я ловкимъ маневромъ отпарировалъ ударъ отъ головы Глѣба...

Анна Родіоновна *(встревоженная)*. Что такое? Что случилось?

Гаврила Ивановичъ. Ничего, успокойтесь:

Гроза миновала,
Земля освѣжилась, и туча промчала...

Вотъ только съ бычкомъ придется разстаться. Иду успокоить Глѣба. *(Уходитъ.)*

Анна Родіоновна. Что онъ говоритъ? Какой ударъ?

Корягинъ. Дѣло шло, очевидно, объ отсрочкѣ платежа по векселю. Флегонтовъ да Черничкинъ — наши уѣздные ростовщики.

Анна Родіоновна. Вы говорите: Флегонтовъ хочетъ... *(Заслышавъ удаляющійся звукъ бубенчиковъ, останавливается и прислушивается.)* Какой мелодичный звукъ у этихъ бубенчиковъ... Слышите? *(Таня разспрашиваетъ Корягина.)*

8. Марья Платоновна *(быстро входитъ черезъ террасу).*

Марья Платоновна. Засѣданіе еще не начиналось? *(Къ Корягину.)* Сейчасъ приходитъ въ амбулаторію молодой парень и пристаетъ съ ножемъ къ горлу, чтобы ему кровь пустили. „Я, говоритъ, слышу, какъ она у меня въ головѣ переливается". *(Къ Аннѣ Родіоновнѣ и Танѣ.)* А это у него отъ малокровія. Анна Родіоновна, что это вы: прокисе?

9. Черемисовъ.

Черемисовъ. Господа, я ужъ думаю: не отложить ли намъ засѣданіе до другого раза?

Корягинъ. Это почему?

Черемисовъ. Тѣ, на которыхъ мы особенно разсчитывали— Бурмасовъ, Карлинъ, Деборъ—не пріѣхали.

Марья Платоновна. Это все жены мутятъ, все жены!

Черемисовъ. Степановъ сейчасъ демонстративно удалился... А вѣдь онъ же первый толковалъ о необходимости объединенія.

Корягинъ. А объединять то начали вы, а не онъ: вотъ ему и досадно.

Черемисовъ. Предводительша тоже уѣхала. Бѣситъ меня эта душевная мелкота!..

Таня. Ей нужно, чтобы всѣ передъ ней на заднихъ лапкахъ ходили.

Черемисовъ. Мнѣ, чортъ знаетъ, какъ досадно, что она ушла отъ насъ: вѣдь она хотѣла устроить благотворительную лоттерею и концертъ въ пользу попечительства. Анна, отчего ты отказалась играть у нея на вечерѣ? Она очень обидѣлась на тебя.

Анна Родіоновна. Я давно забросила музыку, да и настроеніе у меня вовсе не такое, чтобы играть въ салонѣ у предводительши.

Черемисовъ. Ты вообще слишкомъ сухо обошлась съ ней сегодня.

Марья Платоновна. Здѣшнія дамы считаютъ васъ гордячкой и со злости на васъ тормозятъ дѣло. Вотъ увидите, что и предводитель пойдетъ теперь на попятную, а за нимъ потянутся и другіе.

Анна Родіоновна. Эти милыя дамы опротивѣли мнѣ своими сплетнями и намеками. Я не выношу, когда у меня роются въ душѣ.

Черемисовъ. Анна, прежде ты умѣла жертвовать своими личными чувствами ради идеи... *(Крузовъ въ дверяхъ.)*

10. Крузовъ; потомъ Флегонтовъ.

Марья Платоновна *(Аннѣ Родіоновнѣ)*. Неужели вамъ такъ ужъ трудно сдѣлать визиты этимъ дурамъ, умаслить ихъ?

Анна Родіоновна. Да, трудно. Труднѣе, чѣмъ вы думаете.

Крузовъ. Глѣбъ, я бы на твоемъ мѣстѣ не посылалъ жену на поклонъ къ этимъ барынямъ. Для нея это слишкомъ мучительно: вѣдь то, что насъ съ тобой, можетъ быть, только царапаетъ, — Анну Родіоновну

ножемъ рѣжетъ. Это во-первыхъ... А во-вторыхъ, можетъ быть, мы обойдемся и безъ твоихъ уѣздныхъ барынь.

Черемисовъ *(сурово).* Никто не посылаетъ ее на поклонъ. До сихъ поръ Анна добровольно дѣлила со мной трудъ. У насъ было общее дѣло.

Корягинъ. Да,—общественное дѣло, близкое всѣмъ намъ.

Марья Платоновна. Конечно, то былъ тѣсный кружокъ, а теперь...

Таня *(подходитъ къ матери и, ласкаясь, разспрашиваетъ ее).*

Флегонтовъ *(просовывается въ дверь и манитъ Крузова).* Андрей Павлычъ! На секундочку! Комхерумъ!

Крузовъ. Иду. *(Флегонтовъ скрывается. Крузовъ идетъ).*

Анна Родіоновна. Вы сказали мнѣ, что уѣзжаете въ Петербургъ?

Крузовъ *(оборачиваясь).* Ничего подобнаго не говорилъ. У меня будетъ скоро освященіе школы... Такъ что я пока не собираюсь уѣзжать. *(Уходитъ. Входитъ Гаврила Ивановичъ).*

11. Гаврила Ивановичъ.

Гаврила Ивановичъ. Глѣбъ, пора бы начать... Тамъ Ульяновъ пріѣхалъ.

Черемисовъ. А, Петръ Акимычъ? Это хорошо. Душа—человѣкъ.

Гаврила Ивановичъ. Душа-то душа,—да онъ, кажется, назюзюкался.

Марья Платоновна. Ахъ, постылый!

Корягинъ. Вѣроятно, онъ въ полосѣ запоя?

Черемисовъ. Эхъ, жаль молодца! Доканалъ его Флегонтовъ. Съ горя пьетъ. Вы, папаша, лучше уложите его: пусть проспится.

Гаврила Ивановичъ. Постараюсь. Тамъ еще кое-кто пріѣхалъ: изъ созвѣздія Крутогорова.

Черемисовъ. Охъ, ужъ эти мнѣ незваные!

Гаврила Ивановичъ. Пора бы приступить къ дѣлу.

Корягинъ *(Черемисову)*. Откладывать засѣданіе невозможно.

Черемисовъ. Ну, хорошо, я сейчасъ... Вы пойдите пока, папаша, къ нимъ. Я сію минуту. *(Гаврила Ивановичъ уходитъ. За сценой громкіе разговоры и взрывы смѣха.)* Набрались неподходящіе для насъ элементы. Особенно тѣ, которые всюду хвостомъ за предводителемъ слѣдуютъ. Не на такой подборъ я разсчитывалъ.

Марья Платоновна. Ну все-таки есть Лазуринскій, Лубковъ, Жустринъ... Кто еще тамъ?

Корягинъ. Въ другой разъ и этихъ не соберешь.

Марья Платоновна. Хоть шерсти клокъ--и то годится!

Черемисовъ. Для меня важнѣе всего то, что у насъ готовое ядро уже есть: это—нашъ тѣсный кружокъ...

Анна Родіоновна. Глѣбъ, избавь меня отъ этого засѣданія?

Черемисовъ. Какъ „избавить"?

Анна Родіоновна. Мнѣ несносны эти люди, ихъ разговоры, ихъ пошлый смѣхъ, ихъ лица... Я уйду.

Таня. Мамочка, ну, останься! Ну, побудь здѣсь... для папы.

Черемисовъ. Анна, я тебя не понимаю. Не съ тобой ли вмѣстѣ мы затѣвали это дѣло? И вдругъ теперь...

Анна Родіоновна. Буду ли я участвовать въ этомъ дѣлѣ, или нѣтъ, отъ этого ровно ничего не измѣнится.

Черемисовъ. И ты можешь говорить такъ?

Марья Платоновна *(ударяя рукой по столу)*. Это просто возмутительно! Какая вы жена? Какая вы подруга своему мужу?

Черемисовъ
Таня. } Марья Платоновна?

Марья Платоновна *(не слушая).* Мужъ на вашихъ глазахъ надрывается, а вы... Хоть бы на полграна простого человѣческаго чувства!

Черемисовъ. Марья Платоновна!

Марья Платоновна. Эхъ, душа-то у васъ, я вижу, дамская!

Анна Родіоновна. Марья Платоновна, вы не были въ моей душѣ. Вы не знаете, что я переживаю. Можетъ быть, мнѣ тяжелѣе всѣхъ? Можетъ быть, все во мнѣ... *(Сдержавъ подступившія слезы.)* Нѣтъ, вы этого не понимаете! *(Торопливо уходитъ.)*

Черемисовъ. Анна, послушай... Да что съ тобой сдѣлалось? Анюта! *(Уходитъ.)*

Марья Платоновна *(въ возбужденіи чуть не бѣгая по комнатѣ).* Гдѣ ужъ намъ понять! Вы—натура высшая, а мы просто чернорабочіе. Гдѣ ужъ намъ!

Таня *(готовая заплакать).* Марья Платоновна! Стыдно, стыдно, стыдно! Что вамъ сдѣлала мама?

Марья Платоновна *(опомнившись, круто поворачиваетъ къ столу, наливаетъ въ стаканъ воды и выпиваетъ залпомъ).* Поганая я: не умѣю держать сердце и языкъ на привязи!

12. Гаврила Ивановичъ, Жустринъ, Лубковъ.

Гаврила Ивановичъ *(въ дверяхъ, пропуская Лубкова и Жустрина, на которомъ накинутъ плэдъ).* Пожалуйте, господа, пожалуйте! Пора приступить къ дѣлу. *(Опять скрывается за дверью со словами, обращенными за сцену:* „Федоръ Лукичъ! Николай Артемьевичъ!“)

Жустринъ *(продолжая разговоръ съ Лубковымъ).* Такъ вы, Иванъ Серапіоновичъ, утверждаете, что растительная пища...

Лубковъ. Я 14 лѣтъ вегетаріанствую,—и вотъ, какъ видите...

Гаврила Ивановичъ. Постараюсь. Тамъ еще кое-кто пріѣхалъ: изъ созвѣздія Крутогорова.

Черемисовъ. Охъ, ужъ эти мнѣ незваные!

Гаврила Ивановичъ. Пора бы приступить къ дѣлу.

Корягинъ *(Черемисову)*. Откладывать засѣданіе невозможно.

Черемисовъ. Ну, хорошо, я сейчасъ... Вы пойдите пока, папаша, къ нимъ. Я сію минуту. *(Гаврила Ивановичъ уходитъ. За сценой громкіе разговоры и взрывы смѣха.)* Набрались неподходящіе для насъ элементы. Особенно тѣ, которые всюду хвостомъ за предводителемъ слѣдуютъ. Не на такой подборъ я разсчитывалъ.

Марья Платоновна. Ну все-таки есть Лазуринскій, Лубковъ, Жустринъ... Кто еще тамъ?

Корягинъ. Въ другой разъ и этихъ не соберешь.

Марья Платоновна. Хоть шерсти клокъ—и то годится!

Черемисовъ. Для меня важнѣе всего то, что у насъ готовое ядро уже есть: это—нашъ тѣсный кружокъ...

Анна Родіоновна. Глѣбъ, избавь меня отъ этого засѣданія?

Черемисовъ. Какъ „избавить"?

Анна Родіоновна. Мнѣ несносны эти люди, ихъ разговоры, ихъ пошлый смѣхъ, ихъ лица... Я уйду.

Таня. Мамочка, ну, останься! Ну, побудь здѣсь... для папы.

Черемисовъ. Анна, я тебя не понимаю. Не съ тобой ли вмѣстѣ мы затѣвали это дѣло? И вдругъ теперь...

Анна Родіоновна. Буду ли я участвовать въ этомъ дѣлѣ, или нѣтъ, отъ этого ровно ничего не измѣнится.

Черемисовъ. И ты можешь говорить такъ?

Марья Платоновна *(ударяя рукой по столу)*. Это просто возмутительно! Какая вы жена? Какая вы подруга своему мужу?

Черемисовъ
Таня. } Марья Платоновна?

Марья Платоновна *(не слушая)*. Мужъ на вашихъ глазахъ надрывается, а вы... Хоть бы на полграна простого человѣческаго чувства!

Черемисовъ. Марья Платоновна!

Марья Платоновна. Эхъ, душа-то у васъ, я вижу, дамская!

Анна Родіоновна. Марья Платоновна, вы не были въ моей душѣ. Вы не знаете, что я переживаю. Можетъ быть, мнѣ тяжелѣе всѣхъ? Можетъ быть, все во мнѣ... *(Сдержавъ подступившія слезы.)* Нѣтъ, вы этого не понимаете! *(Торопливо уходитъ.)*

Черемисовъ. Анна, послушай... Да что съ тобой сдѣлалось? Анюта! *(Уходитъ.)*

Марья Платоновна *(въ возбужденіи чуть не бѣгая по комнатѣ)*. Гдѣ ужъ намъ понять! Вы—натура высшая, а мы просто чернорабочіе. Гдѣ ужъ намъ!

Таня *(готовая заплакать)*. Марья Платоновна! Стыдно, стыдно, стыдно! Что вамъ сдѣлала мама?

Марья Платоновна *(опомнившись, круто поворачиваетъ къ столу, наливаетъ въ стаканъ воды и выпиваетъ залпомъ)*. Поганая я: не умѣю держать сердце и языкъ на привязи!

12. Гаврила Ивановичъ, Жустринъ, Лубковъ.

Гаврила Ивановичъ *(въ дверяхъ, пропуская Лубкова и Жустрина, на которомъ накинутъ плэдъ)*. Пожалуйте, господа, пожалуйте! Пора приступить къ дѣлу. *(Опять скрывается за дверью со словами, обращенными за сцену:* „Федоръ Лукичъ! Николай Артемьевичъ!“)

Жустринъ *(продолжая разговоръ съ Лубковымъ)*. Такъ вы, Иванъ Серапіоновичъ, утверждаете, что растительная пища...

Лубковъ. Я 14 лѣтъ вегетаріанствую,—и вотъ, какъ видите...

Жустринъ. Но какъ это дѣйствуетъ на нервную систему? *(Корягину.)* Докторъ, скажите. Я бы, пожалуй, рѣшился... *(Говоритъ съ Корягинымъ. Корягинъ передаетъ Марьѣ Платоновнѣ тетрадь Черемисова; та отходитъ и принимается читать тетрадь.)*

Лубковъ *(вынимаетъ изъ бокового кармана пачку брошюръ и подаетъ Танѣ).* Вотъ тутъ для вашей школьной библіотеки нѣсколько брошюръ, преимущественно по вопросу о пьянствѣ и вегетаріанствѣ.

Таня. Спасибо. *(Разсматриваетъ вмѣстѣ съ Лубковымъ брошюры.)*

Гаврила Ивановичъ *(входитъ съ бумагой, карандашами и располагаетъ все на столѣ. Къ Марьѣ Платоновнѣ.)* Уложилъ Акимыча...

Жустринъ *(Корягину, продолжая разговоръ).* А то у меня, знаете, такое состояніе: мурашки по спинѣ... дыханіе какъ будто затрудненное... все, знаете, хочется поглубже... вотъ такъ... вздохнуть. *(Усиленно вздыхаетъ).* Грѣшно вамъ, докторъ: для мужиковъ у васъ всегда есть время, а для меня...

Корягинъ. Дайте-ка пульсъ.

Жустринъ *(отстраняясь).* А вы... не отъ какихъ-нибудь заразныхъ?

Корягинъ. Нѣтъ, нѣтъ,—не бойтесь... *(Щупаетъ пульсъ у Жустрина; Жустринъ что-то говоритъ ему съ безпокойнымъ видомъ. Входятъ, разговаривая, Поскребинъ и Ребринскій. Черезъ террасу входитъ Дворянчиковъ, подходитъ къ Танѣ и Лубкову, разговариваетъ съ ними и разсматриваетъ брошюры).*

13. Таня, Корягинъ, Жустринъ, Лубковъ, Гаврила Ивановичъ, Дворянчиковъ, Поскребинъ, Ребринскій.

Поскребинъ. А, Марья Платоновна! Здравствуйте! Не цѣлуйтесь со мной: у меня насморкъ.

Марья Платоновна. Мысль, что онъ остеръ, не даетъ Поскребину покоя. *(Опять погружается въ тетрадь.)*

Поскребинъ *(шутовскимъ тономъ)*. Виноватъ-съ! *(Къ Ребринскому, продолжая разговоръ.)* Началъ я перебирать въ головѣ разные анекдоты,—представьте себѣ: не оказалось ни одного, который можно разсказать при дамахъ.

Ребринскій. Ха, ха, ха! Ужъ этотъ Федоръ Лукичъ!

Гаврила Ивановичъ *(подлетаетъ къ нимъ, таинственно)*. Вы что? Насчетъ клубнички?.. Свѣженькое что-нибудь есть?

Ребринскій. Тутъ насчетъ нашей предводительши. Пальчики оближешь!

Поскребинъ *(Гаврилѣ Ивановичу)*. Разсказать?

Гаврила Ивановичъ. Нѣтъ, ну васъ совсѣмъ. Тутъ наслушаешься... И что вамъ за охота, не понимаю? *(Понизивъ голосъ)*. Впрочемъ, пожалуй... такъ и быть, разскажите потихоньку. *(Поскребинъ разсказываетъ при сдержанномъ смѣхѣ Ребринскаго и Гаврилы Ивановича. Входятъ Флегонтовъ и Крузовъ)*.

14. Флегонтовъ. Крузовъ.

Флегонтовъ. Магарычъ бы надо съ васъ, Андрей Павлычъ. *(Входитъ Черемисовъ)*.

Крузовъ *(оглядываетъ комнату, видитъ, что Анны Родіоновны нѣтъ, спрашиваетъ Черемисова, потомъ уходитъ въ дверь, куда ушла Анна Родіоновна. Черемисовъ смотритъ ему вслѣдъ)*.

Флегонтовъ *(зѣвая)*. О, Господи, какъ зѣвается-то послѣ сливянки!

15. Черемисовъ.

Черемисовъ. Папаша, позовите, пожалуйста, остальныхъ. Что они тамъ дѣлаютъ?

Гаврила Ивановичъ *(идетъ, кричитъ въ дверь)*: Господа, господа! *(Скрывается).*

Флегонтовъ *(Черемисову).* Ну, наше дѣло слажено. Бычка, стало-быть, я беру...

(Черемисовъ съ досадой отворачивается отъ него, подходитъ къ Марьѣ Платоновнѣ и разговариваетъ съ нею).

Флегонтовъ *(подходитъ къ Танѣ, Дубкову и Дворянчикову и смотритъ на брошюры).* Охъ, книжки, книжки... Не люблю засаривать голову... *(Разговариваетъ съ Дворянчиковымъ).*

16. Гаврила Ивановичъ, Кирилловна.

Гаврила Ивановичъ *(входитъ съ фотографическимъ аппаратомъ; Кирилловна высовывается въ дверь).*

Гаврила Ивановичъ. Сейчасъ придутъ... Господа, позвольте мнѣ увѣковѣчить моментъ... *(Замѣтивъ Кирилловну.)* А ты зачѣмъ? Какъ только я за аппаратъ, такъ ужъ эта старуха и торчитъ гдѣ-нибудь. *(Кирилловна скрывается.)* Умираетъ, а ногой дрягаетъ!

Черемисовъ. Послѣ, папаша, послѣ. И безъ того никакъ до дѣла не доберемся *(подходитъ къ отцу).* А Ульяновъ что? *(Разспрашиваетъ отца).*

Флегонтовъ *(продолжая разговоръ съ Дворянчиковымъ).* Ну, что же и пропитаніе достаточное имѣете? Щеголь Ивашка: что ни годъ, то рубашка!

Дворянчиковъ. Тутъ, Патрикѣй Саввичъ, не пропитаніе, а идея-съ! Я вотъ ужъ который годъ учительствую, преслѣдуя только принципіальное отношеніе къ школѣ.

Флегонтовъ. Такъ-съ. Стало-быть, больше изъ-за небесныхъ вѣнцовъ стараетесь? Доброе дѣло-съ! У меня по сусѣдству тоже есть учитель. Изъ семинаристовъ онъ. Такъ тотъ больше воробьевъ стрѣляетъ. А то заставитъ дѣвчонокъ чистить картофель, а мальчишекъ рубить дрова,—вотъ, стало-быть, первый урокъ—ариѳмети-

ка: 5 десятковъ картофеля, да 3 десятка полѣнъ — много ли это будетъ? Хе-хе... Все ищетъ себѣ попечителя побогаче... Въ школѣ-то зимой свѣженько, чернила за пазухой мерзнутъ. Мужички возятъ дрова, такъ по полѣнцу сбросятъ на отопленіе школы... хе-хе... Ну, а все же приходится учителю за бутылкой для нихъ посылать... Выпьетъ съ ними семинаристъ и разсолодѣетъ, а рядомъ ободранные мальчишки на кулачки дерутся... хе-хе...

Дворянчиковъ *(съ неудовольствіемъ)*. Да-съ... такъ-съ... Однако, я не понимаю, къ чему эта матерія клонится? *(Отходитъ къ брошюрамъ и разсматриваетъ ихъ)*.

Поскребинъ *(Ребринскому, продолжая разговоръ)*. Нѣтъ, Николай Артемьичъ, въ собакахъ вы понимаете, а въ женщинахъ ничего не смыслите,—ни бельмеса! Евгенія Павловна не хороша? Да вы посмотрите: однѣ формы... это лучшая невѣста въ уѣздѣ!

Флегонтовъ *(подходя)*. Это вы о Михальцевой? Да-съ, это точно съ... Конечно, красота, формы... кто говоритъ!.. Да, вѣдь все это одна... какъ сказать?—формалистика... а существенность-то гдѣ? *(Входятъ: Крутогоровъ, Лазуринскій, 1-ый, 2-ой, 3-ій, 4-ый землевладѣльцы и еще нѣсколько землевладѣльцевъ. Изъ парка входитъ Домна Захаровна, подходитъ къ мужу и говоритъ съ нимъ)*.

17. Таня, Корягинъ, Черемисовъ, Жустринъ, Лубковъ, Дворянчиковъ, Поскребинъ, Ребринскій, Флегонтовъ, Гаврила Ивановичъ, Крутогоровъ, Лазуринскій, Домна Захаровна, 1-ый, 2-ой, 3-ій, 4-ый землевладѣльцы *(1-ый и 2-ой землевладѣльцы и Лубковъ подходятъ къ Черемисову и разговариваютъ съ нимъ, выражая свое сочувствіе и одобреніе. Жустринъ присоединяется къ нимъ)*.

Крутогоровъ *(продолжая разговоръ съ Лазуринскимъ)*. Вы, Павелъ Маркеловичъ, въ качествѣ народника, увлекаетесь мужикомъ, идеализируете его. Я съ насла-

жденіемъ читалъ ваши талантливыя статьи, но... нашему мужику прежде всего чужды стремленія въ красотѣ.

Лазуринскій. Позвольте, Арсеній Даниловичъ...

Крутогоровъ. Pardon... Возьмите, напримѣръ, наши народныя пѣсни... „Ты поди, моя коровушка, домой“... Все про дорогу, да про корову...

Дворянчиковъ *(подходитъ къ Крутогорову)*. Народная пѣсня, ваше превосходительство, пришла теперь въ упадокъ, — но все-жъ-таки... (*Крутогоровъ не слушаетъ его*).

Флегонтовъ. Не говорите, ваше превосходительство, хорошія пѣсни есть. У-ухъ, какія пѣсни! „Не бѣлы-то снѣги“, „Вотъ мчится тройка удалая“... (*Крутогоровъ возражаетъ Флегонтову; Дворянчиковъ, обиженный невниманіемъ, отходитъ*).

Домна Захаровна (*мысленно пересчитывавшая присутствовавшихъ, вдругъ съ испугомъ*). Господа, да никакъ насъ тринадцать? *(Флегонтовъ, Жустринъ, Поскребинъ и еще кое-кто оглядываются, считая глазами)*.

Дворянчиковъ. Полно, Домаша.

Домна Захаровна *(мужу)*. Выйди, выйди пока!

Поскребинъ. Больше тринадцати, больше! Успокойтесь. *(Домна Захаровна пересчитываетъ)*.

Гаврила Ивановичъ *(заслышавъ звонъ бубенчиковъ, идетъ на террасу и кричитъ оттуда)*. Господа, могу васъ обрадовать: кажется, Черничкинъ подъѣхалъ!

Лазуринскій. Этотъ кощей безсмертный?

Черемисовъ *(пожимая плечами)*. Я не приглашалъ его.

Поскребинъ. Вы знаете: онъ недавно подрался съ пастухомъ изъ-за потравы...

Флегонтовъ. Горячій старикъ: такъ и лѣзетъ руками въ чужую бороду... Хе-хе!..

Гаврила Ивановичъ. И жаденъ до гадости: ходитъ по полю и собираетъ въ карманъ оставшуюся картошку...

18. Черничкинъ; потомъ Крузовъ.

Гаврила Ивановичъ *(идетъ навстрѣчу Черничкину съ протянутыми руками)*. Илья Назарычъ! вотъ сюрпризъ!

Черничкинъ *(здоровается съ Гаврилою Ивановичемъ, потомъ съ другими)* Слышу, что-то затѣваютъ здѣсь, — и прiѣхалъ. Я никогда не жду особыхъ приглашенiй... А вы хотѣли все подъ сурдинку обдѣлать? Нѣтъ-съ, у насъ ничего не скроешь!.. *(Флегонтову)*. А, Калита! Ну, какъ Богъ терпитъ?

Флегонтовъ. Ничего. Живемъ, плодимся и размножаемся.

Черничкинъ. Да скупаете чужiя земли за безцѣнокъ?

Флегонтовъ. Хе, хе...

Черничкинъ. Молодецъ насчетъ „хапенъ зи"... Ульянова-то скушали? И рощу, и усадьбу, — все проглотили? Остались только рожки да ножки! И Глѣба Гаврилыча скоро скушаете, и всѣхъ насъ скушаете...

Флегонтовъ. Хе-хе... Вы-то тоже умѣете изъ блохи голенище скроить... хе, хе...

Черемисовъ. Господа, можно начать? Илья Назарычъ!

Черничкинъ. Слушаю-съ. *(Садится за столъ.)* Буду сидѣть смирно. Такъ вотъ себя гвоздочкомъ къ мѣсту и прибью.

Гаврила Ивановичъ. Господа, засѣданiе открывается! *(Машинально шаритъ звонокъ)*. Эхъ, колокольчикъ-то! *(Поспѣшно уходитъ. Всѣ разсаживаются вокругъ стола. Поскребинъ и Ребринскiй сидятъ рядомъ въ нѣкоторомъ отдаленiи и разговариваютъ. Марья Платоновна садится рядомъ съ Таней, Домна Захаровна—съ мужемъ.)*

Жустринъ *(безпокойно оглядываясь)*. Поддуваетъ откуда-то... *(Пересаживается и укутывается плэдомъ.)*

Черемисовъ. Господа, я долженъ начать свою рѣчь съ упрека по адресу нашихъ дамъ, которыя блещутъ своимъ отсутствiемъ...

Крутогоровъ *(насмѣшливо озираясь)*. Позвольте... а гдѣ же Анна Родіоновна?

Черемисовъ *(хмурясь)*. Ей нездоровится...

Крутогоровъ. У моей жены тоже внезапно сдѣлался мигрень...

Флегонтовъ. А моя „дрожащая" половина вторыя сутки пластомъ лежитъ.

Черничкинъ. А моя, если бы и пріѣхала, вы бы сами не обрадовались.

Черемисовъ. Я, господа, хочу только сказать, что пора бы намъ отбросить всѣ личныя недоразумѣнія и распри изъ-за выѣденнаго яйца и сообща принять мѣры для борьбы съ бѣдствіемъ, которое надвигается на нашъ уѣздъ. Въ частности я уже говорилъ объ этомъ съ большинствомъ изъ васъ. Всѣ мы знаемъ, что здѣшнее населеніе не оправилось еще отъ прошлогодняго неурожая. Въ этомъ году, вслѣдствіе засухи, по всѣмъ признакамъ положеніе будетъ еще хуже, такъ какъ хлѣбà у крестьянъ изъ рукъ вонъ плохи...

(Домна Захаровна вынимаетъ изъ кармана орѣхи и грызетъ).

Черничкинъ. Мы сами мало собрали.

Марья Платоновна. Да вѣдь вы-то перебьетесь, а они...

Черничкинъ. А они вотъ работать не желаютъ-съ.

Таня. Вотъ ужъ неправда!

Черничкинъ. Уповаютъ на даровщинку... да-съ!

Лазуринскій. Кто вамъ сказалъ это?

Крутогоровъ. Это я вамъ могу сказать: въ прошлую безхлѣбицу нанимала ихъ желѣзная дорога расчищать путь. Не пошли!

Черемисовъ. А вы спросите—почемъ имъ предлагали?

Лазуринскій. За 10, за 15 верстъ ѣхать...

Марья Платоновна. Вѣдь лошадь прокормить надо...

Дворянчиковъ. И все-таки шли-съ! И очень многіе шли-съ!

Таня. Готовы были работать за 5 фунтовъ хлѣба!

Черемисовъ. Они продавали свой будущій лѣтній трудъ, закабаляли себя кулакамъ и міроѣдамъ.

Корягинъ. А также господамъ землевладѣльцамъ, которые это хорошо знаютъ.

Черничкинъ. А я вамъ скажу: пока мужика держишь впроголодь, онъ и смиренъ и работящъ; а какъ только...

Дворянчиковъ. Это сужденіе голословное... да-съ! И притомъ...

Крутогоровъ *(бросивъ удивленно-строгій взглядъ на Дворянчикова, обращается къ Черемисову).* Кромѣ того, всѣ эти подачки только развращаютъ народъ.

Черемисовъ. Арсеній Даниловичъ, часъ тому назадъ вы вмѣстѣ съ вашей супругой относились иначе къ этому вопросу. Вы отлично знаете, что я и не предлагаю ограничиваться одними подачками. Мнѣ хочется, чтобы помощь была существенная, а не призрачная. Погорѣлъ крестьянинъ, или пала у него лошадь,—вотъ тутъ-то и надо поддержать его, помочь ему стать на ноги,—иначе онъ...

Дворянчиковъ. То, что пропонируетъ Глѣбъ Гаврилычъ...

Черничкинъ. Всѣ они пьяницы—да-съ!

Крутогоровъ. Сегодня мой Павелъ съ утра пьянъ. Повезъ меня, чуть не вывалилъ. Что съ нимъ подѣлаешь? Конечно, я нравственно наказалъ его: вышелъ изъ экипажа и больше версты шелъ пѣшкомъ. „Вотъ смотри, каналья, что ты сдѣлалъ съ бариномъ,—и казнись!“

Лазуринскій. Ну, знаете, народъ пьетъ меньше, чѣмъ мы.

Крутогоровъ. А propos! Имѣю честь сообщить вамъ, что нашъ ветеринарный врачъ окончилъ дни свои. Спился.

Марья Платоновна. Да что вы?

Крутогоровъ. Онъ за послѣдній годъ проводилъ время довольно однообразно: лежитъ на диванѣ, встанетъ, выпьетъ водки, закуситъ огурцомъ и опять ляжетъ.

Впрочемъ, лѣтомъ онъ закусывалъ свѣжимъ огурцомъ, а зимой—соленымъ.

Черемисовъ. Но мы уклонились, господа...

Жустринъ *(ежась и кутаясь въ плэдъ)*. Свѣжевато что-то.

Ребринскій. А съ другой стороны, какъ не пить? Какія у насъ здѣсь развлеченія?

Черничкинъ. Ну, у васъ-то—собаки!

Дворянчиковъ. Если бы у насъ были концерты, спектакли...

Флегонтовъ. Въ банѣ тоже можно хорошо провести время.

Поскребинъ. На Пасхѣ пріѣзжалъ къ намъ фокусникъ Альфонсъ 2-й? Почему непремѣнно „второй"? Зачѣмъ „второй"?

Корягинъ *(рѣзко)*. Господа, о чемъ мы говоримъ?

Домна Захаровна. А я скажу, что все это глупость одна. Пьяница всегда будетъ пить. Какихъ еще развлеченіевъ нужно? Мы вонъ намедни съ попадьей да съ дьяконицей забрали ребятъ, да въ лѣсъ. Всего было много: варенья... всего. Погуляемъ, а тамъ пить и ѣсть... Цѣлую корчагу картофеля съѣли.

Флегонтовъ. Оно конечно, ежели нутренность крѣпкая... *(Смѣхъ.)*

Корягинъ *(съ досадой встаетъ и сердито смотритъ на смѣющихся)*.

(Входитъ Гаврила Ивановичъ съ колокольчикомъ.)

Черемисовъ. Господа, обратимся къ дѣлу!

Марья Платоновна. Господа!

Гаврила Ивановичъ *(звонитъ въ колокольчикъ. Шумъ стихаетъ)*.

Черемисовъ. Я предлагаю, господа, организовать попечительство для оказанія помощи населенію. Прежде всего, конечно, настоятельно нужна продовольственная помощь... и притомъ по возможности трудовая.

Поскребинъ *(Ребринскому, увлекшись)*. Это было на обѣдѣ

у Ласточкина. Подаютъ салатъ... И такъ, я вамъ скажу, мнѣ этотъ салатъ понравился...

Черемисовъ. Федоръ Лукичъ! *(Гаврила Ивановичъ звонитъ).*

Поскребинъ. Pardon! *(Продолжаетъ говорить тихонько Ребринскому).*

Крутогоровъ. A propos, господа... У меня въ селѣ недавно образовалось общество трезвости... съ портнымъ Потапычемъ во главѣ. По поводу открытія общества, означенный Потапычъ сходилъ на могилку къ женѣ, которая умерла у него ровно 20 лѣтъ тому назадъ; тамъ ему взгрустнулось: онъ выпилъ на могилкѣ и съ тѣхъ поръ до сего дня пьетъ безъ просыпу... *(Смѣхъ)*

Черемисовъ. Арсеній Даниловичъ, зачѣмъ вы хотите представить все нарочно въ шутовскомъ видѣ? Здѣсь дѣло, право, не шуточное. *(Крутогоровъ пожимаетъ плечами).*

Лубковъ. Господа, мы обязаны серьезно отнестись къ этому вопросу. Теперь не время шутить!

Лазуринскій. Мы съѣхались сюда для обсужденія проекта Глѣба Гавриловича!

1-й землевладѣлецъ. Давайте разговаривать о дѣлѣ!

2-й землевладѣлецъ. Господа, не будемъ терять времени!

Черемисовъ *(ко всѣмъ).* Если вамъ угодно выслушать...

Флегонтовъ. И чего вы, Глѣбъ Гаврилычъ, такъ ужъ объ этомъ черноземѣ убиваетесь? Много ли мужичку нужно? Мужичекъ всегда обернется. У кого хорошо шарикъ *(показываетъ на голову)* работаетъ, тотъ всегда добудетъ себѣ пропитаніе.

Марья Платоновна. Гдѣ добудетъ? Откуда?

Дворянчиковъ. Господа, у Глѣба Гавриловича написанъ проектъ...

Гаврила Ивановичъ *(перебивая его).* Господа, прошу выслушать то, что мы съ сыномъ...

Дворянчиковъ. Позвольте-же и мнѣ сказать свое слово!

Гаврила Ивановичъ *(надменно)*. Дайте сначала сказать тому, кто постарше.

Дворянчиковъ *(уязвленный)*. Въ какомъ смыслѣ „постарше"?

Флегонтовъ *(ему)*. Погодите, не вашъ ходъ. Есть люди, которые посолиднѣе.

Дворянчиковъ. Вы оскорбляете званіе учителя!

Черемисовъ. Господа, какъ не стыдно!

Таня. Егоръ Тарасовичъ! *(Уговариваетъ его)*.

Дворянчиковъ. Я хотѣлъ лишь высказать нѣсколько сжатыхъ мыслей, но если мнѣ не даютъ.., если я въ вашихъ глазахъ какой-то презрительный Терситъ, то я... *(Оскорбленный, отсаживается подальше. Таня подходитъ къ нему и уговариваетъ его)*.

Домна Захаровна. Вы вотъ, Глѣбъ Гаврилычъ, о мужикахъ заботитесь: настроили имъ всякой всячины:— больницу, школу... какого имъ еще, съ позволенія сказать, рожна? — а учителя у насъ въ тѣснотѣ да въ обидѣ. Вы меня извините: я не дама, не аристократка—я всегда правду рѣжу...

Флегонтовъ. Бѣдовая... хе-хе.

Марья Платоновна. Посмотрѣла бы я, гдѣ еще объ учителѣ такъ заботятся!

Черемисовъ. Чего же вы хотите отъ меня, Домна Захаровна?

Домна Захаровна. Я не про васъ... Я—вообще... Есть такіе люди, для которыхъ чѣмъ кто поганѣе, тѣмъ жалчѣе...

Черничкинъ. Вотъ она правда золотая! Все для лапотниковъ! все для этихъ лодырей! *(Черемисову)*. Я — врагъ этого!

Черемисовъ. Чего именно?

Черничкинъ. Всего! Я носомъ чувствую во всемъ этомъ фальшь. Да-съ, носомъ!

Лазуринскій. Носомъ? Вотъ новый способъ знакомиться съ положеніемъ вещей.

Корягинъ. Господа, будемъ, наконецъ, мы говорить о дѣлѣ или нѣтъ?

Черничкинъ. Меня не проведешь! Я вѣрю только въ то, что можно положить въ карманъ... да-съ! Вотъ давайте мнѣ сюда! *(Хлопаетъ по карману).* Ампошэ! Пожалуйте!.. А то все норовятъ вынуть. Куда ни приди, все тебѣ въ карманъ лѣзутъ!

Черемисовъ. Зачѣмъ же вы сюда пожаловали, если такъ боитесь за цѣлость своихъ кармановъ?

Таня *(старается успокоить его).* Папа, папа!

Черничкинъ. Да, я вижу, что пришелся не ко двору,— ну и пойду лучше ко дворамъ. *(Хочетъ уйти; Гаврила Ивановичъ удерживаетъ его и уговариваетъ. Черничкинъ ворчитъ, среди гостей поднимаются шумные разговоры. Входитъ Крузовъ и останавливается въ отдаленіи въ позѣ наблюдателя).*

Флегонтовъ. Охъ, батюшки, у меня отъ этихъ разговоровъ весь фрыштикъ комомъ свернулся!

Жустринъ *(встаетъ).* Собственно, и мнѣ пора-бы... Какъ будто сыренько становится?

Черемисовъ *(подходитъ къ нему).* Вы-то, Филиппъ Макаровичъ, надѣюсь, примете участіе? *(Флегонтовъ подходитъ къ нему и слушаетъ).*

Жустринъ. О, да, да... Я—разумѣется... Я отъ души сочувствую вамъ. *(Жметъ Черемисову руку.)* Вотъ только нервы мои... Для меня пагубно всякое волненіе... Да и средства мои... вы сами знаете, крайне ограничены... Конечно, и я внесу свою лепту, но *(указывая на Флегонтова)* вотъ Патрикѣй Саввичъ можетъ быть гораздо полезнѣе меня.

Черемисовъ *(Флегонтову).* Я думаю, что вы не откажетесь помочь?

Флегонтовъ. Не подходящая это для насъ операція. Ежели-бы въ пользу бѣдствія какого... *(Жустринъ, ежасъ, уходитъ подъ сурдинку).*

Черемисовъ. Какого-же вамъ еще бѣдствія? Помилуйте!

Флегонтовъ. Не могу: балансъ не позволяетъ...

Гаврила Ивановичъ *(подходитъ).* Послушай, Патрикѣй Саввичъ: вѣдь ты на прошломъ неурожаѣ какъ набилъ карманъ-то!

Флегонтовъ. Разсказывай! *(Лубковъ подходитъ къ Черемисову и разговариваетъ съ нимъ).*

Гаврила Ивановичъ. Другіе руками берутъ, а вѣдь ты еще ногой подгребаешь.

Флегонтовъ *(смѣется).* Поди ты! Кудесникъ... право!

Гаврила Ивановичъ. Нѣтъ, я съ тебя сдеру... *(Продолжаетъ разговоръ съ нимъ).*

Лубковъ *(Черемисову).* Я думаю написать въ Москву брату: пусть онъ соберетъ тамъ денегъ... А можетъ-быть, я и самъ поѣду. Вы не заѣдете-ли ко мнѣ со своимъ проектомъ? Мы на досугѣ разберемъ.

Черемисовъ. Прекрасно.

Лубковъ. Вотъ и Павелъ Маркеловичъ пріѣдетъ.

Лазуринскій *(услыхавъ свое имя, подходитъ).* Падаетъ народничество, падаетъ! Это стыдъ для современнаго общества!

Черемисовъ. Не унывайте, Павелъ Маркеловичъ: одно народничество падаетъ—другое нарождается.

Крутогоровъ *(подходитъ къ Черемисову).* Народничество — хорошая вещь,—только вмѣсто того, чтобы поднимать мужика, вы, народники, сами спускаетесь до его уровня.

Черничкинъ. Совершенно вѣрно-съ! Истинно-съ! *(Партія Крутогорова одобрительно шумитъ.)* Къ мужику докторъ сломя голову летитъ, а къ барину...

Флегонтовъ. Что вѣрно, то вѣрно. Какую-нибудь бабу—староплляндію лѣчитъ, а меня вонъ... „вазелиномъ"! Староплляндія-то, можетъ, и со всѣми своими потрохами одного моего носа не стоитъ, а онъ...

Черничкинъ. Помрешь,—не дозовешься!

Корягинъ. Не присылайте за мной во время пріема!

Марья Платоновна. Мы не можемъ бросить больныхъ!

Черничкинъ. Мы знаемъ ваши пріемы! *(Шумъ)*.

2-ой землевладѣлецъ *(кричитъ.)* Неправда! Здѣсь медицинскій персоналъ—образцовый!

1-ый землевладѣлецъ. Они всѣ силы отдаютъ дѣлу! Совершенно несправедливыя нападки!

19. Ульяновъ.

Ульяновъ *(въ дверяхъ, послѣ сна, всклокоченный.)* „Мутится умъ, въ душѣ тоска нѣмая"...

Марья Платоновна. Проснулся?!

Ульяновъ. „Напрасно я забвенье призывалъ"...

Гаврила Ивановичъ (*подходитъ къ нему.*) Подите, Петръ Акимычъ, отдохните.

Ульяновъ. Помѣщики, предводители, гонители, мучители! Вѣдь небо-то чистое,—зачѣмъ-же вы его, братцы, коптите? (*Одни смѣются, другіе ворчатъ*).

Крутогоровъ (*вздергивая съ брезгливымъ видомъ плечами.*) Ну, ужъ это, знаете...

Марья Платоновна (*Ульянову.*) Идите спать, шальная голова!

Ульяновъ. Марья Платоновна! Душа-человѣкъ! Кристаллъ!.. Позвольте мнѣ быть у вашихъ ногъ! (*Хочетъ встать передъ ней на колѣни.*) (*Смѣхъ и протестующіе голоса*).

Марья Платоновна. Ахъ, постылый! вставайте сейчасъ!.. (*Корягинъ, Черемисовъ и Гаврила Ивановичъ уговариваютъ Ульянова*).

Флегонтовъ. Чуденъ! Собакъ ученыхъ не надо.

Ульяновъ (*вставая.*) Флегонтовъ! Центавръ! Троглодитъ! Ѣшь меня живьемъ! Жри! Чавкай! Вѣдь всѣ чавкаютъ!

Черемисовъ. Полно, Петръ Акимычъ, подите...

(Гаврила Ивановичъ и Корягинъ стараются увести Ульянова).

Ульяновъ. Культура, циливизація, телеграфы, телефоны, граммофоны—все для этого чертополоха, все. Прогрессъ, электричество... Тьфу ты, поганство какое!

Флегонтовъ. Ахъ, шутъ гороховый!

Ульяновъ. Глѣбушка, много ты набралъ у нихъ на попечительство? Тутъ, братъ, много не наберешь—нѣтъ! (*Слышатся протестующіе и недовольные голоса.*) Тутъ все такіе касатики...

Марья Платоновна *(Ульянову).* Ну, ну, идите безъ разговоровъ!

Ульяновъ. Желаю жертвовать! *(Снимаетъ съ себя часы.)* Глѣбушка, бери... вотъ... послѣдніе оскребки... вотъ! *(Шаритъ въ карманахъ, вытаскиваетъ кошелекъ, перочинный ножикъ, носовой платокъ. Черемисовъ и Корягинъ суютъ все это ему назадъ.)*

Марья Платоновна. Протрезвитесь сначала!

Ульяновъ. Вы думаете—я пьянъ? Нѣтъ, это только переходная ступень. Все берите, все! *(Хочетъ снять пиджакъ.)* „Послѣдняя жертва!“ *(Корягинъ и Гаврила Ивановичъ увлекаютъ его къ двери.)* Глѣбушка! милунчикъ ты мой!

Черничкинъ *(Черемисову съ ехидствомъ).* Этакъ вы порядочно насобираете!

Ульяновъ. Эхъ, хоть бы маленькое землетрясеньице, чтобы провалились эти касатики въ тартарары!

Крутогоровъ. Уведите его, пожалуйста!

Марья Платоновна. Маршъ, безъ разговоровъ, безпутная голова!

Ульяновъ *(въ дверяхъ)*. Марья Платоновна! „Меня никто не любитъ и все живущее клянетъ!“ *(За сценой поетъ*: „Меня никто не любитъ“...)

Черничкинъ *(Черемисову)*. Вы нарочно науськали на насъ этого пьяницу! нарочно! Вашъ благопріятель, вашъ! *(Среди гостей начинается все усиливающійся сердитый шумъ. Черемисовъ звонитъ, но безуспѣшно.)*

Крузовъ *(встаетъ и подходитъ къ столу)*. Господа! *(Шумъ стихаетъ; слышится*: „Тс!.. тише, тише!“) Я убѣдился, господа, что симпатичная идея Глѣба Гавриловича привела на практикѣ лишь къ различнаго рода нареканіямъ и недоразумѣніямъ. Думаю, что этихъ недоразумѣній не будетъ, если организацію помощи возьметъ на себя заводъ. *(Голоса*: „Конечно, конечно!—Такъ, такъ!“ и *нѣсколько аплодисментовъ.)* Такъ какъ часть окрестнаго населенія работаетъ у меня на заводѣ, то я считаю своимъ долгомъ пойти навстрѣчу продовольственной нуждѣ мѣстныхъ крестьянъ *(Голоса*: „Вѣрно, вѣрно!—Правильно!—У завода есть средства; а мы сами... Мы не можемъ этого!—Браво, Андрей Павловичъ!“—*и аплодисменты.)* Заводъ дастъ для этого средства, правленіе завода сосредоточитъ въ своихъ рукахъ организацію помощи; васъ же, господа, какъ людей, стоящихъ близко къ внутренней жизни населенія, я попрошу содѣйствовать мнѣ своими совѣтами и указаніями. *(Голоса*: „Отлично!—Браво, браво! Очень рады!“ *и аплодисменты)*.

Черемисовъ *(хочетъ говорить, звонитъ, но тщетно. Лазуринскій и Лубковъ тоже протестуютъ, но ихъ не слушаютъ)*.

Корягинъ и Гаврила Ивановичъ *(возвращаются и разспрашиваютъ присутствующихъ: Корягинъ—Таню и Марью Платоновну, Гаврила Ивановичъ—Черемисова и кое-кого изъ гостей)*.

Крузовъ. Семнадцатаго у меня на заводѣ будетъ происходить освященіе новой школы. Приглашаю васъ,

господа, на это торжество. Тогда я надѣюсь окончательно договориться съ вами и выработать форму нашей совмѣстной дѣятельности. Я увѣренъ, господа, что у насъ все пойдетъ, во славу Божію, какъ по маслу.

(Громъ аплодисментовъ и шумное одобреніе).

Голоса: „Браво, Андрей Павловичъ!—Конечно, у завода есть средства!—Мы всѣ рады!—Спасибо, Андрей Павловичъ!—Браво, браво! благородно!..

(Черемисовъ, Корягинъ, Дубковъ и Лазуринскій протестуютъ противъ этого).

Черемисовъ, Марья Платоновна и Корягинъ *нѣсколько разъ кричатъ*: „Господа, господа!"—*но безуспѣшно.*

Таня. Папа, что же это?!

Черемисовъ *(кричитъ)*. Я не согласенъ!.. Позвольте, господа! *(Звонитъ.)*

(Шумъ продолжается. Всѣ встали со своихъ мѣстъ. Большинство окружаетъ Крузова и жметъ ему руку.) Господа! *(Звонитъ. Шумъ не стихаетъ. Марья Платоновна тщетно старается водворить порядокъ. Черемисовъ въ раздраженіи швыряетъ звонокъ на столъ и выходитъ.)*

(Послѣ паденія занавѣса еще слышится шумъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Огромная столовая въ домѣ Крузова. Въ окна падаютъ косые лучи заходящаго солнца. Только что отобѣдали, и лакеи убираютъ съ большого, устроеннаго глаголемъ, стола. Ставятъ вина и закуски на одинъ столъ, другой выносятъ, возвращаются и хлопочатъ возлѣ стола. На столѣ въ вазахъ роскошные цвѣты. Анна Родіоновна стоитъ у открытаго окна, слушая звуки поющаго въ дальней комнатѣ хора: „Гой ты, Днѣпръ"; когда звуки умолкаютъ, слышится шумъ одобренія и голоса: „браво! bis!" и пѣніе начинается снова. Таня, сидя въ качалкѣ, глядитъ на мать, не то любуясь ею, не то тревожась за нее.

1. Анна Родіоновна., Таня и два лакея у стола.

Таня *(подходитъ къ матери и тихонько окликаетъ ее).* Мама! *(Анна Родіоновна не слышитъ).* Мамочка!

Анна Родіоновна *(вздрогнувъ, оборачивается).* Ахъ, это ты, Таня?

Таня. Нынче съ самаго утра народъ, шумъ, всякая торжественность... Просто, голова кружится... Можетъ быть, это отъ того, что я за обѣдомъ вина выпила? Какъ-то чудно и весело... И знаешь, мамочка, мнѣ непріятно, что мнѣ такъ весело. Право!.. Не знаю, почему... А тебѣ, мамочка?.. Ты такъ печальна... Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ... не то. *(Всматривается въ лицо матери).*

Анна Родіоновна. Я вовсе не печальна.

Таня. У тебя сейчасъ такое лицо... *(Подыскиваетъ выраженіе.)* Такое хорошее лицо!

Анна Родіоновна. Я слушаю пѣніе.

Таня. Мнѣ вотъ хочется поцѣловать тебя, а я какъ будто боюсь, точно ты сейчасъ чужая мнѣ: хорошая, славная, а чужая. *(Анна Родіоновна нѣжно, но вмѣстѣ*

съ тѣмъ разсѣянно обнимаетъ дочь; Таня цѣлуетъ ее.) Впрочемъ, я все глупости болтаю... Это, должно быть, отъ шампанскаго: въ первый разъ въ жизни пила шампанское! А какъ славно поетъ хоръ. Это Егоръ Тарасовичъ такъ ихъ обучилъ. Но, знаешь, мамочка, я его теперь видѣть не могу!

Анна Родіоновна *(разсѣянно).* Кого?

Таня. Егора Тарасовича. Папа не ожидалъ отъ него такой измѣны. Нѣтъ въ жизни ничего хуже измѣны!

Анна Родіоновна *(съ волненіемъ).* Измѣны?.. Ты судишь черезъ-чуръ строго.

Таня. Мнѣ за папу обидно. Всѣ бѣгутъ на заводъ. Попечительство придумалъ папа, а они всѣ сюда кинулись. Когда папа уговаривалъ ихъ, они только спорили да ворчали, а тутъ они, что ни скажетъ имъ Андрей Павловичъ, на все согласны... *(Съ внезапной грустью.)* Мама, зачѣмъ мы сюда пріѣхали? Меня мучаетъ совѣсть.

Анна Родіоновна. Что-же дурного въ томъ, что мы пріѣхали на освященіе школы?

Таня. А папа вотъ не поѣхалъ. И Дмитрій Николаевичъ и Марья Платоновна тоже. *(Крузовъ входитъ и, остановившись, смотритъ на Анну Родіоновну и Таню).*

Анна Родіоновна. У всякаго свои взгляды. Вѣдь папа сказалъ, что если тебѣ хочется быть на освященіи, такъ поѣзжай. Перестанемъ разговаривать объ этомъ: мнѣ хотѣлось-бы забыть обо всемъ и только слушать безъ конца это пѣніе: я такъ давно не слыхала хора...

2. Крузовъ.

Крузовъ *(лакеямъ).* Вино и фрукты оставьте и уходите... *(Съ нетерпѣніемъ.)* Да ну, пошли вонъ! *(Лакеи уходятъ, оставивъ на столѣ вино, фрукты, конфекты и коечто изъ закусокъ.)* Я вотъ все смотрю: сколько красоты

въ обѣихъ васъ и какъ все, что здѣсь окружаетъ меня, облагорожено вашимъ присутствіемъ. Такъ-бы вотъ стоялъ и глядѣлъ на васъ.

Анна Родіоновна. Я пойду туда, поближе...

Крузовъ. Издали лучше слушать.

Анна Родіоновна. Мнѣ хочется утонуть съ головой въ звукахъ *(Идетъ)*.

Крузовъ. Вы будете у меня попечительницей школы: это вопросъ рѣшеный?

Анна Родіоновна *(уходя)*. Нѣтъ, нѣтъ...

Крузовъ. Да почему?

Анна Родіоновна. И безъ меня обойдетесь... *(Уходитъ)*.

Крузовъ. Если ваша мама откажется, я буду просить васъ.

Таня *(вспыхнувъ)*. Меня!.. Съ какой стати? Я вовсе не гожусь...

Крузовъ *(любуясь, смотритъ на нее)*. У васъ есть какое-то удивительное сходство съ мамой: что-то неуловимое во взглядѣ, въ поворотѣ головы, въ манерахъ. Я помню вашу маму почти дѣвочкой... вотъ какъ вы сейчасъ.

Таня *(отвернувшись)*. Я ужъ давно не дѣвочка.

Крузовъ. Знаю, знаю: докторская невѣста...

Таня *(краснѣя и хмурясь)*. Вы этого не можете знать... и зачѣмъ вы объ этомъ...?

Крузовъ. Ваша мама точно такъ-же сдвигаетъ брови, когда сердится. *(Другимъ тономъ.)* Ну, а теперь скажите мнѣ откровенно: за что вы меня такъ не взлюбили? *(Таня смущенно теребитъ рукавъ платья и смотритъ по сторонамъ.)* Я—старый другъ вашего семейства. Мы съ вашимъ папой смотримъ на вещи по разному, но это никогда не мѣшало мнѣ любить его и его семью, тянуться душой ко всѣмъ вамъ. Можетъ-быть, это потому, что у меня своей семьи нѣтъ... Я и вашего покойнаго братишку, Колю, любилъ... Какъ сейчас

помню этого милаго мальчугана съ задумчивыми не по лѣтамъ глазами. Такъ вотъ видите, молодой другъ мой: я одинъ, какъ перстъ, и отогрѣваюсь немножко сердцемъ только въ вашемъ семействѣ. Знаете пѣсню:

„Ахъ, скучно одинокому и деревцу рости“...

Таня. Вамъ не можетъ быть скучно. У васъ столько всякихъ дѣлъ и столько средствъ. Вы можете сдѣлать все что захотите.

Крузовъ. Что-же, напримѣръ, я могу сдѣлать?

Таня. Ну, напримѣръ... вы могли-бы столько людей выручить изъ бѣды, сдѣлать счастливыми.

Крузовъ. „Счастливыми“? Какимъ же образомъ я сдѣлаю это? Своими средствами? Но меня самого эти средства не дѣлаютъ счастливымъ. Значитъ, дѣло не въ средствахъ. Своими знаніями? Да, у меня знаній больше, чѣмъ, напримѣръ, у моихъ рабочихъ, но никакого счастія мнѣ мои знаніи не даютъ. Я даже склоненъ думать, что если корень ученія горекъ, то плоды его... кисленьки. Вы видите, что я самого себя не могу сдѣлать мало-мальски счастливымъ,—а вы говорите...

Таня. Что-же вамъ мѣшаетъ?

Крузовъ. Не знаю... можетъ-быть, одиночество; а можетъ-быть... Вотъ если-бы у меня была такая жена, какъ ваша мама, и такая дочурка, какъ вы,—я бы...

(Пѣніе прекращается. Шумъ голосовъ, крики: „браво, браво“; шумъ все усиливается, приближаясь).

Таня *(страшно смущенная, дѣлаетъ движеніе.)* Я... пойду туда...

Крузовъ. Да они, вѣроятно, сами сейчасъ сюда придутъ. Я съ вами разболтался о себѣ, а хотѣлъ-то поговорить о васъ.

Таня. Обо мнѣ?.. Что-же?

Крузовъ. Я съ грустью предвижу, что вы истратите свою молодость на черствую, однообразную лямку де-

ревенской жизни и никогда не узнаете, что такое настоящая, кипучая, брызжущая весельемъ жизнь. Въ погонѣ за дѣломъ, вы пройдете мимо нея, и только потомъ, когда будетъ уже поздно, поймете, что только въ этой бьющей фонтаномъ молодой жизни и заключается весь смыслъ нашего существованія.

Таня *(страшно смущенная и взволнованная.)* Почему это вы вдругъ? Я даже не понимаю, о чемъ вы говорите...

Крузовъ *(беретъ ея руки.)* Мнѣ такъ хотѣлось-бы увезти васъ туда, гдѣ жизнь переливается всѣми красками, гдѣ есть молодое веселье, страсть, красота, разнообразіе...

Таня *(освобождая свои руки.)* Пустите... сюда идутъ. *(Входятъ съ шумомъ и говоромъ: Дворянчиковъ, Домна Захаровна, Анна Родіоновна, Поскребинъ, Ребринскій, Лубковъ, Жустринъ, 1-ый, 2-ой, 3-ій и еще нѣсколько землевладѣльцевъ, другіе гости, дамы и барышни).*

3. Таня, Крузовъ, Дворянчиковъ, Домна Захаровна, Анна Родіоновна, Поскребинъ, Ребринскій, Лубковъ, Жустринъ, 1-ый, 2-ой, 3-ій и др. землевладѣльцы, дамы и барышни.

Дворянчиковъ *(окруженный дамами, которыя разспрашиваютъ его, оживленный, одѣтый щеголевато.)* Это—соединенный хоръ рабочихъ и учениковъ-подростковъ... Есть предаровитыя личности.

Крузовъ. Браво, Егоръ Тарасовичъ! *(Анна Родіоновна подходитъ къ столу и вынимаетъ изъ вазы цвѣтокъ).*

Дворянчиковъ *(польщенный.)* Нынче для меня, Андрей Павловичъ, приспѣ день свѣтлаго торжества: это именно такая школьца, о какой я мечталъ... А ужъ ребятенки-то какъ рады: и школьники и мои собственные. Честь вамъ и слава, Андрей Павловичъ!

Анна Родіоновна *(Дворянчикову.)* Я была сердита на васъ, но когда послушала вашъ хоръ—я все забыла.

У васъ положительно музыкальный талантъ, Егоръ Тарасовичъ, и мнѣ хочется почтить его хоть этимъ цвѣткомъ. *(Вдѣваетъ Дворянчикову въ петлицу вынутый изъ вазы цвѣтокъ. Домна Захаровна, безвкусно расфранченная, подозрительно смотритъ на эту сцену. Гости апплодируютъ.) (Анна Родіоновна садится въ качалку; Таня подходитъ къ ней. Крузовъ разговариваетъ съ гостями).*

Дворянчиковъ *(смущенный.)* Ахъ, весьма польщенъ... тронутъ-съ! Ежели вы, такая музыкантша и артистка въ душѣ, меня одобряете, то я... я...

Домна Захаровна *(подходитъ къ Аннѣ Родіоновнѣ.)* Это только цвѣточки, а ягодки впереди.

Анна Родіоновна. Что это значитъ?

Домна Захаровна. Ничего. Такъ... (*Отходитъ.*) (*Анна Родіоновна пожимаетъ плечами*).

4. Гаврила Ивановичъ, Флегонтовъ.

Гаврила Ивановичъ (*румяный отъ вина, во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, съ бутоньеркой въ петличкѣ, продолжая разговоръ съ Флегонтовымъ.*) Мы съ сыномъ тоже ничего не жалѣемъ для блага и просвѣщенія нашего народа...

Анна Родіновна *(громко)*. Мнѣ очень нравится это: „мы съ сыномъ"...

Флегонтовъ *(отирая лицо фуляровымъ платкомъ)*. Ну, разуважилъ ты насъ, Егоръ Тарасычъ. Инда слеза прошибла... Жертвую красненькую на твоихъ пѣвчихъ: взрослымъ на водку, мальчишкамъ на пряники. *(Вынимаетъ бумажку.)* Отдай-ка имъ, братецъ.

Гаврила Ивановичъ. Давай, я снесу... Я умѣю разговаривать съ народомъ. *(Беретъ деньги и выходитъ.)*

Флегонтовъ. Тамъ есть одинъ басина... у-у-у! Какъ онъ при освященіи школы „многая лѣта" Андрею Павловичу гаркнулъ: искры изъ глазъ посыпались! *(За*

сценой хоръ кричитъ: „ура!“*)* Вонъ онъ, вонъ онъ, басина-то! Слышите? Вотъ такъ пасть! И какъ это въ человѣческомъ естествѣ можетъ быть такая глотка?

Гаврила Ивановичъ *(входитъ торопливо)*. Они въ восторгѣ... Качать меня собирались. Андрей Павловичъ, вашъ директоръ Карлъ Ивановичъ и ваши служащіе идутъ васъ привѣтствовать...

5. Карлъ Ивановичъ и группа служащихъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ и дѣвицъ. *(У Карла Ивановича и у нѣкоторыхъ изъ компаніи, слѣдующей за нимъ, въ рукахъ бокалы съ виномъ.)*

Карлъ Ивановичъ. Глубоко почитаемый и дорогой Андрей Павловичъ! Я и ваши служащіе хотимъ выражать вамъ наши сердечные привѣты по случаю торжественнаго открыванія новой школы и попечительнаго совѣта. Глубоко уважаемый Андрей Павловичъ! Вашей высокополезной дѣятельностью вы, такъ сказать, наполнили весь нашъ уѣздъ благоустроенностью. Вы осушали болота, вырубали лѣса, построили четыре мостовъ, провели во всей здѣшней окружности образцовые пути сообщенія... Тамъ, гдѣ прежде могли бѣгать одни зайчики, теперь можно ѣхать въ коляскѣ съ дамами, даже во время осенней ужасной распутницы. *(Слышится сдержанный смѣхъ и осторожныя*: „тс! тш!..“*)* Вашъ заводъ даетъ заработокъ сотнямъ и тысячамъ здѣшнихъ поселянъ, о которыхъ вы заботитесь, какъ родной папаша. Для взрослыхъ дѣтей вы выстроили вторую, нынѣ освященную великолѣпнѣйшую школу, равной которой нѣтъ не только въ уѣздѣ, но и во всей губерніи; для маленькихъ дѣтенышей вы устроили ясли. И русскій богомольный народъ нынѣ набожно молился о вашемъ драгоцѣнномъ здравіи и со слезами клалъ земляные поклоны *(Кто-то фыркаетъ отъ смѣха; слы-*

шится: „тс!“) и кричалъ вамъ „виватъ!“ И мы всѣ, славные тѣмъ, что служимъ подъ вашей протекціей, еще разъ почитаемъ васъ своимъ низкопоклонствомъ *(Низко кланяется. Слышится фырканье и* „тс, тс“!) и говоримъ: разъ „виватъ!“ два „виватъ!“ три „виватъ!“ и всѣ изъ одной груди возглашаемъ вамъ наше русское „ура!“.. *(Голоса:* „урра!!“)

Крузовъ *(жметъ Карлу Ивановичу руку).* Спасибо, Карлъ Ивановичъ. Вы значительно усовершенствовались въ русскомъ языкѣ... Ну, господа, налейте себѣ вина и чокнемтесь. *(Кое-кто наливаетъ себѣ вина.)* Всѣ, всѣ! Карлъ Ивановичъ, заставьте всѣхъ налить! *(Гаврила Ивановичъ хлопочетъ, наливая гостямъ вино и любезничая съ дамами. Служащіе, которымъ Карлъ Ивановичъ наливаетъ вина, почтительно раскланиваются передъ директоромъ; другіе раболѣпно прислуживаютъ ему.)*

Крузовъ *(несмотря на протестъ Анны Родіоновны, наливаетъ ей вина).*

Карлъ Ивановичъ *(Танѣ, которая отказывается).* Нѣтъ, мадемуазель, нѣтъ! Вы должны... Сегодня такой день. *(Заставляетъ ее взять бокалъ съ виномъ).*

Крузовъ *(Жустрину, который въ страхѣ машетъ руками).* Какая тамъ неврастенія! И слушать не хочу. Извольте пить. *(Даетъ ему бокалъ. Лубкову.)* А вы?

Лубковъ. Я принадлежу къ согласію графа...

Крузовъ. Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ. *(Подаетъ ему бокалъ. Лудковъ, пожимая плечами, беретъ.)* Господа, позвольте мнѣ выпить за успѣхъ новаго попечительства, за совмѣстную дѣятельность правленія завода съ господами землевладѣльцами. *(Обращается къ группѣ землевладѣльцевъ.)* Отъ души радъ, господа, что первые шаги нашей совмѣстной дѣятельности ознаменовались сегодня полнымъ единомысліемъ. *(Ко всѣмъ.)* Пью за здоровье г.г. землевладѣльцевъ, присутствующихъ у меня сейчасъ, а равно и за здо-

ровье тѣхъ, отсутствующихъ, которые почтили сегодня своимъ участіемъ освященіе моей школы и открытіе новаго попечительства. *(Одобрительный шумъ и голоса:* „Спасибо, Андрей Павловичъ! — Очень рады!—Ваше здоровье, Андрей Павловичъ!—За нашу совмѣстную дѣятельность!") Наконецъ, господа, я предлагаю выпить за здоровье попечительницы нашей новой школы, Анны Родіоновны...

Анна Родіоновна. Полноте! Что вы! Я вовсе не...

Крузовъ *(не слушая)*... которая такъ много, съ такимъ усердіемъ и любовью поработала въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. *(Одобрительный шумъ и голоса:* „Здоровье Анны Родіоновны! За здоровье попечительницы!—Браво, браво!—Ваше здоровье, Анна Родіоновна!") *(Одинъ изъ служащихъ:* „За здоровье Карла Иваныча!")

Карлъ Ивановичъ *(оборачиваясь на него).* Тс! *(Всѣ обступаютъ Анну Родіоновну, чокаются съ ней. Карлъ Ивановичъ и служащіе, чокаясь съ ней, говорятъ:* „Къ намъ! къ намъ!—Очень рады!—Поработайте у насъ!" *Анна Родіоновна протестуетъ жестами, хочетъ говорить, но ей не даютъ. Лубковъ передаетъ подъ сурдинку свой бокалъ одному изъ г.г. служащихъ; тотъ, оглянувшись по сторонамъ, залпомъ выпиваетъ его.)*

Дворянчиковъ *(подходитъ къ Танѣ съ бокаломъ и хочетъ чокнуться).*

Таня. Нѣтъ, я съ вами не хочу чокаться. *(Отворачивается отъ него; Дворянчиковъ говоритъ ей что-то, очевидно оправдываясь передъ ней. Домна Захаровна отводитъ мужа отъ Тани. Крузовъ, желая вытереть съ сюртука вино, вынимаетъ носовой платокъ, но роняетъ его; нѣсколько служащихъ бросаются поднимать его; одинъ поднимаетъ и подаетъ Крузову; другой осторожно вытираетъ своимъ платкомъ вино съ сюртука Крузова.)*

Крузовъ. Теперь, господа, чтобы достаточнымъ образомъ ознаменовать сегодняшній достопамятный день,

попросимъ Анну Родіоновну доставить намъ высокое наслажденіе своей артистической игрой на рояли. *(Шумные голоса и аплодисменты:* „просимъ, просимъ!")

Анна Родіоновна. Я не могу. Я отстала отъ музыки...

Крузовъ. Анна Родіоновна—удивительная музыкантша.

Карлъ Ивановичъ *(Аннѣ Родіоновнѣ).* Просимъ, на колѣняхъ просимъ!

Гаврила Ивановичъ *(Аннѣ Родіоновнѣ).* У Андрея Павловича концертный рояль. *(Всѣ обступаютъ Анну Родіоновну, кричатъ:* „просимъ, просимъ!"—*и увлекаютъ ее къ выходу, несмотря на ея протесты.)*

Домна Захаровна *(проводивъ компанію до дверей, возвращается къ столу, вынимаетъ носовой платокъ и укладываетъ въ него фрукты и сласти).*

6. Домна Захаровна, Флегонтовъ, Гаврила Ивановичъ.

Флегонтовъ и Гаврила Ивановичъ *(проводивъ компанію за дверь, возвращаются).*

Гаврила Ивановичъ. Ну, пока они тамъ, а мы здѣсь... *(Идутъ къ столу.)*

Флегонтовъ *(увидавъ Домну Захаровну съ узелкомъ).* Одначе вы того... порядочно чемоданъ набили.

Домна Захаровна. Для ребятъ для своихъ. У меня вѣдь ихъ шестеро, а у всѣхъ рты. Гдѣ мужъ-то? По домамъ пора... *(Уходитъ.)*

Флегонтовъ. То пили начерно, а теперь давай пить набѣло. *(Наливаетъ и пьетъ.)* Ты говоришь: попечительство хочетъ закупить муку у Кувшинова? Это не посусѣдски. Отчего-же не у меня?

Гаврила Ивановичъ *(пьетъ).* У тебя, братъ, мука негодная. Не мука, а мýка.

Флегонтовъ. Какъ такъ негодная? Мука—средственная. Понятно, не первый сортъ. Для мужичка очень даже годится: мужичекъ во славу Божію все съѣстъ.

Гаврила Ивановичъ. У Кувшинова мука лучше.

Флегонтовъ. Да вѣдь зато я цѣну сбавилъ.

Гаврила Ивановичъ. И онъ сбавилъ.

Флегонтовъ. А ты толкомъ говори. Можешь ты обтяпать для меня это дѣльце... по-сусѣдски?

Гаврила Ивановичъ. Я-то могу... Я все это—въ 24 часа. Я имѣю большое вліяніе на Андрея Павловича. Могу также и на сына повліять: знаешь, чай, земство тоже закупаетъ муку, а Глѣбъ хорошъ съ предсѣдателемъ...

Флегонтовъ. Ну, и орудуй.

Гаврила Ивановичъ. Давай 500 рублей на попечительство.

Флегонтовъ. Ужъ и 500?

Гаврила Ивановичъ. Не менѣе.

Флегонтовъ. На попечительство, говоришь?

Гаврила Ивановичъ. На попечительство, говорю. Выпьемъ! *(Чокается).*

Флегонтовъ. Хитрый ты старикъ! *(Пьетъ).*

7. Дворянчиковъ.

Гаврила Ивановичъ. А, педагогическій персоналъ! На фуражировку вышли? Пейте скорѣй, пока жены нѣтъ. *(Дворянчиковъ наливаетъ и пьетъ).*

Флегонтовъ *(закусываетъ и, дирижируя, напѣваетъ.)* „Лейся быстрою волной“...

Гаврила Ивановичъ *(закусываетъ.)* Мнѣ что-то опять ѣсть захотѣлось. Удивительное дѣло: сегодня цѣлый день ѣли тутъ, — и все-таки... Ужъ очень хороша закуска была, — не правда-ли? Самъ предводитель облизывался, а онъ ужъ извѣстный ґурманъ... Икра, омары—прямо на рѣдкость. Я, знаете, тоже люблю поѣсть. Я, когда бываю въ городѣ, зайду въ ресторанъ,— мнѣ хочется съѣсть и того, и другого, и третьяго...

мнѣ хочется все съѣсть! Плачешь, а ѣшь! Знаешь, что вредно, губительно, а ѣшь. Единственное удовольствіе въ жизни. Я умѣю ѣсть, но зато умѣю и дѣло дѣлать. *(За сценой Анна Родіоновна играетъ на рояли).*

Флегонтовъ. Хорошо подъ эту музыку коньячку выпить. *(Напѣваетъ)*: „Днѣпръ широ-окій"... *(Хмѣлѣя и икая.)* Егоръ Тарантасычъ, спой мнѣ „многая лѣта".

Дворянчиковъ. Во-первыхъ, я для васъ не „Тарантасычъ", а во-вторыхъ...

Флегонтовъ *(съ удивленіемъ.)* Что это? Вотъ ужъ изъ палки-то выстрѣлило!

Дворянчиковъ. Научитесь сначала уважать свободную личность человѣка.

Флегонтовъ. Ну, ну, не шуми. Я вѣдь за такія слова и осадить могу... Какая „свободная личность"! Такихъ-то, какъ ты, продаютъ пучокъ за пятачекъ. Поступилъ на заводъ и заважничалъ? Генеральской курицы племянникъ. Нѣтъ, ты прежде научись уважать настоящихъ, солидныхъ людей.

Гаврила Ивановичъ. Ну, полно тебѣ, тяжелая артиллерія.

Дворянчиковъ. Не уважать васъ надо, а обличать!

Флегонтовъ. Что-о? Ахъ ты... Да хочешь, я тебя сейчасъ однимъ словомъ изобличу? Подай мнѣ сорокъ цѣлковыхъ, которыя ты у меня выклянчилъ, какъ шпанскій нищій какой...

Гаврила Ивановичъ *(старается урезонить его).*

Дворянчиковъ. Отдамъ, отдамъ, не бойся! Съ процентами отдамъ.

Флегонтовъ. Не нужно мнѣ твоихъ процентовъ... Ишь ты, какъ раскозырялся! За мой-же грошъ, да я-же нехорошъ? „Обличать"... Смотри, какъ-бы тебя изъ школы за эти слова не попросили того... *(Дѣлаетъ жестъ.)* Фридрихъ хераусъ?.. „Свободная личность"! *(Въ негодованіи наливаетъ и пьетъ).*

Гаврила Ивановичъ. Егоръ Тарасовичъ, драчливый пѣтухъ жиренъ не бываетъ...

Дворянчиковъ. Нынче для меня праздникъ: освященіе новой школы. Я ликовалъ, торжествуя, какъ участникъ событія,—а онъ...

Гаврила Ивановичъ. Да бросьте вы это! Все равно, всѣ помремъ, и всѣ будемъ приведены къ одному знаменателю. (*Анна Родіоновна перестаетъ играть. Слышатся шумныя одобренія, апплодисменты. Черезъ нѣсколько минутъ она играетъ другую вещь.*) Смертные, не будемъ роптать на судьбу: будемъ пить безропотно! (*Наливаетъ*).

8. Домна Захаровна.

Домна Захаровна. Ну, ужъ спаивать мужа я не позволю!

Гаврила Ивановичъ. Домна Захаровна, зачѣмъ вы безпокоите честныхъ и пьяныхъ людей?

Домна Захаровна (*подходитъ къ мужу.*) Ну-ка, дыхни! (*Флегонтовъ фыркаетъ*).

Дворянчиковъ. Да что ты, Домаша!

Домна Захаровна. Дыхни, говорятъ!

Дворянчиковъ (*дышетъ*). Ну... Странный ты персонажъ.

Флегонтовъ. Что? На цугундеръ? Вотъ-те и „свободная личность“! (*Давясь отъ смѣха, выходитъ*).

Домна Захаровна. Смотри у меня... Вонъ и манишку закапалъ. Что-же тебѣ надо, какъ маленькому дитѣ, слюнявку надѣвать, что-ли? Неряха! Пойдемъ-ка отъ грѣха домой!

Гаврила Ивановичъ. Ну, куда вамъ торопиться?

Домна Захаровна. У насъ дома неразбериха. Только что перебрались на новоселье. Да и ребятъ младшихъ надо отъ дьяконицы взять.

Дворянчиковъ. Такъ ты, Домаша, иди пока что, а я тутъ...

Домна Захаровна. Да ты, знать, ополоумѣлъ, Егоръ! Я третій день съ этой переборкой изъ испарины не выхожу, а онъ... Лѣшакъ! право, лѣшакъ!

Дворянчиковъ. Да хорошо, — иду, иду. А ты-бы выражалась поаккуратнѣе.

Домна Захаровна. Что мнѣ выражаться? Я не барыня! (*Входитъ Черемисовъ.*) Собирайся, собирайся домой... Не все задрамши хвостъ бѣгать! (*Поворачивается къ Черемисову спиной и выходитъ*).

9. Дворянчиковъ, Гаврила Ивановичъ, Черемисовъ.

Дворянчиковъ (*въ крайнемъ замѣшательствѣ, съ виноватымъ видомъ подходитъ къ Черемисову и здоровается съ нимъ*). Здравствуйте, Глѣбъ Гавриловичъ — и до свиданья-съ! Жена ждетъ. Вѣдь я нынѣ съ этой перевозкой покинулъ ее, какъ Марія на развалинахъ Кареагена... Хе-хе!.. Вы не гнѣвайтесь на нее: она ничего... добрая... вотъ только обхожденіе у нея... Хе-хе... До пріятнѣйшаго-съ! (*Уходитъ со смущеннымъ видомъ, ероша волосы*).

Черемисовъ. И это—человѣкъ, съ которымъ я столько лѣтъ работалъ вмѣстѣ, которому всячески помогалъ...

Гаврила Ивановичъ. Плюнь. Вѣдь ты знаешь: у него Домна идетъ въ корнѣ, а онъ на пристяжкѣ трюхаетъ...

Черемисовъ. Помните, какъ мы съ этой Домной няньчились? А теперь она мнѣ показываетъ спину.

Гаврила Ивановичъ. Ты думалъ, изъ нея выйдетъ женщина, а изъ нея вышла корова. Я всегда говорилъ это.

Черемисовъ. Никогда вы этого не говорили. Просто, всѣ мы были слѣпы...

Гаврила Ивановичъ. Въ концѣ-концовъ, на все надо смотрѣть съ философской точки зрѣнія... Вотъ выпейка лучше! Ты за женой? (*Наливаетъ вина сыну и себѣ*).

Черемисовъ. Да, я никакъ не предполагалъ, что она и Таня засидятся здѣсь до вечера. (*Оглядываетъ комнату.*) Недурно живутъ господа заводчики. Я сейчасъ проходилъ, видѣлъ: всѣ стѣны увѣшаны картинами— да какими еще: все оригиналы. (*Глядитъ на отца.*) Что это вы, папаша, сегодня какимъ-то шаферомъ?

Гаврила Ивановичъ. Да вѣдь моментъ-то торжественный...

Черемисовъ. Или метръ-д-отелемъ, что-ли?.. (*Прислушивается къ музыкѣ.*) Это жена играетъ?

Гаврила Ивановичъ. Она, она... Тутъ тысячный рояль. (*Подаетъ сыну вина, тотъ отмахивается.*)

Черемисовъ (*съ невольной грустью*). Давно я не слыхалъ ея музыки... Да, вотъ у меня нѣтъ тысячнаго рояля... (*Слушая музыку, задумывается.*)

Гаврила Ивановичъ. Ты пріѣхалъ кстати: я могу сообщить тебѣ пріятный сюрпризъ.

Черемисовъ (*продолжая прислушиваться къ музыкѣ*). Я вотъ слушаю музыку и думаю: а вѣдь много привлекательнаго есть въ этой красивой, поэтической жизни?.. Поэзія, музыка... Эхъ, одичалъ я!

Гаврила Ивановичъ. Мнѣ Флегонтовъ сегодня спьяну проболтался...

Черемисовъ (*слушая музыку, а не отца*). Флегонтовъ?.. Люблю я ея музыку. Она душу вкладываетъ въ звуки. Душа у нея плачетъ. Вѣдь много у нея души... не правда ли? Большая у нея душа... да... Глубокая!

Гаврила Ивановичъ. Теперь тебѣ нечего бояться Флегонтова: Андрей Павловичъ купилъ у него твой вексель.

Черемисовъ (*не разобравъ хорошенько, но вздрогнувъ*). Что? Что вы сказали?.. Вексель?

Гаврила Ивановичъ. Ну да... Флегонтовъ продалъ Андрею Павловичу. Теперь твой вексель въ хорошихъ рукахъ.

Андрей Павловичъ по пріятельски не будетъ прижимать тебя... Тутъ, можетъ быть, и моя дипломатія помогла...

Черемисовъ *(вскакивая въ гнѣвѣ)*. Какъ? не предупредивъ меня, продать вексель? Это безчестно? Флегонтовъ—низкая душенка!

Гаврила Ивановичъ. Да, сплутовалъ Патрикѣй: бычка за отсрочку взялъ, а самъ сейчасъ же запродалъ вексель. Ну, да постой! Я еще накажу его за бычка. Вотъ увидишь.

Черемисовъ. Къ чорту бычка: не въ немъ дѣло! Я занималъ у Флегонтова, а не у Крузова,—а теперь выходитъ, что я попалъ въ лапы къ заводчику?.. Да правду ли вы говорите? Можетъ быть, Флегонтовъ сочинилъ? Гдѣ онъ,—здѣсь? *(Дѣлаетъ движенье. Входитъ Крузовъ.)*

Гаврила Ивановичъ. Постой,—сюда идетъ Андрей Павловичъ.

10. Черемисовъ, Крузовъ.

Крузовъ. Егоръ Тарасовичъ сказалъ мнѣ, что ты здѣсь. *(Пожимая ему руку.)* Очень радъ тебя видѣть. Ты у меня—дорогой гость.

Гаврила Ивановичъ *(сыну многозначительно)*. Флегонтова предоставь мнѣ. *(Выходитъ.)*

Черемисовъ *(сурово)*. Я за женой заѣхалъ.

Крузовъ. У тебя такой сердитый видъ... За попечительство на меня сердишься? Такъ ты самъ долженъ былъ понять, что съ такими дѣятелями, какіе собрались тогда у тебя, далеко не уѣдешь: они могутъ быть только на побѣгушкахъ.

Черемисовъ. Ну, это ты оставь: въ этомъ намъ не столковаться. Я хотѣлъ съ тобой о другомъ...

Крузовъ. Извини меня, Глѣбъ, но тутъ въ тебѣ говоритъ просто упрямство: чисто мужицкое упрямство.

Черемисовъ. Если во мнѣ говоритъ упрямство, то въ тебѣ говоритъ беззастѣнчивая самоувѣренность золотого мѣшка, который звенитъ деньгами и заглушаетъ этимъ звономъ всѣ другіе звуки. Хлопнулъ мѣшкомъ— и убилъ въ зародышѣ доброе дѣло! „Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!"

Крузовъ. Я поставилъ организацію помощи на прочное основаніе—и меня же винятъ въ томъ, что я убилъ доброе дѣло.

Черемисовъ. Да, ты вынулъ изъ него душу живую! Я хотѣлъ, чтобы люди приняли хоть мало-мальски къ сердцу участь своихъ сосѣдей-крестьянъ, вошли хоть немного въ ихъ нужды,—а у тебя все сведется на цѣлковый.

Крузовъ. Удивляетъ меня твоя нетерпимость. Мы оба съ тобой дѣлаемъ, что можемъ, для окрестнаго населенія, только каждый на свой ладъ. Почему-же мы не можемъ дѣйствовать вмѣстѣ?

Черемисовъ. Почему? Да просто потому, что я въ самомъ дѣлѣ жалѣю тѣхъ, о комъ хлопочу, я не на словахъ только вижу въ нихъ людей; а ты смотришь въ глубинѣ души на нихъ, какъ на грубый, безсмысленный скотъ, и презираешь ихъ.

Крузовъ *(съ кривой усмѣшкой)*. Презираю? Гм... А если бы и такъ,—что же изъ того, если я даю имъ...

Черемисовъ. Что?

Крузовъ. Школы, больницы, ясли—все то, о чемъ и ты хлопочешь. Но прежде всего—заработокъ. Куда дѣвались бы они безъ меня?

Черемисовъ. А куда уходитъ ихъ заработокъ? Они въ городѣ или здѣсь же на заводѣ все проѣдаютъ, пропиваютъ, проматываютъ на дурацкое щегольство, на картежную игру... Но еще хуже: куда теперь уходитъ ихъ душа, на что размѣнивается ихъ человѣческій обликъ?

Крузовъ. Это ужъ ихъ добрая воля. Они не маленькіе. Я даю имъ все, что могу. Мой заводъ имѣетъ право гордиться своимъ благоустройствомъ.

Черемисовъ. А я тебѣ въ сотый разъ скажу: если ты ни въ грошъ не ставишь тѣхъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло, если ты не видишь ни въ комъ изъ нихъ человѣческой души и не отдаешь имъ хоть крупицу своей собственной, — изъ всей твоей дѣятельности не выйдетъ ничего, кромѣ зла и вреда для нихъ... да, пожалуй, и для тебя самого. *(Слышится заводскій свистокъ.)* Съ тѣхъ поръ, какъ заголосилъ здѣсь твой заводскій свистокъ, народъ день ото дня сталъ портиться, забросилъ землю, семью, искалѣчилъ себя физически и нравственно...

Крузовъ *(нахмурившись, нетерпѣливо)*. Ну, довольно объ этомъ. „Душа, душа"... Весь этотъ ребяческій лепетъ я уже слышалъ не одинъ разъ... Ты хотѣлъ со мной еще о чемъ-то?

Черемисовъ *(проводитъ рукой по лбу, стараясь вспомнить)*. Да, да... О чемъ я хотѣлъ? *(Вдругъ вспомнивъ, внутренно коробится.)* Вотъ о чемъ. Ты, какъ чудовищный паукъ, на весь уѣздъ накинулъ свою паутину...

Крузовъ *(еще больше хмурясь)*. Сколько разъ ты мнѣ будешь повторять это?

Черемисовъ. Ты и меня, наконецъ, опуталъ.

Крузовъ. Тебя?

Черемисовъ. Да. Ты отлично понимаешь... Зачѣмъ тебѣ понадобился мой вексель?

Крузовъ. А, ты о векселѣ?

Черемисовъ. Не о барышахъ же ты заботился при этомъ. Тебѣ просто хочется схватить меня за горло и держать? Да?

Крузовъ. Вотъ мило! Я же его вызволилъ по дружески отъ кулака...

Черемисовъ. Чтобы зажать въ свой собственный ку-

лакъ? Ха, ха! Нѣтъ, лучше не говори мнѣ про свои дружескія чувства.

Крузовъ *(сквозь зубы)*. Если такъ... Ну, пусть будетъ по твоему. Не станемъ говорить о чувствахъ. Я не намѣренъ навязываться съ ними. Мнѣ казалось, что наши прежнія отношенія...

Черемисовъ *(скрестивъ руки)*. Что ты намѣренъ дѣлать съ векселемъ?

Крузовъ. Что вздумается.

Черемисовъ. Однако?

Крузовъ. Это мое дѣло.

Черемисовъ Я скорѣй чорту душу продамъ, чѣмъ позволю тебѣ ломаться надъ мной!

Крузовъ (*саркастически*). Что „душу?"! Души твоей ни одному чорту не нужно! А вотъ, когда тебѣ придется проститься съ имѣніемъ,—что ты тогда запоешь? Гдѣ будешь прилагать свое народолюбіе, которымъ ты такъ хвастаешься передо мной?

Черемисовъ. Имѣя въ карманѣ вексель, можно безнаказанно глумиться надъ человѣкомъ...

Крузовъ (*глубоко оскорбленный, старается скрыть это подъ саркастическимъ смѣхомъ*). Сознайся, другъ любезный, что твои излюбленныя идеи и гуманныя чувства и все то, что ты громко называешь „дѣломъ своей жизни"—потерпѣли банкротство? Твои народники, въ родѣ Дворянчикова, разбѣгаются отъ тебя; твоя жена...

Черемисовъ (*запальчиво*). Что моя жена? Или ты и ее опуталъ?

Крузовъ. Опуталъ-то ее не я, а ты еще въ то время, когда она, по своей наивности, вѣрила въ твои возвышенныя бредни.

Черемисовъ. По какому праву ты осмѣливаешься гогорить мнѣ это? (*Анна Родіоновна перестаетъ играть. Слышится шумъ голосовъ и апплодисменты*).

Крузовъ. Не я, а ты—паукъ, высасывающій изъ своихъ близкихъ живыя силы во имя призрака, который ты называешь громко „дѣломъ твоей жизни"...

Черемисовъ. Андрей Павловичъ, ты лжешь на меня и на моихъ близкихъ!

Крузовъ. Дорого приходится расплачиваться твоей семьѣ за твой упрямый и смѣшной фанатизмъ! (*Анна Родіоновна торопливо входитъ, запыхавшись, возбужденная музыкой и апплодисментами, съ блестящими глазами и букетомъ цвѣтовъ*).

11. Анна Родіоновна.

Анна Родіоновна. Глѣбъ, ты за мной пріѣхалъ? Ну, я сейчасъ не поѣду... мнѣ хочется играть, играть... Смотри, какой букетъ мнѣ поднесъ Карлъ Ивановичъ... Здѣсь дивный рояль! Господи, какъ я давно не играла! (*Мужу*). Искусство, музыка—вотъ въ чемъ жизнь! (*нюхаетъ цвѣты*). Что за прелестные цвѣты! (*Крузову*). Это изъ оранжерей! (*Мужу*). Я точно была въ литаргіи и вдругъ проснулась... И хочу жить за десятерыхъ. Что это господа, какіе вы оба? Или опять поссорились? Когда я играю или слышу музыку, мнѣ кажется непонятнымъ: какъ это люди могутъ принимать близко къ сердцу что-нибудь, кромѣ искусства? Стоитъ-ли хлопотать, спорить, раздражаться, куда-то спѣшить, чего-то достигать?.. Зачѣмъ все это, когда есть на свѣтѣ музыка?

Черемисовъ. Анна, такъ ты не хочешь ѣхать домой?

Анна Родіоновна. (*вся поглощенная своимъ возбужденіемъ, разсѣянно*). Домой? Зачѣмъ домой?

Черемисовъ. Какъ зачѣмъ?

Анна Родіоновна. А какой хоръ тутъ былъ! (*Крузову*). Не можетъ-ли вашъ хоръ еще что-нибудь спѣть? Какую-нибудь русскую пѣсню?

Крузовъ (*съ полу-поклономъ*). Если прикажете...

Черемисовъ *(смотря съ недоумѣніемъ на жену и волнуясь)*. Анна, мнѣ хотѣлось-бы поговорить съ тобой... Серьезное дѣло есть.

Анна Родіоновна. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! я теперь не въ состояніи говорить ни о какихъ дѣлахъ. Мнѣ надо только звуковъ, звуковъ... Все дѣловое кажется мнѣ сейчасъ такимъ скучнымъ, ничтожнымъ. Ты знаешь, Андрей Павловичъ хочетъ устроить у себя концертъ въ пользу попечительства. Я буду играть карнавалъ Шумана,—только надо серьезно подготовиться.

Черемисовъ. Да, вотъ ты какъ... А у предводительши не хотѣла играть?

Анна Родіоновна. Ахъ, мнѣ теперь все равно, у кого ни играть, въ чью пользу ни играть, лишь-бы инструментъ былъ хорошій. Если хочешь, я и у предводительши сыграю. (*Слышатся звуки оркестра*). Это что такое? Оркестръ?

Крузовъ.. Да, оркестръ изъ рабочихъ. Должно-быть, Карлъ Ивановичъ устраиваетъ танцы... Пойду, скажу, чтобы оркестръ подождалъ; пусть хоръ споетъ еще что-нибудь. (*Уходитъ, крича за сценой*): „Карлъ Ивановичъ! Карлъ Ивановичъ!"

Анна Родіоновна (*прислушиваясь*). Что это они играютъ? (*Напѣваетъ*).

Черемисовъ. Прощай, Анна. Я вижу, тебѣ теперь ни до кого на свѣтѣ... А гдѣ Таня?

Анна Родіоновна. Оставь ее: пусть повеселится. Она со мной пріѣдетъ. (*Напѣваетъ*).

Черемисовъ. Если хочетъ, пусть остается. (*Идетъ*).

Анна Родіоновна. Ты не сердись на меня, Глѣбъ; я сейчасъ положительно въ состояніи невмѣняемости...

12. Таня *(вбѣгаетъ и бросается къ отцу. Оркестръ перестаетъ играть)*.

Таня. Папа, уѣдемъ отсюда,—уѣдемъ скорѣй!

Черемисовъ *(цѣлуя дочь)*. Да что ты, Танюшка? Тебѣ скучно стало?

Таня. Нѣтъ, мнѣ не скучно... Я не знаю, что со мной... мнѣ страшно... У меня душа разрывается... Уѣдемъ скорѣй!

Черемисовъ. Ну, и отлично: покатимъ вмѣстѣ и будемъ разговаривать дорогой. Ты мнѣ все это разскажешь... Идемъ! *(Обнимаетъ Таню за талію и ведетъ ее)*. Докторъ уже два раза навѣдывался о тебѣ...

Анна Родіоновна. Таня! *(Таня останавливается)*. Ты не хочешь проститься со мной?

Таня. Ахъ да... *(подходитъ къ матери, разсѣянно цѣлуетъ ее и уходитъ съ отцомъ)*.

Анна Родіоновна *(смотритъ дочери и мужу вслѣдъ, и ея оживленіе смѣняется какой-то гнетущей мыслью)*.

13. Крузовъ.

Крузовъ. Хоръ, получивъ отъ Флегонтова на чай, разбѣжался, и его не скоро теперь соберешь... *(взглядываетъ на Анну Родіоновну)*. Что это вы? Совсѣмъ другое лицо: сейчасъ только было праздничное, а теперь...

Анна Родіоновна. Болитъ сердце.

Крузовъ. Сердце?

Анна Родіоновна *(наполовину сама съ собой)*. Болитъ за нихъ. Я бы теперь сыграла что-нибудь грустное... Или нѣтъ,—лучше не надо... Дайте мнѣ вина *(Крузовъ наливаетъ вина и подаетъ ей)*. Мнѣ не хочется ѣхать домой: тамъ со всѣхъ сторонъ смотритъ на меня унылая обыденщина. Тамъ мнѣ холодно, грустно, и музыки нѣтъ. Право, я какой-то выродокъ... Живешь цѣлые годы съ близкими людьми—и вдругъ начинаешь чувствовать, что ничего тебѣ не надо: ни семьи, ни... ходишь, точно во снѣ или точно что по-

теряла... Жалко мнѣ ихъ... Я не знаю, что съ собой дѣлать.

Крузовъ. А я знаю *(кладетъ передъ ней бумагу и карандашъ).* Пишите сейчасъ мужу...

Анна Родіоновна *(машинально беретъ карандашъ).* Мужу?

Крузовъ. Пишите... что вы остаетесь здѣсь *(Анна Родіоновна отшатывается).* Остаетесь потому, что вамъ дома нечего дѣлать. Пишите, что вы наконецъ ясно поняли истину...

Анна Родіоновна *(тихо).* Какую истину?

Крузовъ. Ту, что вы созданы не для деревни, не для лямки будничной жизни, а для искусства, для музыки, для красоты. Глѣбъ не видитъ и не понимаетъ этого; онъ весь поглощенъ своей деревней. Онъ многаго въ жизни не замѣчаетъ потому, что живетъ съ шторами на глазахъ. Что? Или боитесь написать правду?

Анна Родіоновна. Я не знаю, въ чемъ правда, гдѣ она... Я перестала себя понимать!

Крузовъ. Нѣтъ, вы отлично видите истину и трусливо отмахиваетесь отъ нея. Вамъ чуждо все то, чѣмъ живетъ Глѣбъ, но вы старательно поддѣлываете себя подъ его образецъ и обманываете вашихъ близкихъ этой поддѣлкой. Вы поддѣльная жена, поддѣльная мать, поддѣльная хозяйка... Одно въ васъ есть неподдѣльное: это то, что вы артистка, артистка съ ногъ до головы, въ душѣ, въ мысляхъ, во вкусахъ, во всемъ существѣ. И это-то единственно неподдѣльное вы малодушно прячете ото всѣхъ, даже отъ себя самой, и разыгрываете несвойственныя вамъ роли жены, матери... Имѣете-ли вы право жить съ человѣкомъ и числиться его подругой, когда душа ваша не съ нимъ, а совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ? Надо мало уважать себя и своего мужа, чтобы продолжать эту поддѣльную жизнь, эту жалкую мистификацію и только „числиться"...

Анна Родіоновна *(блѣдная, перемучившись отъ словъ Крузова, старается улыбнуться)*. Вы точно кипяткомъ брызжете на меня... Вѣдь это больно... Это очень жжется... *(выпиваетъ залпомъ остатки вина)*. Что-же я должна, по вашему?

Крузовъ. Я вамъ сейчасъ скажу... Хотите еще вина?

Анна Родіоновна. Не нужно... или нѣтъ, дайте... Все равно.

Крузовъ *(наливаетъ ей вина)*. Мы съ вами уѣдемъ за границу. Я устрою вамъ жизнь, къ которой вы всегда органически тянулись: жизнь, посвященную цѣликомъ искусству.

Анна Родіоновна. Постойте... о чемъ мы съ вами говоримъ? Моя жизнь прожита... У меня взрослая дочь.

Крузовъ. Да, конечно, мы съ вами не молодые влюбленные, а помятые жизнью старые друзья.

Анна Родіоновна. Да, помятые жизнью.

Крузовъ. А для такихъ-то именно людей всего ужаснѣе одиночество. Мнѣ нужна ваша душа... ваша тонкая, нѣжная женская душа, безъ которой я всю жизнь чувствовалъ себя одинокимъ, хотя у меня и не было недостатка въ пріятеляхъ и пріятельницахъ. Я люблю въ васъ прежде всего артистку, которой вы всегда были и будете, люблю вашу чуткость ко всякой красотѣ, ваше отвращеніе къ обыденщинѣ. Мнѣ нужна ваша артистическая душа—понимаете? А вамъ нуженъ міръ красоты, впечатлѣнія искусства, художественныя наслажденія. Послушайте, вѣдь надо устраивать жизнь такъ, чтобы всякій получалъ то, что ему прежде всего нужно. Или я ошибаюсь?

Анна Родіоновна. Нѣтъ, вы не ошибаетесь.

Крузовъ. Ну, вотъ я и вашему мужу дамъ то, что ему нужно...

Анна Родіоновна *(съ изумленіемъ)*. Глѣбу? Вы?

Крузовъ. Да... Онъ такъ щедро благодѣтельствовалъ деревнѣ, что у него выросъ долгъ выше головы. Флегонтовъ каждый день могъ явиться къ нему съ векселемъ и сказать: „уходи-ка, братъ, на всѣ четыре стороны, потому что здѣсь все—усадьба, лѣсъ, земля—принадлежитъ мнѣ“. И Флегонтовъ сдѣлалъ бы это, если бы я не купилъ у него вексель...

Анна Родіоновна. Вы?! Вексель?

Крузовъ. Да, чтобы доказать вамъ, какъ нельзя лучше, полную безпомощность Глѣба со всѣми его идеями, которыми онъ увлекъ васъ. Теперь онъ будетъ дѣлать „дѣло своей жизни“ только въ томъ случаѣ, если я позволю ему это. Вѣдь теперь я могу, какъ Флегонтовъ, придти къ Глѣбу и сказать: „съ чужого коня среди грязи долой!“ Я могу раздавить его, но не сдѣлаю этого: я предоставлю ему то, что для него прежде всего нужно въ жизни,—т. е. возможность жить въ деревнѣ и работать для народа...

Анна Родіоновна. И взамѣнъ этого хотите отнять у него жену? Такъ?

Крузовъ. Ему нужна не жена, а деревня.

Анна Родіоновна *(встаетъ, задыхаясь)*. Велите дать мнѣ лошадь... Скорѣй! Я ѣду домой!

Крузовъ. Что это значитъ?

Анна Родіоновна. Вы хотите купить меня у мужа? О, какая это... Скорѣе вонъ отсюда!..

Крузовъ. Что вы говорите? И вы могли подумать?..

Анна Родіоновна. Я уйду пѣшкомъ!.. Я не могу!.. *(Идетъ; за сценой звуки венгерки)*.

Крузовъ. Постойте! *(Анна Родіоновна останавливается)*. Сегодня вы оба съ мужемъ оскорбили меня такъ, какъ меня никто еще въ жизни не оскорблялъ. *(Вынимаетъ изъ кармана вексель)* Вотъ вашъ вексель! *(Разрываетъ его на клочки)*. Теперь ступайте. *(Анна Родіоновна стоитъ пораженная; влетаетъ танцующей походкой Карлъ Ивановичъ)*.

14. Карлъ Ивановичъ.

Карлъ Ивановичъ. Анна Родіоновна, осчастливьте!.. Андрей Павловичъ! *(Беретъ Крузова подъ руку).* Мы васъ увлечемъ, увлечемъ! Вы будете танцовать съ Анной Родіоновной...

Крузовъ *(рѣзко освобождаетъ свою руку и говоритъ сухимъ, начальническимъ тономъ).* Велите приготовить для Анны Родіоновны экипажъ. *(Уходитъ. Карлъ Ивановичъ, опѣшенный, смотритъ вслѣдъ ему, потомъ на Анну Родіоновну и разводитъ руками. За сценой звуки венгерки. Появляется Гаврила Ивановичъ и Флегонтовъ, пародирующій венгерку, и группа зрителей съ Поскребинымъ во главѣ, который хохочетъ).*

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорація 1-го дѣйствія. Деревья въ саду замѣтно порѣдѣли. Вечеръ. На кругломъ садовомъ столѣ горятъ двѣ свѣчи въ садовыхъ подсвѣчникахъ. За столомъ сидитъ Таня и читаетъ книгу. Анна Родіоновна тихонько покачивается на качеляхъ. Сцена освѣщается сбоку луннымъ свѣтомъ. Издали доносятся звуки гармоники и деревенской пѣсни.

1. Анна Родіоновна, Таня *(обѣ въ теплыхъ платкахъ)*.

Анна Родіоновна *(пожимаясь и кутаясь въ платокъ)*. Вечера дѣлаются холодные.

Таня. Ты бы пошла лучше въ комнаты: ты такая зябкая.

Анна Родіоновна. Мнѣ опротивѣли стѣны комнатъ. *(Пауза)*. Скоро наступятъ темныя ночи. Будетъ идти по цѣлымъ недѣлямъ дождь, кругомъ будетъ слякоть... Вся жизнь замретъ вокругъ насъ, и сами мы замремъ... какъ тѣ бабочки, которыхъ ты приколола на булавки... Фу, когда же замолчитъ эта несносная гармоника? Такъ бы зажала уши и бѣжала отсюда!

Таня. Въ Авдеевѣ престольный праздникъ.

Анна Родіоновна. Что можетъ быть хуже этихъ деревенскихъ праздниковъ? *(Пауза)*.

Таня. Мама, ты поѣдешь на заводъ?

Анна Родіоновна *(съ удивленіемъ)*. Зачѣмъ?

Таня. А какъ же, вѣдь ты—попечительница школы?

Анна Родіоновна. Я не буду попечительницей.

Таня. Почему?

Анна Родіоновна. Просто не хочу. *(Пауза)*.

Таня. Что писалъ тебѣ Андрей Павловичъ?

Анна Родіоновна. Когда?

Таня. А вчера онъ прислалъ тебѣ письмо... вмѣстѣ съ цвѣтами-то?

Анна Родіоновна. А,—ты видѣла?..

Таня. Что онъ пишетъ?

Анна Родіоновнна. Тебя очень интересуетъ Андрей Павловичъ?

Таня. Я думала,—онъ самый счастливый, а онъ... А ему нехорошо живется...

Анна Родіоновна Откуда ты это знаешь?

Таня. Онъ самъ говорилъ... тогда, на вечерѣ у него. Отчего онъ такой?

Анна Родіонова *(пытливо смотритъ на дочь).* Поди-ка сюда. *(Таня подходитъ и останавливается противъ матери, стараясь не глядѣть на нее).* Ты въ послѣднее время стала со мной неоткровенна.

Таня *(тихо).* И ты тоже, мама.

Анна Родіоновна *(съ изумленіемъ).* Я? Что ты хочешь сказать этимъ?

Таня. Ты не такая, какъ была прежде, — а между тѣмъ...

Анна Родіоновна *(съ невольной досадой).* Не говори, пожалуйста, загадками.

Таня. Я съ тобой неоткровенна потому, что не умѣю говорить. И хочу, да не умѣю... А вотъ ты умѣешь, да не хочешь.

Анна Родіоновна. Просто потому, что ты не можешь понять меня: для этого надо пережить гораздо больше, чѣмъ ты пережила.

Таня. Ты привыкла смотрѣть на меня, какъ на дѣвочку.

Анна Родіоновна *(какъ бы сама съ собой).* У которой больше общаго съ папой, чѣмъ съ мамой... Да, да... Тѣмъ лучше для тебя.

Таня *(тихо, многозначительно)*. А я чувствую, что теперь у меня съ тобой много общаго... *(Анна Родіоновна смотритъ на нее пытливо-вопросительно)*. Я вотъ прежде не понимала, а теперь понимаю, почему ты такъ любишь музыку. Вѣдь на словахъ ничего не выразишь, а въ музыкѣ...

Анна Родіоновна *(смотритъ на нее)*. Да, да...

Таня. Я прежде не хотѣла учиться музыкѣ, а теперь хочу... Когда ты играла тамъ... на заводѣ... — у меня сердце разрывалось не то отъ тоски, не то еще отъ чего-то... *(Входитъ Корягинъ)*. Мнѣ все представлялась какая-то особенная жизнь: и интересная, и страшная... И я все рвалась туда, точно взлетѣть хотѣла...

2. Корягинъ.

Корягинъ *(здороваясь съ обѣими)*. Однако никуда не взлетѣли, а только оторвались отъ жизни и повисли между небомъ и землей?

Анна Родіоновна. Лучше быть между небомъ и землей, чѣмъ на такой землѣ, какъ въ нашемъ дрянномъ захолустьѣ.

Корягинъ. Ну, спорить я не расположенъ... Глѣбъ Гавриловичъ дома?

Анна Рдіоновна. Онъ съ утра уѣхалъ къ предсѣдателю управы.

Корягинъ. Что такое натворилъ у васъ староста?

Анна Родіоновна. Какой староста?

Корягинъ. Да Савостьянычъ то вашъ? Говорятъ, проворовался?

Анна Родіоновна. Очень можетъ быть.

Корягинъ. Впрочемъ, вы стали не отъ міра сего. *(Къ Танѣ)*. Разскажите, пожалуйста, что такое вышло?

Таня *(смутившись)*. Я сама хорошенько не знаю.

Корягинъ. Какъ? Вы, помощница отца, правая рука его, не знаете...

Таня. Да неужели это такъ важно?

Корягинъ. Послушайте, Татьяна Глѣбовна, тутъ проворовывается человѣкъ, къ которому вы вмѣстѣ съ Глѣбомъ Гавриловичемъ привыкли, которому вы такъ довѣряли, — а вы говорите... Что же важно-то послѣ этого?

Анна Родіоновна. Мы такъ привыкли здѣсь ко всякимъ мерзостямъ, что...

Корягинъ *(смотритъ на Таню).* Сегодня у васъ видъ мечтательной барышни. *(Заглядываетъ въ книгу, которую читаетъ Таня).* Взялись за чтеніе жестокихъ романовъ?

Анна Родіоновна. Отчего же ей не читать жестокихъ романовъ? Если нѣтъ жизни, такъ пусть хоть романы будутъ.

Корягинъ. Гм... А вы сидите и любуетесь луной?

Анна Родіоновна. Сижу и любуюсь луной.

Корягинъ. Ну, а днемъ, когда луны нѣтъ, чѣмъ занимаетесь?

Анна Родіоновна. Да ничѣмъ... Подойду къ фортепьяно, возьму однимъ пальцемъ ноту и слушаю. *(Таня слушаетъ, задумчиво смотря на мать).*

Корягинъ. И находите смыслъ въ этомъ занятіи?

Анна Родіоновна. Тутъ хорошо то, что смысла и не требуется.

Корягинъ. Вотъ какъ?

Анна Родіоновна. Худо, когда ищешь смысла въ своемъ дѣлѣ—и не находишь его.

Корягинъ. Тогда надо бросить это дѣло и заняться тѣмъ, въ чемъ есть смыслъ, вотъ и все.

Анна Родіоновна. А въ чемъ онъ есть?

Корягинъ. Ну, философія пошла.

Анна Родіоновна *(задумчиво).* Чистый звукъ, чистое

небо, чистый бѣлый снѣгъ—хороши сами по себѣ, безъ всякихъ вопросовъ.

Корягинъ. Ну, хороши, да что мнѣ съ ними дѣлать? Во всякомъ случаѣ, на одной красотѣ далеко не уѣдешь... Скажите лучше, какъ чувствуетъ себя Кириловна? Я зашелъ провѣдать ее.

Таня. Ей, кажется, полегчало.

Корягинъ. Температуру мѣрили?

Таня. Утромъ мѣрила: тридцать восемь и семь.

Корягинъ. А вечеромъ?

Таня. Я еще не... Сейчасъ поставлю градусникъ. *(Встаетъ).*

Корягинъ. Значитъ, вы попросту забыли? Надо было раньше сдѣлать... Эхъ, Татьяна Глѣбовна!

Таня. Я сейчасъ поставлю. Право, это ужъ не такъ важно... *(Уходитъ въ крыльцо).*

Анна Родіоновна. Вы все священнодѣйствуете надъ разными важными дѣлами... величиной съ булавочную головку?

Корягинъ. А вамъ бы хотѣлось горами двигать?

Анна Родіоновна. Что мнѣ за дѣло до вашихъ горъ? Пусть ихъ себѣ стоятъ спокойно на мѣстѣ. А вотъ вы съ Глѣбомъ...

Корягинъ. Мы, Анна Родіоновна,—люди маленькіе, и дѣла у насъ поэтому маленькія.

Анна Родіоновна. И жизнь маленькая, и мысли, и чувства—все маленькое?..

Корягинъ. Совершенно вѣрно. Но маленькое дѣло, Анна Родіоновна, все же лучше, чѣмъ большая праздность.

Анна Родіоновна. И любовь ваша къ Танѣ—тоже очень маленькая?

Корягинъ. Конечно, я не могу любить такъ, какъ любятъ герои вотъ этихъ *(беретъ книгу, которую читала*

Таня) жесточенныхъ романовъ; но я смѣю думать, что моя любовь и серьезнѣе, и лучше.

Анна Родіоновна. Если она выражается въ выговорахъ и нотаціяхъ, какъ у васъ, то я бы на мѣстѣ Тани...

Корягинъ. Ну, ужъ коли пошло на правду, то я скажу вамъ, Анна Родіоновна, что вы первая портите дочь.

Анна Родіоновна. Я?

Корягинъ. Портите прежде всего своимъ примѣромъ, своимъ пренебреженіемъ къ окружающей васъ жизни, къ дѣлу, къ людямъ...

Анна Родіоновна *(подавивъ свое волненіе).* Далѣе?

Корягинъ. А далѣе... Зачѣмъ вамъ понадобилось/тащить Таню съ собой на заводъ?

Анна Родіоновна. Это что за вопросъ?

Корягинъ. Она съ тѣхъ поръ ходитъ, какъ шальная. Развѣ вы не видите? Какимъ дурманомъ тамъ опоили ее? Господа въ родѣ Крузова дѣйствуютъ на молодыя головы, какъ вредный наркозъ... особенно когда эти головы не знаютъ еще ни людей, ни жизни...

Таня *(входитъ).* У меня разбился градусникъ. Пойду въ больницу, возьму... *(Идетъ и встрѣчается съ Марьей Платоновной, одѣтой въ дорогу).*

3. Марья Платоновна.

Марья Платоновна. Здравствуйте, Танечка! *(Здоровается).* Докторъ здѣсь?

Таня. Здѣсь. *(Идетъ за Марьей Платоновной).*

Марья Платоновна *(здоровается съ Анной Родіоновной).* Здравствуйте. *(Корягину)* Ульяновъ помираетъ. Сейчасъ ѣду къ нему. За вами заѣхала... Поѣдемте!

Корягинъ. Зачѣмъ? Прежде еще можно было бы полѣчить его стрихниномъ, а теперь... Какая цѣль ѣхать? Все равно, помретъ.

Марья Платоновна. Ахъ, никакой тутъ цѣли не нужно!

Корягинъ *(пожимая плечами)*. Хорошо, съѣздимъ. Я сейчасъ, только на старуху взгляну *(уходитъ въ крыльцо)*.

Таня. Что такое съ Ульяновымъ?

Марья Платоновна. Допился таки, постылый. Вчера заѣзжала къ нему—раздуло всего, лицо багровое, глаза помутились...

Анна Родіоновна *(морщится съ выраженіемъ боли)*. Да не разсказывайте вы, ради Бога! *(Вскакиваетъ съ мѣста и ходитъ)*. Вѣдь это просто нестерпимо!

Марья Платоновна. Ну, ну... Я молчу. *(Входитъ Домна Захаровна съ книгой)*. Экая вы „не тронь меня"!

4. Домна Захаровна.

Домна Захаровна. Здравствуйте... Здѣсь мужъ? У васъ?

Марья Платоновна. А вы бы сначала поздоровались по-человѣчески.

Домна Захаровна. Какъ еще здороваться? Я-не аристократка, не дама изъ Амстердама. *(Танѣ)*. Принесла вамъ книжку. *(Отдаетъ книгу)*. Благодарствуйте.

Таня. Обмѣнить хотите?

Домна Захаровна. Нѣтъ ужъ... *(Высматривая, не спрятался ли гдѣ мужъ)*. Куда тутъ читать! Это вы все читаете да гуляете. Завидки на васъ берутъ. А намъ не до гулянокъ: все заботы да непріятности разныя. Бѣгай вотъ за мужемъ: то индюкъ пропадетъ, то мужъ *(высматриваетъ)*.

Марья Платоновна. А вы подъ столъ загляните.

Домна Захаровна. Пожалуйста, не стройте надо мной надсмѣшковъ. Я знаю, что онъ сюда пошелъ.

Таня. Его нѣтъ у насъ, Домна Захаровна. Онъ къ намъ съ завода не ходитъ.

Домна Захаровна. Нѣтъ, я знаю; онъ прячется отъ меня. *(Аннѣ Родіоновнѣ)*: Вы ему, должно-быть, все на

фортепьянахъ играете? Грѣшно вамъ: мужа совсѣмъ у меня отъ дома отбили.

Анна Родіоновна. Домна Захаровна, избавьте меня отъ этихъ сценъ.

Домна Захаровна. Я за мужемъ пришла! Я въ своемъ правѣ! Онъ дѣтей малыхъ совсѣмъ забросилъ: каждый день изъ дому бѣгаетъ.

Анна Родіоновна. Пожалуйста, не кричите на меня своимъ кухарочьимъ голосомъ.

Домна Захаровна. „Кухарочьимъ"? *(Съ сердитыми слезами)*. И не такимъ еще закричишь, коли у тебя на шеѣ прорва дѣтей сидитъ малъ-мала меньше! Вамъ-то съ полагоря безъ маленькихъ дѣтей-то. Схоронили мальчишку—теперь гуляй на всѣ четыре стороны!

Анна Родіоновна *(судорожно хватается за сердце)*. Злая, безсовѣстная! Она нарочно о дѣтяхъ... Стыда нѣтъ! Жалости нѣтъ! *(Страшно разстроенная, уходитъ въ комнаты)*.

Таня. Мамочка, мамочка! *(Убѣгаетъ за ней)*.

Марья Платоновна *(Домнѣ Захаровнѣ)*. Взбалмошная баба! *(Идетъ)*. Ревнуетъ мужа ко всѣмъ женщинамъ въ мірѣ, какъ своего индюка къ чужимъ индюшкамъ... *(Уходитъ)*.

Домна Захаровна. А вы всѣ—кликуши, психопатки, читательницы! *(Кричитъ)*. Егоръ, у меня не отбѣгаешься! Я съ тобой еще по свойски поговорю! *(Идетъ и встрѣчается съ Гаврилой Ивановичемъ, который входитъ изъ парка въ дворянской фуражкѣ, съ тростью. Онъ немного навеселѣ)*.

5. Домна Захаровна, Гаврила Ивановичъ.

Гаврила Ивановичъ *(издали при видѣ Домны Захаровны*. „Пыря, пыря"! *(Подходитъ)*. Мужа ищете? Вашъ благовѣрный въ деревнѣ брагой угощается.

Домна Захаровна. Брагой?.. Ахъ, онъ... Чуяло мое сердце: каша-то вчера изъ горшка вылѣзла! Ну, погоди-жъ ты! *(Быстро уходитъ. Изъ крыльца выходитъ Корягинъ).*

6. Гаврила Ивановичъ, Корягинъ.

Корягинъ. Кто это: Домна? А Марья Платоновна ушла? Здравствуйте. *(Здоровается съ Гаврилой Ивановичемъ).*

Гаврила Ивановичъ *(скандируя).* Привѣтъ мой вамъ, почтеннѣйшій мой докторъ! *(Вѣшаетъ фуражку на сучокъ).* А я сейчасъ заходилъ въ деревню, полюбовался на праздникъ. Меня, вѣдь, любятъ тамъ... Я почему-то большое вліяніе имѣю на нихъ... Подхожу къ околицѣ, а тамъ ужъ драка идетъ. „Что вы, говорю, православные, дѣлаете". А православные такъ и чешутъ... Хе, хе!.. Завтра будутъ у васъ въ больницѣ увѣчные: предсказываю вамъ. И вѣдь чтó, безобразники, дѣлаютъ: у нихъ хлѣба нѣтъ, а они брагу варятъ. Развратился народъ,—я всегда говорилъ это. *(Слышенъ звукъ подъѣхавшаго экипажа).*

Корягинъ. Ну, да вѣдь не всѣ варятъ. Чѣмъ говорить-то, вы-бы лучше не ходили къ нимъ пить эту брагу.

Гаврила Ивановичъ. Нельзя: надо жить съ народомъ общей жизнью. Народъ празднуетъ,—и я праздную. Тутъ—идея... Вѣдь деревня, знаете, чѣмъ хороша: всегда можно выпить на свѣжемъ воздухѣ... *(Входитъ Черемисовъ).* А, Глѣбъ многострадальный!

7. Черемисовъ *(не то сердитый, не то озабоченный)*; потомъ **Таня.**

Черемисовъ. Здравствуйте, докторъ. *(Пожимаетъ руку Корягину, потомъ нехотя здоровается съ отцомъ, который протягиваетъ ему руку).*

Корягинъ. За что вы прогнали старосту?

Черемисовъ. Лукавый старичишка!

Гаврила Ивановичъ. Именно „лукавый"! Я всегда говорилъ это.

Черемисовъ. Никогда вы не говорили этого, а всегда стояли за него горой.

Гаврила Ивановичъ. Я? *(Вздергиваетъ плечами, потомъ идетъ къ столу, беретъ книгу, приставляетъ лорнетъ къ глазамъ и, щуря одинъ глазъ, силится прочесть).*

Корягинъ. Что же, онъ обманывалъ васъ?

Черемисовъ. Сѣно у меня воровалъ... Но что хуже всего: своего же брата—мужика грабилъ: ужилилъ часть лѣса, который я пожертвовалъ погорѣльцамъ. Да много разныхъ плутней... Я утѣшаюсь тѣмъ, что все это отрыжка крѣпостничества и отживаетъ свой вѣкъ, а молодое поколѣніе...

Корягинъ. Да, да... Ну, мнѣ надо ѣхать. *(Прощается)*.

Черемисовъ. Куда?

Корягинъ. Къ Ульянову.

Черемисовъ. Да, онъ совсѣмъ плохъ. Жаль парня: хорошая душа, широкая.

Корягинъ. Гнилое дерево. *(Уходитъ. Таня сбѣгаетъ съ террасы и торопливо подходитъ къ отцу)*.

Таня. Здравствуй, папочка *(цѣлуетъ отца и идетъ)*.

Черемисовъ. Куда же ты? Мы съ тобой цѣлый день не видались.

Таня. Въ больницу надо: за градусникомъ для Кирилловны.

Черемисовъ. Намъ и поговорить-то съ тобой путемъ некогда. Эхъ!.. Мама дома?

Таня. Она въ спальнѣ. *(Уходитъ. Черемисовъ ходитъ по саду, поглядывая на отца и хмурясь съ видомъ человѣка, собирающагося начать непріятный разговоръ. Вдали слышится визгливая бабья пѣсня).*

Гаврила Ивановичъ *(оставляетъ книгу)*. Нда... Савостьянычъ, Ульяновъ—все это очень грустно, но зато... погляди, Глѣбъ, какой вечеръ. Луна... Звуки пѣсни... Хочется посидѣть, помечтать. Жаль, что дамскаго общества нѣтъ. Хоть бы Марью Пантагоновну, что ли... Впрочемъ, она существо безполое... Вообще, Глѣбъ, надо смотрѣть на жизнь съ философской точки зрѣнія

Черемисовъ. Э, подите вы съ своей философской точкой!

Гаврила Ивановичъ. Я вижу, ты разстроенъ... Я понимаю это: „и скучно, и грустно, и некому руку пожать“... Я бы на твоемъ мѣстѣ тоже... *(Многозначительно)* Да, я понимаю тебя *(направляется къ террасѣ)*. „А годы проходятъ, все лучшіе годы“...

Черемисовъ. Постойте, папаша, вы куда?

Гаврила Ивановичъ. Да что то ѣсть захотѣлось. Пойдемъ, выпьемъ травничку?

Черемисовъ. Погодите минуту... *(Не глядя на отца)*. Сейчасъ я заѣзжалъ къ Флегонтову.

Гаврила Ивановичъ. Да... Ну, и что же?

Черемисовъ. Вы брали у него деньги?

Гаврила Ивановичъ. Ну да, бралъ... Триста рублей...

Черемисовъ. Не триста, а пятьсотъ.

Гаврила Ивановичъ. Или пятьсотъ? Не помню хорошенько... Да, да, именно пятьсотъ. Ну, что же изъ этого? Я взялъ ихъ на попечительство.

Черемисовъ. И проиграли въ городѣ въ карты?

Гаврила Ивановичъ. Ну да, со мной случай вышелъ... Но я, конечно, выплачу.

Черемисовъ. Изъ какихъ денегъ?

Гаврила Ивановичъ *(съ видомъ оскорбленнаго достоинства)*. Ты, кажется, хочешь сказать, что я не кредитоспособенъ?

Черемисовъ. Да, не вполнѣ. Я знаю, что вы способны брать въ кредитъ, но способны ли отдавать — сомнѣваюсь.

Гаврила Ивановичъ. Глѣбъ?!

Черемисовъ. А зачѣмъ вы поручились Флегонтову моимъ именемъ, что и попечительство, и земство купитъ муку у него, а не у Кувшинова?

Гаврила Ивановичъ. Кто оклеветалъ меня? кто? Я просто взялъ у него деньги въ возмездіе за твоего бычка.

Черемисовъ. Да вѣдь теперь про насъ съ женой распускаютъ слухи, будто мы, подъ прикрытіемъ попечительства, занимаемся гешефтами, что мы взяли съ Флегонтова большія деньги, обобрали Ульянова, Крузова и еще чортъ знаетъ кого... Вы позорите меня!

Гаврила Ивановичъ. Покорно благодарю! На васъ съ женой злятся въ уѣздѣ, про васъ распускаютъ разныя сплетни,—а я оказываюсь виноватъ? Вотъ это значитъ: „другъ на дружку, а всѣ на Петрушку!"

Черемисовъ. Да неужели вы не понимаете, что вы сдѣлали? Вѣдь вы просто-напросто взяли съ Флегонтова отъ моего имени взятку! *(Анна Родіоновна выходитъ на террасу съ книгой).*

Гаврило Ивановичъ. Я! Взятку?!. И это говоришь ты? Боги безсмертные, вотъ до чего я дожилъ! *(Показываетъ) на свою голову)* Вѣдь эта голова за всѣхъ думала, вѣдь это сердце за всѣхъ страдало! Рѣжьте меня! Терзайте меня!

Черемисовъ *(морщится).* Э... папаша!

Гаврила Ивановичъ. Я не мальчишка... Я всегда былъ душой общества! Весь домъ мною держался! Меня всѣ уважали... меня умѣли цѣнить... Я сейчасъ докажу тебѣ, насколько я былъ популяренъ! *(Торопливо идетъ въ комнаты).* Ты увидишь, увидишь... *(Проходя мимо Анны Родіоновны).* Это все вы натравливаете его на меня! вы, вы, вы! *(Уходитъ въ комнаты).*

Анна Родіоновна. *(съ тоской и отвращеніемъ въ тонѣ).* Глѣбъ, зачѣмъ эти сцены? Все равно, все останется по

старому... съ той только разницей, что насъ будутъ считать взяточниками *(сходитъ съ террасы).*

Черемисовъ. Нѣтъ, по старому не останется! Я положу этому конецъ... Много я отъ него переносилъ, но ужъ это... Я не позволю втаптывать въ грязь наше доброе имя! Флегонтову я верну деньги, а отца заставлю... *(Входитъ въ возбужденіи Гаврила Ивановичъ, неся вышитую подушку, вышитыя туфли и жбанъ; вдали слышны пьяные крики).*

Гаврила Ивановичъ. Вотъ! вотъ, какъ меня цѣнили! Земскія учительницы вышиваютъ мнѣ подушки! земскія акушерки дарятъ мнѣ туфли! признательные крестьяне подносятъ мнѣ жбанъ,—а ты... И это за всѣ мои труды и попеченія?

Черемисовъ. Кому вы это говорите? Всѣ ваши труды заключались въ томъ, что вы прокутили имѣніе, разорили насъ, влѣзли въ долги, съ которыми я еще до сихъ поръ не раздѣлался. Мнѣ надо было нѣсколько лѣтъ работать, какъ каторжному, чтобы не все еще здѣсь пошло прахомъ.

Гаврила Ивановичъ. Лжешь! Ты самъ раскидалъ деньги на своихъ сиволапыхъ! Тебѣ мужикъ дороже отца родного? Мужику почетъ, а отца на живодерню? Такъ? Нѣтъ, мое терпѣніе наконецъ истощилось! Я молча несъ крестъ свой... Я долго молчалъ,—а теперь скажу, какъ Тургеневъ: „довольно"! *(Надѣваетъ фуражку, идетъ и останавливается).* Да, довольно! *(Уходитъ). (Слышны звуки гармоники и дѣтскій плачъ).*

Анна Родіоновна *(съ злымъ смѣхомъ).* Прелестнѣе всего то, что онъ пойдетъ сейчасъ въ деревню, будетъ болтать съ бабами, угощать ихъ сладкой водкой и разсказывать всѣмъ и каждому, какъ онъ облагодѣтельствовалъ насъ...

Гаврила Ивановичъ. Глѣбъ?!

Черемисовъ. А зачѣмъ вы поручились Флегонтову моимъ именемъ, что и попечительство, и земство купитъ муку у него, а не у Кувшинова?

Гаврила Ивановичъ. Кто оклеветалъ меня? кто? Я просто взялъ у него деньги въ возмездіе за твоего бычка.

Черемисовъ. Да вѣдь теперь про насъ съ женой распускаютъ слухи, будто мы, подъ прикрытіемъ попечительства, занимаемся гешефтами, что мы взяли съ Флегонтова большія деньги, обобрали Ульянова, Крузова и еще чортъ знаетъ кого... Вы позорите меня!

Гаврила Ивановичъ. Покорно благодарю! На васъ съ женой злятся въ уѣздѣ, про васъ распускаютъ разныя сплетни,—а я оказываюсь виноватъ? Вотъ это значитъ: „другъ на дружку, а всѣ на Петрушку!"

Черемисовъ. Да неужели вы не понимаето, что вы сдѣлали? Вѣдь вы просто-напросто взяли съ Флегонтова отъ моего имени взятку! *(Анна Родіоновна выходитъ на террасу съ книгой).*

Гаврило Ивановичъ. Я! Взятку?!. И это говоришь ты? Боги безсмертные, вотъ до чего я дожилъ! *(Показываетъ) на свою голову)* Вѣдь эта голова за всѣхъ думала, вѣдь это сердце за всѣхъ страдало! Рѣжьте меня! Терзайте меня!

Черемисовъ *(морщится).* Э... папаша!

Гаврила Ивановичъ. Я не мальчишка... Я всегда былъ душой общества! Весь домъ мною держался! Меня всѣ уважали... меня умѣли цѣнить... Я сейчасъ докажу тебѣ, насколько я былъ популяренъ! *(Торопливо идетъ въ комнаты).* Ты увидишь, увидишь... *(Проходя мимо Анны Родіоновны).* Это все вы натравливаете его на меня! вы, вы, вы! *(Уходитъ въ комнаты).*

Анна Родіоновна. *(съ тоской и отвращеніемъ въ тонѣ).* Глѣбъ, зачѣмъ эти сцены? Все равно, все останется по

старому... съ той только разницей, что насъ будутъ считать взяточниками *(сходитъ съ террасы)*.

Черемисовъ. Нѣтъ, по старому не останется! Я положу этому конецъ... Много я отъ него переносилъ, но ужъ это... Я не позволю втаптывать въ грязь наше доброе имя! Флегонтову я верну деньги, а отца заставлю... *(Входитъ въ возбужденіи Гаврила Ивановичъ, неся вышитую подушку, вышитыя туфли и жбанъ; вдали слышны пьяные крики)*.

Гаврила Ивановичъ. Вотъ! вотъ, какъ меня цѣнили! Земскія учительницы вышиваютъ мнѣ подушки! земскія акушерки дарятъ мнѣ туфли! признательные крестьяне подносятъ мнѣ жбанъ,—а ты... И это за всѣ мои труды и попеченія?

Черемисовъ. Кому вы это говорите? Всѣ ваши труды заключались въ томъ, что вы прокутили имѣніе, разорили насъ, влѣзли въ долги, съ которыми я еще до сихъ поръ не раздѣлался. Мнѣ надо было нѣсколько лѣтъ работать, какъ каторжному, чтобы не все еще здѣсь пошло прахомъ.

Гаврила Ивановичъ. Лжешь! Ты самъ раскидалъ деньги на своихъ сиволапыхъ! Тебѣ мужикъ дороже отца родного? Мужику почетъ, а отца на живодерню? Такъ? Нѣтъ, мое терпѣніе наконецъ истощилось! Я молча несъ крестъ свой... Я долго молчалъ,—а теперь скажу, какъ Тургеневъ: „довольно“! *(Надѣваетъ фуражку, идетъ и останавливается)*. Да, довольно! *(Уходитъ)*. *(Слышны звуки гармоники и дѣтскій плачъ)*.

Анна Родіоновна *(съ злымъ смѣхомъ)*. Прелестнѣе всего то, что онъ пойдетъ сейчасъ въ деревню, будетъ болтать съ бабами, угощать ихъ сладкой водкой и разсказывать всѣмъ и каждому, какъ онъ облагодѣтельствовалъ насъ...

Черемисовъ. Что же тутъ смѣшного? не понимаю...

Анна Родіоновна. Мнѣ забавно смотрѣть, какъ ты здѣсь всю жизнь надрываешься, воображая, что тебя поймутъ, оцѣнятъ, поддержатъ... ха, ха.

Черемисовъ. Не всѣ же такіе, какъ мой папенька.

Анна Родіоновна *(съ накопившимся болѣзненнымъ раздраженіемъ).* Другіе то лучше его? Домна Захаровна, напримѣръ,—этотъ „самородокъ?" Или твой милый Савостьянычъ, этотъ „хорошій русскій типъ"? Ха, ха! Да всѣ здѣсь, всѣ! Вездѣ, куда ни посмотришь, темно, грязно, мерзко... О, какъ мнѣ противно здѣсь все... даже эти деревья, которыя вѣчно у меня передъ глазами!

Черемисовъ. Анна, что съ тобой?

Анна Родіоновна. А мы продолжаемъ сидѣть здѣсь, изнывать, колотиться головами объ стѣну—и все ради этого идола: деревни. О, какъ я ненавижу эту безсмысленную глыбу, которая придавила насъ всѣхъ! Мнѣ противенъ этотъ дикій народъ, противны ихъ грубые голоса, ихъ пьяныя пѣсни и вѣчная брань, и вѣчное попрошайничество; ихъ отвратительныя избы, эти гнѣзда заразы, и грязь, грязь вездѣ: на ихъ улицахъ, на ихъ дѣтяхъ, на одеждѣ, на лицахъ...

Черемисовъ. Анна, Анна, ты столько лѣтъ прожила среди народа—и ты не хочешь понять...

Анна Родіоновна *(запальчиво перебивая его).* Здѣсь, среди твоего народа, погибло самое для меня дорогое въ жизни: мой сынъ!

Черемисовъ. Ты хочешь все свалить на деревню?

Анна Родіоновна. Вѣдь изъ нея же, изъ твоей милой деревни, пришла сюда зараза и отняла у меня ребенка; а мы, сидя въ этой проклятой глуши, были безсильны: мы не могли отстоять его... Онъ былъ здоровъ, игралъ... качался вотъ тутъ *(указывая на качели)*... и вдругъ налетѣла смерть... смерть!

Черемисовъ *(стараясь успокоить ее)*. Анна, Анна!

Анна Родіоновна. Деревня сгубила нашего ребенка!.. Неужели ты не понимаешь? *(Истерически)*. Да пойми же, пойми!

Черемисовъ *(понуря голову, глухо)*. Анна, не вспоминай... Его не воскресишь, только душу надорвешь. Надо о живомъ думать. Анна, скажи мнѣ: неужели вотъ тѣ... мужицкія дѣти, которыя массами болѣютъ, уродуются, мрутъ кругомъ насъ... тотъ же Вася Гусевъ, раздавленный телѣгой...—неужели они не возбуждаютъ въ тебѣ никакого участія? Анна, неужели сердце твое закрылось для всего на свѣтѣ?

Анна Родіоновна *(съ взрывомъ ожесточенія)*. А, пусть ихъ хоть всѣ перемрутъ! *(Съ рыданіемъ)*. Мой-то... мой-то вѣдь умеръ!

Черемисовъ *(глубоко тронутый, старается побороть свое волненіе)*. Анна, Анюта... *(Старается ласками успокоить ее)*. Ну, полно же... Я знаю, какъ велика твоя мука... Не вспоминай. . Не нужно... Ты изведешься такъ... Ну, полно же, полно... прошу тебя!

Анна Родіоновна. Тебѣ легко: ты никогда не любилъ его... нашего бѣднаго мальчика. Ты сразу успокоился.

Черемисовъ *(съ горечью)*. Я не любилъ?

Анна Родіоновна. У тебя всегда былъ одинъ кумиръ: твой народъ! На долю нашего ребенка не очень-то много оставалось въ твоемъ сердцѣ.

Черемисовъ. Я не любилъ его? Анна, ты не знаешь, что говоришь. Когда онъ умеръ, я убѣгалъ изъ дому, чтобы ты не видала моего сумасшедшаго горя... Я справился съ собой: я загналъ свою тоску глубоко... на самое дно души... заставилъ себя вспомнить о томъ, чего требовали отъ меня долгъ и состраданіе... Да, я справился съ собой... Но и теперь подчасъ мой сынъ, какъ живой, стоитъ у меня передъ глазами и рветъ мнѣ сердце. Мнѣ чудится его голосъ: я слышу,

какъ онъ зоветъ меня... я бываю готовъ откликнуться: а потомъ вспомню все, и...

Анна Родіоновна *(плачетъ)*. Колюшка мой, Колюшка мой...

Черемисовъ *(дѣлаетъ страшное усиліе надъ собой и подавляетъ свое волненіе)*. Не надо думать о мертвыхъ... Не надо оглядываться назадъ. Это мѣшаетъ жить, работать, отнимаетъ силы, растравляетъ душу... Анна, не надо!

Анна Родіоновна *(отираетъ слезы и встаетъ съ видомъ человѣка, принявшаго роковое рѣшеніе)*. Глѣбъ, уѣдемъ отсюда!

Черемисовъ *(не понявъ хорошенько)*. Куда? Мнѣ теперь никакъ нельзя уѣхать. Ты знаешь, что попечительство только что стало у меня налаживаться: вотъ Духанинъ хочетъ примкнуть, Лазуринскій тоже подбираетъ компанію... Лубковъ пишетъ мнѣ изъ Москвы, что онъ организуетъ тамъ кружокъ... Гдѣ его письмо-то? *(Шаритъ въ карманѣ)*. А уѣду я, и къ моему возвращенію опять все рухнетъ.

Анна Родіоновна. Возвращаться и не надо.

Черемисовъ. Что ты говоришь, Анна?

Анна Родіоновна. Да, да, совсѣмъ переселиться отсюда.

Черемисовъ. Анна, подумай, если мы и подобные намъ будутъ бѣжать изъ деревни, съ кѣмъ же останется народъ? Съ Крутогоровыми, Флегонтовыми, Черничкиными?

Анна Родіоновна. А я тебѣ говорю: дальше, дальше отсюда, отъ этого страшнаго мѣста, гдѣ я похоронила и сына моего, и молодость, и талантъ, и все, что было во мнѣ живого...

Черемисовъ *(ошеломленный)*. Ты похоронила свою молодость? Ты жалуешься?.. Значитъ, дѣло, ради котораго ты пошла сюда со мной, всегда было тебѣ чуждо?

Да развѣ ты не была моей подругой, помощницей? Нѣтъ, ты была ею,—слышишь ли: была!

Анна Родіоновна. Я обманывала и тебя, и себя, и только Крузовъ научилъ меня быть искренней...

Черемисовъ *(внутренно вздрогнувъ)*. Крузовъ?

Анна Родіоновна. Да, онъ одинъ осмѣлился посмотрѣть правдѣ прямо въ глаза.

Черемисовъ. Правдѣ? Какой правдѣ?

Анна Родіоновна. А мы всѣ слишкомъ изолгались передъ самими собой и отъ этого стали трусами. Ты не посмѣешь признаться даже самому себѣ, что твой народъ, для котораго мы жертвовали своими силами, средствами, нервами, остается все такимъ же темнымъ, грубымъ, что онъ готовъ продать тебя первому встрѣчному кулаку...

Черемисовъ. Неправда! Клевета на народъ!

Анна Родіоновна. Нѣтъ, ты скажи лучше, чѣмъ отплатилъ тебѣ народъ за твои попеченія? Благодаренъ онъ тебѣ за нихъ? Любитъ онъ тебя? Жалѣетъ?

Черемисовъ. А кто его любилъ, кто его жалѣлъ? Отвѣть мнѣ, если можешь. Мы расплачиваемся за грѣхи нашихъ отцовъ, и это тоже правда, потому что этого требуетъ справедливость, совѣсть... даже простое человѣческое чувство. Вотъ объ этой-то правдѣ вы съ Крузовымъ и забыли... Да!.. А благодарности народа мнѣ не надо, и не за что ему благодарить насъ: всѣ мы его должники неоплатные, а онъ нашъ кредиторъ. Да, Анна, да! Очень терпѣливый кредиторъ...

Анна Родіоновна *(съ взрывомъ болѣзненнаго раздраженія)*. Нѣтъ, ужъ мы достаточно заплатили этому кредитору! Тебѣ хочется, чтобы онъ вытянулъ изъ насъ послѣднія жилы? Да я-то не хочу этого! *(Сдерживается и говоритъ серьезнымъ искреннимъ тономъ)*. Глѣбъ, если ты хоть сколько-нибудь любишь меня, ты бросишь это чудовище-деревню, которое погубитъ всѣхъ насъ. Вѣдь пре-

жде мы хоть уѣзжали отсюда, а послѣдніе годы живемъ безвыѣздно въ этомъ склепѣ... Я измучилась здѣсь. У меня передъ глазами все только убожество, нищета, разрушеніе. Вижу больницу, и на меня оттуда вѣетъ смертью. Вижу дѣтей около школы и вспоминаю своего мальчика... Прохожу по деревнѣ: грязь, гнилая солома, раззореніе... Все только сѣрое, угрюмое, жалкое. Ни тѣни красоты, ни тѣни радости! Все это камнемъ ложится на душу. Все у меня изныло внутри...

Черемисовъ. Да пойми же, Анна, что твое спасенье здѣсь, среди чужого горя и нищеты! Не отъ деревни тебѣ надо спасаться, а отъ себя самой. Ты сама, какъ ржавчина, подтачиваешь свою душу. Стань ближе къ людямъ, утопи свою муку въ морѣ чужихъ страданій, и тебѣ будетъ легче, легче... повѣрь мнѣ, Анна!

Анна Родіоновна *(съ горькой усмѣшкой).* Утопить свою муку? Пробовала, да видно вода не принимаетъ... Ты рѣшительно не хочешь уѣхать отсюда? Даже послѣ того, что ты слышалъ отъ меня?

Черемисовъ. Анна, это невозможно. Бросить народъ въ то время, какъ на него надвигается бѣда? Да ужъ одна мысль о томъ, что тутъ безъ меня дѣлается... Да я просто не имѣю права уѣхать.

Анна Родіоновна *(подходитъ къ мужу и говоритъ очень серьезно и многозначительно).* Глѣбъ, вѣдь я сейчасъ не одну себя жалѣю... Я хочу и тебя пожалѣть... Ты осунулся, постарѣлъ. Ты всегда стараешься скрыть отъ меня всякія бѣды, но я все знаю... Я тебя жалѣю — пойми! И потому говорю тебѣ: уѣдемъ вмѣстѣ. Для меня это дѣло не шуточное—повѣрь мнѣ! Я слишкомъ много ставлю на карту. Уѣдемъ, пока не поздно!

Черемисовъ. Да пойми же, Анна, что я родился тутъ, выросъ среди этого народа, сроднился съ нимъ. Моя жизнь переплелась съ его жизнью тысячью нитей... Я чуть не всѣхъ знаю лично. Я тутъ крестилъ, училъ,

вѣнчалъ, хоронилъ, устраивалъ ихъ семейныя дѣла, входилъ въ ихъ интимную жизнь. Деревня знаетъ, что есть вблизи нея человѣкъ, который болѣетъ за нее сердцемъ, думаетъ о ней, готовъ придти къ ней на помощь въ тяжелую минуту... Развѣ одного этого мало? Народъ грубъ, теменъ, говоришь ты? Такъ это еще больше обязываетъ меня быть здѣсь. Если сами они темны, если дѣти ихъ темны, такъ внуки перестанутъ быть темными... Анна, какъ я могу сбѣжать отъ нихъ? Да меня замучитъ совѣсть, я буду презирать себя, какъ дезертира, какъ измѣнника. Пойми же, Анна, пойми, ради Бога, что тутъ у меня не упрямство, не капризъ: тутъ для меня вопросъ совѣсти, тутъ дѣло всей моей жизни!

Анна Родіоновна. Довольно, Глѣбъ. Все сказано между нами. Для меня тоже рѣшался вопросъ жизни. Я хотѣла уѣхать съ тобой, теперь я уѣду съ Крузовымъ.

Черемисовъ *(не понимая еще настоящаго значенія ея словъ)*. Съ Крузовымъ? Какъ? Почему съ Крузовымъ? И куда? Въ Петербургъ?

Анна Родіоновна. Ты меня не понялъ... Я уѣду навсегда, совсѣмъ.

Черемисовъ. Какъ?

Анна Родіоновна. Я не вернусь больше...

Черемисовъ *(ошеломленный)*. Ты не вернешься? Постой, Анна, дай опомниться...

Анна Родіоновна. Я не нужна ни тебѣ, ни твоей деревнѣ... Единственно, кому я нужна,—это Крузовъ, и я уѣду съ нимъ.

Черемисовъ. Анна, да ты безумствуешь!

Анна Родіоновна. Нѣтъ, я была безумна, когда замуровала себя здѣсь ради твоего народа!

Черемисовъ. Ты раскаиваешься въ томъ, что вышла за меня, а не за Крузова? Значитъ, ты и въ этомъ обманывала меня? И тутъ была ложь? Ты любишь его, а не меня?

Анна Родіоновна. Я никого не люблю.

Черемисовъ. Никого? Такъ зачѣмъ-же тутъ Крузовъ? При чемъ-же тутъ Крузовъ?

Анна Родіоновна. Мы съ нимъ подъ пару. Онъ тоже не вѣритъ ни въ какое „дѣло жизни“ и тоже ни къ чему ни приросъ.

Черемисовъ. Анна, какъ мнѣ понимать тебя? Чего-же ты хочешь отъ жизни?

Анна Родіоновна. Ничего я отъ нея не хочу. Мнѣ твоей жизни не нужно: я не гожусь для нея. Мнѣ надо только убѣжать отъ нея куда-нибудь подальше, отгородиться стѣной отъ ея безобразій, не видѣть ея, не слышать, не замѣчать...

Черемисовъ. Чѣмъ ты отгородишься отъ нея? Такой стѣны для тебя не существуетъ!

Анна Родіоновна *(наполовину сама съ собой)*. Искусство, красота, музыка... Будемъ скитаться съ Крузовымъ, какъ вѣчные жиды, изъ одного мѣста въ другое, безъ оглядки на себя, безъ всякихъ связей съ жизнью... точно въ аэростатѣ, который носится надъ землей. Будемъ опьянять себя искусствомъ, звуками, картинами, театрами...

Черемисовъ. Вы будете осматривать музеи, выставки, покупать картины... на Крузовскія деньги? Устраивать концерты, поощрять искусство... ха, ха! Прекрасное зрѣлище! Но,—Анна, гдѣ-же стыдъ-то, отъ котораго у всякаго честнаго человѣка краска бросается въ лицо?

Анна Родіоновна. А твой стыдъ куда дѣвался? Пока мы будемъ устраивать концерты, ты станешь благодѣтельствовать крестьянамъ... тоже на Крузовскія деньги! *(Черемисовъ дѣлаетъ удивленный и негодующій жестъ)*. Да, да! Вѣдь ты отлично знаешь, что все здѣсь принадлежитъ ему. Значитъ, ты успокоился послѣ того, какъ онъ уничтожилъ вексель?

Черемисовъ *(сдавленнымъ голосомъ)*. Анна, не говори

мнѣ такихъ оскорбительныхъ словъ. Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не выплачу ему все, до копѣйки. Я говорилъ сегодня съ Флегонтовымъ: я продамъ ему имѣніе,—и тогда...

Анна Родіоновна. И тогда все-таки останешься здѣсь?

Черемисовъ. Да, потому что можно помогать не одними деньгами... И не одними рублями живъ будетъ человѣкъ. И ты останешься съ нами... Все, что ты говорила сейчасъ, я считаю за бредъ... Ты поѣдешь въ Петербургъ къ сестрѣ, отдохнешь, освѣжишься и опять вернешься къ намъ. *(Входитъ Таня съ градусникомъ и, заслышавъ послѣднія слова, замираетъ въ испугѣ).*

Анна Родіоновна. Я никогда не вернусь къ вамъ.

Таня *(бросается къ матери и кричитъ, задыхаясь).* Мама! Мама!.. Ты не уѣдешь отъ насъ! Нѣтъ, нѣтъ! Мамочка!?

Анна Родіоновна. Пусти! *(Освобождается отъ нея и отходитъ въ сторону).*

Таня *(бросаясь къ отцу).* Папа, что-же это? Она хочетъ уѣхать? Она не вернется? Господи, что мы за несчастные!

Черемисовъ *(обнимая дочь).* Таню-то, Таню-то пожалѣй! Прожить столько лѣтъ вмѣстѣ и вдругъ бросить все: мужа, семью, дѣло!.. Нѣтъ, ты не рѣшишься на это! Ты не имѣешь права! Это безчеловѣчно! Это безчестно! Да я просто не пущу тебя! *(Съ отчаяніемъ).* Ахъ, я все не то говорю! Зачѣмъ все это сразу обрушилось на меня?!

Анна Родіоновна *(останавливается у террасы).* Хорошо, я останусь здѣсь... Боюсь только, что съ каждымъ днемъ я все больше буду ненавидѣть твой народъ и все, что меня здѣсь окружаетъ... а потомъ и тебя съ дочерью! *(Уходитъ въ комнаты).*

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Большая комната, просто меблированная. Противъ зрителей стеклянная дверь, ведущая на балконъ, и окна. По правой сторонѣ тоже окна. Въ правомъ углу старинное фортепіано. По стѣнамъ полки съ книгами. Налѣво двѣ двери. Сумерки. Сквозь стекла двери и оконъ можно различить пожелтѣвшую листву сада.

I. Кирилловна. Любаша.

Любаша *(подметаетъ полъ. Кирилловна сметаетъ тряпкой пыль съ мебели, полокъ, книгъ)*.

Кирилловна. Покамѣстъ я хворала, тутъ щетка-то, чай, и не гащивала? Ишь, пыли-то сколько развели... эвона, эвона! Ты, знать, Любашка, съ-ума сошла со своими книжками,—право! Да всѣ вы тутъ...

Любаша. Легла бы ты лучше, баушка, пожалѣла бы свою старость.

Кирилловна. „Легла-а?!“ Что я за барыня? Нѣтъ, постой, я тутъ такую пыль подыму!

Любаша. Ну, вотъ ты все говорила: не надо лѣчить... Вылѣчилъ же тебя Митрій Николаичъ.

Кирилловна. И даже вовсе не онъ.

Любаша. А кто же?

Кирилловна. Бабочка такая въ Авдеевѣ есть: черезъ нее я и свѣтъ увидала. Вотъ кабы Анна-то Родіоновна поклонилась ей, она бы у нея болѣзь отвела: порчу вотъ какъ сымаетъ!

Любаша. Да нешто барыня у насъ порченая? Что ты, баушка!

Кирилловна. Да ужъ дѣло видимое. А кто испортилъ? Домна—вотъ кто! Съ сердцовъ за мужа. Злющая вѣдьона, поганка.

Любаша. Мало ли, баушка, что люди болтаютъ. Все это по глупости.

Кирилловна. Ты больно умна! Не знаешь, какъ людей портятъ? Вотъ зашьютъ тебѣ въ перину башмаки или чулокъ подбросятъ на дорогу съ худымъ словомъ,—и затоскуешь, инда высохнешь вся, какъ лучинка. Вонъ Агафью изъ Демидовки какъ испортили? Странникъ съ Афона ее отчитывалъ: „у тебя, говоритъ, на каждой вещи чертикъ—тьфу!—сидитъ".

Любаша. Э, врутъ все!

Кирилловна. „Врутъ"? Ты вѣрь старымъ людямъ, а не книжкамъ. И отчего это у насъ въ домѣ такое напущеніе пошло? Что Анна Родіоновна, что Танечка—всѣ разбились въ мысляхъ. Ужъ на что Гаврила Иванычъ,—и тотъ, слышь, съ предводителемъ какіе-то горшки откапываетъ; а когда же Гаврила Иванычъ такими дѣлами занимался? Напущеніе, право напущеніе. Прежде въ землѣ не копались, а всего было много, а теперь горшки откапываютъ, а во всемъ пошло хуже да хуже... Въ деревнѣ сказываютъ, знаменья всякія начались. Быдто вотъ идешь ты въ чистомъ полѣ, на небѣ ни тучки,—ничего... и вдругъ быдто шаръ летитъ... и кружитъ и кружитъ... и вдругъ тебѣ къ ногамъ—бухъ! Обкатится этакъ округъ тебя—да какъ лопнетъ! Такъ вотъ тебѣ, стало быть, золотомъ весь и разсыпится... Да! *(Увидавъ на столѣ коробку съ коллекціей)* А это что такое-ча? Откудова? *(Беретъ коробку и смотритъ).*

Любаша. Не трожь, баушка: это барышнина комплекція.

Кирилловна *(ворчитъ).* „Комплекція"! Еще что выдумаешь? Натаскали въ комнаты всякихъ гадовъ. *(Люба-*

ша видитъ раскрытую книгу, беретъ ее и старается прочитать что-нибудь въ сумеркахъ).

Любаша. Это все къ наукѣ принадлежитъ.

Кирилловна. Мудруешь больно. Гадина—она гадина и есть. Выходила бы замужъ лучше, а она вотъ что-то...

Любаша. Кто? барышня-то?

Кирилловна. А кто же? Не дурнушка она у насъ, не кособокая какая. *(Стираетъ пыль съ книгъ).* Книговъ-то какая пропасть проваленная! И для чего это господа книжки пишутъ?

Любаша. Извѣстно, баушка, для чего:—для жалости.

Кирилловна. Только пыль разводить. *(Взглянувъ на Любашу).* А ты опять уткнулась? Эхъ, мужа-то у тебя нѣтъ: бить-то тебя некому. Брось! *(Любаша оставляетъ книгу и опять начинаетъ мести).*

2. Таня.

Таня. Кирилловна, тебѣ докторъ не велѣлъ много двигаться.

Кирилловна. А кто же безъ меня сдѣлаетъ? *(Указывая тряпкой на бюсты).* Болванчиковъ-то обметать, аль нѣтъ?

Таня. Какихъ болванчиковъ?

Кирилловна *(указывая на бюсты).* А вонъ...

Любаша. Экъ, баушка, брякнула! *(Смѣется).*

Кирилловна. Ну, ну, не глупѣе тебя... Обметать что ли?

Таня. Не нужно... все равно... оставь. *(Подходитъ къ двери и задумчиво смотритъ въ садъ).*

Кирилловна *(замахиваясь тряпкой на Любашу, которая смѣется и крутитъ головой).* Нишкни, ты! Вотъ такъ тряпкой грязной и ляпну! *(Танѣ).* Лампу, что ли, зажечь? Дни-то какіе махонькіе стали.

Таня. Зажги.

Кирилловна. Спички-то? *(Уходитъ).*

Любаша *(участливо)*. Грустливы ты что-то, барышня. И книжекъ не читаете, а бывало, все съ книжкой.

Таня *(разсѣянно)*. Да, да, а ты какъ?.. читаешь?

Любаша. Вотъ какъ читаю. Меня, барышня, ваши книжки вотъ какъ привѣчаютъ.

Таня *(съ грустной улыбкой)*. А вотъ меня онѣ ужъ больше не привѣчаютъ.

Кирилловна *(входя со спичками)*. Обидно мнѣ, барышня: Любкѣ платокъ подарили, а мнѣ шишь съ масломъ.

Таня. Да вѣдь ты—старуха, ты не будешь цвѣтное носить.

Кирилловна. Вотъ только надѣть стыдно, а ужъ какъ хорошо-то! Извѣстно, человѣкъ два раза въ жизни глупъ бываетъ: въ дѣтствѣ, да въ старости... *(Подставляетъ стулъ и лѣзетъ, чтобы зажечь висячую лампу)*.

Любаша. Не лазь, баушка: я зажгу... *(Зажигаетъ лампу)*.

Кирилловна. Ты, чай, и лампу-то не оправила? Карасину-то, кажись, мало... Ну, да авось хватитъ. Что зря жечь-то? *(Идетъ и опускаетъ у оконъ занавѣски. Таня задергиваетъ дверь портьерой и отходитъ)*.

3. Марья Платоновна.

Марья Платоновна *(входитъ)*. Здравствуйте, Танечка! *(Здоровается)*. А мы тутъ Ульянова схоронили. *(Вынимаетъ портъ-сигаръ; Кирилловна подаетъ ей спички; Марья Платоновна закуриваетъ)*.

Кирилловна. Петра Акимыча? Хорошій баринъ былъ: просторный; въ тотъ разъ мнѣ два цѣлковыхъ далъ, „гуляй, говоритъ, старуха“! *(Со вздохомъ)*. Такая ужъ, видно, судьба его коротенькая. Кому назначено помереть, тотъ помретъ. Вонъ въ Авдеевѣ лѣтось мужикъ рубилъ дрова, повздорилъ съ женой, да и пусти ей вслѣдъ полѣнцемъ... такъ, легонько. Ну, и убилъ, и въ Сибирь пошелъ. Хорошій мужикъ: умственный... боро-

дастый такой. А иного бьютъ, бьютъ, а онъ все живъ. Кому что предназначено. *(Вздыхая, уходитъ).*

Марья Платоновна. Что это вы, Танечка, носикъ повѣсили, а? *(Таня не отвѣчаетъ).* Докторъ у васъ?

Таня *(выходя изъ задумчивости).* Докторъ? *(Киваетъ по направленію къ кабинету).* Онъ тамъ съ папой.

Марья Платоновна. Сейчасъ Анна Родіоновпа была у меня въ больницѣ: взялась помогать мнѣ при перевязкѣ больного...

Таня. Какъ, мама?

Марья Платоновна. Хотѣла переломить себя, а какъ только увидала кровь, съ ней сдѣлалось дурно.

Таня *(встревоженная).* Господи!

Марья Платоновна. Потомъ ничего: отошла. Нѣтъ, это дѣло не по ней.

Таня. Она все на могилѣ у Коли сидитъ.

Марья Платоновна. Вы бы повліяли на нее какъ-нибудь. Вѣдь этакъ не долго и свихнуться.

Таня *(съ болѣзненной усмѣшкой).* Кому что предназначено.

Марья Платоновна. Да будетъ вамъ—чушь какая! Придетъ вѣдь въ голову. Право, я браниться начну! Обѣ вы со своей мамой какія то мертворожденныя. Я бы изъ пожарной трубы васъ всѣхъ! *(Подходитъ къ Танѣ и обнимаетъ ее).* Вѣдь вотъ какое мнѣ съ вами горе! *(Съ энергическимъ жестомъ).* А все эта любовь проклятая! *(Таня грустно качаетъ головой, какъ бы желая сказать, что тутъ дѣло не въ любви).* Да ужъ нечего. Вижу, вижу... Вамъ, небось, представляется, что это ужъ и Богъ знаетъ, какъ важно, а вѣдь на самомъ дѣлѣ это все чушь одна! У каждой изъ насъ есть въ прошломъ какое-нибудь дурацкое увлеченіе: это неизбѣжно, какъ корь у дѣтей. Облюбуемъ какого-нибудь прохвостика и носимся съ нимъ, какъ полоумныя, и страдаемъ. Вѣдь и я когда-то съ ума сходила... вы знаете это...

Наплевала же я на своего сударя—и живу, не тужу. Все это только лишнія путы. *(Дружески хлопая Таню по плечу)*. Выбросьте-ка поскорѣй изъ головы эту копоть, да, благословясь, принимайтесь за дѣло! Ну ее, эту любовь,—провались она совсѣмъ! Безъ нея то лучше, спокойнѣе... да и меньше глупостей надѣлаешь. *(Входитъ Корягинъ. Таня, избѣгая смотрѣть на него, подходитъ къ книгамъ и дѣлаетъ видъ, что роется въ нихъ)*.

4. Корягинъ, потомъ **Любаша.**

Корягинъ *(молча здоровается съ Таней)*.

Марья Платоновна. А васъ въ амбулаторіи Степанъ Огузкинъ ждетъ.

Корягинъ. Что ему нужно?

Марья Платоновна. Его въ дракѣ избили. Свидѣтельство проситъ: судиться намѣренъ. *(Слышится звукъ заводскаго гудка)*. Чу, гудокъ загудѣлъ... значитъ, надо больнымъ ужинъ отпускать. *(Встаетъ)*. Такъ вы зайдете въ амбулаторію?

Корягинъ. Да, я скоро.

Любаша *(входитъ)*. Марья Платоновна...

Марья Платоновна. Иду, иду... Знаю, что за мной. *(Любаша уходитъ)*. Мы еще, Танечка, увидимся съ вами: я забѣгу. *(Уходитъ)*.

Корягинъ *(не глядя на Таню)*. Давно собираюсь сказать вамъ, Татьяна Глѣбовна...

Таня *(понуря голову)*. Что сказать?

Корягинъ. Собственно говоря, тутъ и безъ словъ все понятно...

Таня *(еще ниже опуская голову)*. Говорите.

Корягинъ. Ну... видите... мы съ вами не пара. Да. Вы не годитесь мнѣ въ товарищи, да и я буду для васъ скученъ. Вы не такая, какой я васъ считалъ...

Таня. Да, не такая...

Корягинъ. Не думайте, что во мнѣ говоритъ ревность... Да я и не вѣрю, чтобы тутъ у васъ было что-нибудь серьезное... Скажу больше: если бы вы измѣнили лично мнѣ, это было бы поправимо. Но тутъ вышло хуже... Я думалъ, что вы, какъ вашъ отецъ, органически тянетесь послужить народу, но оказалось, что вы, какъ ваша чувствительная мама...

Таня. Не трогайте маму.

Корягинъ. Вы хорошій человѣкъ, но вы не работница. Если первый попавшійся господинъ можетъ такъ подѣйствовать на ваша воображеніе... *(Таня жестомъ останавливаетъ его).* Вы вообще, подобно своей мамѣ, живете прежде всего воображеніемъ. Это не ваша вина, конечно, но бѣда въ томъ, что дѣятельность, которой мы съ вами рѣшили посвятить себя, не можетъ дать пищи ни вашему воображенію, ни тѣмъ „поэтическимъ" настроеніямъ, къ которымъ вы по своей натурѣ такъ склонны. Какъ бы то ни было, но одно несомнѣнно: мы съ вами смотримъ въ разныя стороны, а при этомъ совмѣстная жизнь есть обидная нелѣпость.

Таня *(съ болью).* Довольно, Дмитрій Николаевичъ.

Корягинъ. Еще два слова: если бы я думалъ, что все это пройдетъ у васъ, какъ опьяненіе, и вы опять войдете въ колею трудовой, идейной жизни, я бы не обратилъ особеннаго вниманія на этотъ эпизодъ: „было и прошло". Но это не пройдетъ: въ этомъ сказалась ваша натура. Вы никогда не будете хорошей работницей, какъ напримѣръ Марья Платоновна, а мнѣ нужна именно жена работница. Я, какъ мужикъ, ищу въ женѣ прежде всего рабочую силу, такъ какъ для меня жизнь— это сплошная работа, требующая напряженія всѣхъ силъ...

Таня. Довольно, не говорите больше... Къ чему?

Корягинъ. Ваша правда: всякіе комментаріи тутъ излишни. Простите меня, что я такъ грубо и прямо. Это

очень больно, а все-таки такъ лучше: по крайней мѣрѣ на чистоту... да. Дайте вашу руку: вѣдь мы не враги. *(Таня, сдѣлавъ усиліе надъ собой, протягиваетъ ему руку. Корягинъ пожимаетъ ее, потомъ идетъ и останавливается).* Мнѣ, вѣроятно, придется перевестись въ другое мѣсто, потому что меня выживаютъ отсюда Кругоровъ и К°; да это выходитъ теперь какъ будто даже кстати... А пока я не переведусь, постараемтесь видѣться порѣже. Глѣбу Гавриловичу я подожду говорить обо всемъ этомъ. И вы пока не говорите: у него и безъ того безпокойства много. *(Входитъ Анна Родіоновна; Таня отходитъ къ окну, отодвигаетъ занавѣску и прижимается къ стеклу лбомъ.*

5. Анна Родіоновна.

Корягинъ. Здравствуйте, Анна Родіоновна *(здоровается).* Зачѣмъ вы все на кладбище ходите, разстраиваете нервы?

Анна Родіоновна. Мнѣ тамъ спокойнѣе.

Корягинъ. Ну, ужъ какое это спокойствіе? *(Смотритъ на нее).* Вамъ бы лучше уѣхать куда-нибудь на время.

Анна Родіононна. На время? Да, я, можетъ быть, уѣду.

Корягинъ. И прекрасно сдѣлаете. *(Смотритъ на Таню, хочетъ что-то сказать, но раздумываетъ и уходитъ).*

Анна Родіоновна. Какъ скоро наступила осень. Летятъ листья, летятъ, летятъ... Какъ уныло у насъ теперь въ саду! Становится такъ грустно, такъ пусто, такъ холодно кругомъ... *(Подходитъ къ фортепьяно, беретъ аккордъ и замираетъ въ тоскливой задумчивости).* Хорошо вылить въ музыкѣ всю душу, всю муку и умереть...

Таня. Да, умереть...

Анна Родіоновна *(взглядываетъ на нее, потомъ подходитъ къ ней).* Что съ тобой? *(Таня молчитъ).* О чемъ вы сейчасъ говорили съ докторомъ?

Таня. Мы разошлись.

Анна Родіоновна. Я знала, что такъ будетъ...

Таня. Мы съ нимъ разные люди и чувствуемъ по-разному.

Анна Родіоновна *(какъ бы отвѣчая на собственныя мысли).* Разные люди? Да, да... Хорошо, что вы во-время...

Таня. Нельзя соединять намъ жизнь, это нечестно.

Анна Родіоновна. Нечестно? *(За сценой привѣтственный гулъ голосовъ).* Что это за шумъ?

Таня. Тамъ Егоръ Тарасовичъ... Это, должно быть, его бывшіе ученики пришли.

Анна Родіоновна. Ты говоришь: нечестно?.. Да, да... Я сама такъ же думаю..

Таня *(тихо черезъ силу).* Мама... ты лучше... уѣзжай отъ насъ.

Анна Родіоновна *(вздрогнувъ).* Куда? Зачѣмъ?..

Таня. Тебѣ нехорошо тутъ... *(Анна Родіоновна съ волненіемъ смотритъ на нее испытующимъ взглядомъ).* Мы съ папой какъ-нибудь справимся съ собой, проживемъ... Я по себѣ знаю, какъ тяжело бываетъ, когда... Нѣтъ, ты лучше уѣзжай, мама, а то ты будешь ненавидѣть насъ. *(Анна Родіоновна порывисто прижимаетъ къ себѣ дочь).* А ужъ это страшнѣе смерти... *(Увидя, что мать прислушивается къ звукамъ на улицѣ).* Что ты?

Анна Родіоновна. Ничего. Такъ... Мнѣ показалось, будто подъѣхалъ кто-то... *(Глубоко заглядывая дочери въ глаза).* А ты знаешь, куда и съ кѣмъ я собиралась ѣхать?

Таня. Я все знаю, мама... Что тебѣ мучиться здѣсь? *(Третъ себѣ грудь)*... Грудь давитъ. *(За сценой привѣтственный гулъ голосовъ. Въ то время какъ Черемисовъ отворяетъ дверь, слышится):* Прощайте, Егоръ Тарасычъ! Приходите къ намъ, Егоръ Тарасычъ! Мы прибѣжимъ къ вамъ! Счастливо оставаться!

6. Черемисовъ.

Черемисовъ *(входитъ).* Собралась деревенская молодежь: все бывшіе ученики и ученицы Егора Тарасовича... *(За сценой привѣтственный гулъ).*

7. Дворянчиковъ.

Дворянчиковъ *(въ дверь).* До свиданія, братцы. Какъ бы намъ, съ Божьей помощью, такъ преумудриться, чтобы не забывать другъ друга? *(Голоса. —* „Нѣтъ, Егоръ Тарасовичъ! Нѣтъ! Мы не забудемъ!“*)* Я буду захаживать къ вамъ по воскресеньямъ. Равно забѣгайте и вы. *(Гулъ голосовъ:* „Прощайте, Егоръ Тарасовичъ!—Спасибо! Будьте здоровы, Егоръ Тарасовичъ!“*)*

Дворянчиковъ *(затворяетъ дверь, оборачивается и видитъ Анну Родіоновну).* Анна Родіоновна! *(Смущенно здоровается съ ней).* Тронули они меня до слезъ: обрадовались мнѣ... *(Танъ).* Вы, какъ и встарь, читаете имъ по воскресеньямъ? Доброе дѣло, свѣтлое дѣло... Сѣйте разумное, доброе, вѣчное!.. А у меня, повѣрите ли, все задрожало внутри, когда они стали привѣтствовать меня... Зазвенѣли струны въ душѣ... Вѣдь я съ ними сроднился... Эхъ!

Черемисовъ. Здѣсь, Егоръ Тарасовичъ, нѣсколько поколѣній прошло черезъ ваши руки, здѣсь на вашихъ глазахъ стали выростать такіе славные молодые побѣги,—а вы...

Дворянчиковъ. Не бейте лежачаго, Глѣбъ Гавриловичъ! Мнѣ самому на заводѣ вотъ какъ тошнехонько. Одинъ этотъ фабричный гудокъ всю мою нервную систему переворачиваетъ... Безсонница меня истомила... Страхъ какой-то сверхъестественный, почти, можно сказать, суевѣрный... Изъ дому убѣгать сталъ, пьянымъ два раза напивался, вотъ ужъ до чего дошелъ!

А уйти съ завода не смѣю. Я не такой подвижникъ, какъ вы, и не такая у меня подруга жизни, какъ у васъ. *(Анна Родіоновна отворачивается.)* Анна Родіоновна понимаетъ васъ, идетъ съ вами рука объ руку; а моя... *(Махнувъ рукой)* Ну, да Богъ съ ней; она о дѣтяхъ печется... Я душевно радъ, что вы отъ меня за мою ренегацію не отвернулись. Тянетъ меня къ вамъ; сколько разъ ходилъ сюда съ завода, да съ полдороги вертался: духу не хватало. А вотъ, наконецъ... Вѣдь тѣломъ я на заводѣ, а душой-то здѣсь, здѣсь!.. Ну, а теперь забѣгу къ доктору въ амбулаторію, да и домой скорѣй. До свиданья! *(Жметъ руку Черемисову).* Потеплѣло у меня на душѣ съ вами... До свиданья, Татьяна Глѣбовна! *(Прощается).* Коллекцію изволили закончить?

Таня. Нѣтъ. Бросила. *(Черемисовъ тревожно наблюдаетъ за женой и дочерью).*

Дворянчиковъ. Жаль, жаль... До пріятнаго свиданья, Анна Родіоновна. *(Прощается).* Какъ вы тогда играли у Андрея Павлыча-то: вѣкъ не забуду! *(Черемисову).* А Гавріилъ Ивановичъ, какъ я слышалъ, археологіей увлекся?

Черемисовъ. Какая археологія! Просто, у предводителя поваръ хорошій: вотъ онъ и поѣхалъ туда погостить. Что-то роютъ тамъ: какіе-то черепки.

Дворянчиковъ. Хе, хе... Такъ-съ... Андрей Павловичъ, кажется, скоро въ Европу уѣзжаетъ. А къ намъ въ школу наставникъ пріѣхалъ: санктъ-петербургская штучка, въ золотыхъ очкахъ щеголяетъ. . хе-хе. Прощайте-съ! *(Идетъ и останавливается).* Вы, въ случаѣ чего, не говорите ужъ женѣ, что я тутъ былъ: вѣдь я, собственно, въ больницу пошелъ, къ доктору, насчетъ безсонницы посовѣтоваться, а сюда попалъ, такъ сказать, инкогнито... Хе, хе... До пріятнѣйшаго! *(Уходитъ).*

Черемисовъ. Танюшка, тамъ твоя публика ждетъ тебя.

Таня *(какъ-бы очнувшись)*. Какая публика?

Черемисовъ. Ты забыла? Вѣдь сегодня воскресенье?

Таня *(все еще не собравшись съ мыслями)*. Да, да...

Черемисовъ. Деревенская молодежь собралась на воскресное чтеніе.

Таня. Ахъ, да... Сейчасъ, сейчасъ... *(Беретъ съ полки книгу и уходитъ. Черезъ минуту за сценой слышится привѣтственный гулъ)*.

Черемисовъ *(притворивъ дверь, подходитъ къ женѣ)*. Анна, ты чувствуешь, что жить такъ, какъ мы съ тобой сейчасъ живемъ,—нельзя?

Анна Родіоновна. Я давно чувствую это.

Черемисовъ. Вотъ ты послушалась меня, осталась здѣсь; ты живешь съ нами, а вѣдь ты не живая. Такъ нельзя... Надо на что нибудь рѣшиться. *(Ходитъ по комнатѣ)*. Ты слышала: онъ скоро уѣзжаетъ?

Анна Родіоновна. Слышала.

Черемисовъ. Анна... я тебя больше не буду удерживать...

Анна Родіоновна *(съ больной усмѣшкой)*. А,—видно, тяжеленько вамъ обоимъ приходится со мной: и тебѣ и дочери...

Черемисовъ *(подходитъ къ женѣ)*. Анна, поговоримъ по душѣ. Въ тотъ разъ мы говорили съ тобой нехорошо, не по-товарищески. Тогда я негодовалъ на тебя, стыдилъ, упрекалъ; теперь стыжу себя самого. *(Анна Родіоновна смотритъ на него съ недоумѣніемъ и волнуется)*. Тогда я говорилъ тебѣ: „я тебя люблю, я твой мужъ— и потому требую, чтобы ты была со мной, жила моею жизнью". А теперь говорю: Анна, я люблю тебя, я твой самый близкій, и потому хочу, чтобы ты была тамъ, куда рвешься душой, и жила такъ, какъ велятъ тебѣ твои чувства, взгляды, твоя натура. Я не могу допустить, чтобы въ тебѣ зародилась тѣнь вражды противъ насъ, твоихъ близкихъ, родныхъ. Мы не ля-

жемъ камнемъ на твою душу,—не бойся: намъ слишкомъ дорога твоя душа. Мы хотимъ, чтобы въ тебѣ опять воскресла жизнь, чтобы теплѣе и свѣтлѣе было у тебя на сердцѣ. Лучше будь вдали отъ насъ живой, чѣмъ вблизи насъ мертвой. *(Анна Родіоновна плачетъ).* О чемъ? О чемъ? Анна, мы и безъ слезъ все можемъ рѣшить и устроить... Надо только вѣрить другъ другу... до конца вѣрить, Анна.

Анна Родіоновна. Сколько любви, сколько красоты въ душѣ у тебя и у Тани... Зачѣмъ нѣтъ у меня такого сердца? Отчего я не могу отдавать свою душу людямъ, какъ это дѣлаешь ты? Ты думалъ, что твоя Анна горитъ любовью къ ближнему,—а у нея только холодъ внутри, мучительный холодъ. Изъ любви къ тебѣ я старалась полюбить твой народъ, всю жизнь ломала себя, убивалась надъ мужиками, входила въ бабьи интересы, учила, утѣшала, устраивала ясли,—а внутри у меня было холодно, холодно. Я судорожно хваталась то за одно, то за другое: только бы не размышлять, только бы не оглядываться на себя! И всегда мнѣ казалось, что вотъ, вотъ упадетъ передо мной завѣса, и я увижу страшную пустоту, огромную могилу...

Черемисовъ. Да, бѣдная моя, да... Я знаю это... Даже въ тѣ минуты, когда ты бывала радостной, оживленной, я всегда чувствовалъ въ тебѣ этотъ холодъ... тамъ, гдѣ-то, на самомъ днѣ души. Такъ бываетъ весной на рѣкѣ: сверху оттаетъ, а внизу подъ водой все еще держится ледъ. *(Беретъ ея руки и смотритъ на нее).* Вотъ и теперь онъ просвѣчиваетъ въ твоихъ глазахъ.

Анна Родіоновна. Сегодня я пошла въ деревню навѣстить свою слѣпую... Она стала гладить меня по головѣ—она вѣдь по волосамъ меня узнаетъ—гладила и плакала отъ радости... и говорила, что какъ только я пришла, ей стало лучше... А я... я, вѣдь, ничего этого

не чувствовала: я только притворялась передъ ней... Я вся точно пустая...

Черемисовъ. Не могу простить себѣ, что я столько лѣтъ прожилъ съ тобой и не заглянулъ ни разу поглубже въ твою душу, не разсмотрѣлъ, что тамъ стонетъ въ ней, не помогъ тебѣ въ твоей страшной душевной ломкѣ. Моя вина, моя вина!

Анна Родіоновна. Ахъ, какъ ужасно быть мертвой среди живыхъ! *(Слышенъ звукъ подъѣхавшаго экипажа. Анна Родіоновна вздрагиваетъ и прислушивается. Черемисовъ старается подавить въ себѣ волненіе и казаться особенно бодрымъ).*

Черемисовъ. Не отчаивайся, Анна... Еще загорится въ тебѣ душа... Ты еще оживешь, бѣдняжка моя; ты еще... *(Входитъ Крузовъ, одѣтый по-дорожному).*

8. Крузовъ.

Крузовъ. Не удивляйся, что я такъ поздно: я заѣхалъ проститься. *(Протягиваетъ Черемисову руку).*

Черемисовъ *(не безъ колебанія подаетъ свою).* Ты уѣзжаешь?

Крузовъ. Да, сегодня съ ночнымъ поѣздомъ. *(Здоровается съ Анной Родіоновной).*

Черемисовъ. Куда? въ Петербургъ?

Крузовъ. Сначала въ Петербургъ, а потомъ за границу.

Черемисовъ. Да, да, вотъ ты какъ... Ну, я сейчасъ... Мнѣ нужно отдать тебѣ... Я сейчасъ... *(Поспѣшно уходитъ).*

Крузовъ. Вы ѣдете со мной? *(Анна Родіоновна не отвѣчаетъ).* Вчера вы писали мнѣ, что ѣдете.

Анна Родіоновна. Да, я писала...

Крузовъ. Глѣбъ знаетъ?

Анна Родіоновна. Знаетъ.

Крузовъ. Ну, и что же?

Анна Родіоновна. Онъ не удерживаетъ меня...

Крузовъ. Вотъ какъ? Я узнаю Глѣба... Онъ понялъ, что вамъ не такая жизнь нужна, что никто въ этомъ не виноватъ... Да, это съ его стороны умно и... честно. Вы собрались въ дорогу?

Анна Родіоновна. Нѣтъ.

Крузовъ. Но вѣдь я писалъ вамъ, что заѣду за вами? Или у васъ не хватаетъ духу разомъ сжечь корабли? *(Анна Родіоновна молчитъ).* Или вы, можетъ быть, все еще не довѣряете мнѣ, какъ тогда съ векселемъ?

Анна Родіоновна. Нѣтъ, я вѣрю вамъ.

Крузовъ. Вполнѣ?

Анна Родіоновна. Вполнѣ.

Крузовъ. И препятствій къ отъѣзду у васъ никакихъ нѣтъ?

Анна Родіоновна. Препятствій нѣтъ.

Крузовъ. Такъ, значитъ, ѣдемъ. Да будьте же повеселѣе: все на свѣтѣ происходитъ гораздо проще, чѣмъ кажется; надо только быть посмѣлѣе и поменьше философствовать надъ жизнью. Что у васъ сейчасъ въ мысляхъ, никакъ я не пойму? *(Входитъ Черемисовъ, держа въ рукахъ бумагу).*

Черемисовъ. Вотъ тебѣ вексель взамѣнъ уничтоженнаго.

Крузовъ. Не нужно мнѣ твоего векселя.

Черемисовъ. Я требую, чтобы ты взялъ его.

Крузовъ *(пожимая плечами).* Изволь, если тебѣ такъ хочется. Все равно, я брошу его въ печку.

Черемисовъ. Это для меня безразлично. Я отдамъ тебѣ, что долженъ. Часть долга вышлю тебѣ на дняхъ, а часть...

Крузовъ. Но вѣдь ты разоряешь себя?

Черемисовъ. Это не твоя забота.

Крузовъ. Наконецъ, что же ты будешь дѣлать здѣсь, сидя на развалинахъ?

Черемисовъ *(не отвѣчая ему)*. Анна, ты ѣдешь съ нимъ? Если да, то возьми у меня денегъ... У него ничего не бери... Пока я могу дать тебѣ немного; потомъ вышлю... *(Женѣ)*. Если ты ѣдешь съ нимъ, зачѣмъ откладывать? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, легче... Уѣзжай такъ, чтобы Таня не видала, а то она и безъ того... Потомъ мы съ ней какъ-нибудь...

Крузовъ. Онъ правъ. Рѣшайте скорѣе.

Черемисовъ. Анна, если ты думаешь, что я или дочь твоя... Повѣрь мнѣ: мы не будемъ судить тебя: ни я, ни Таня. Мы хотимъ только, чтобы ты была живой... Мы будемъ любить тебя, какъ всю жизнь любили, будемъ все такъ же болѣть и радоваться за тебя... И когда бы ты ни вернулась къ намъ, ты всегда будешь для насъ близкой, любимой... И всегда мы... Вѣрь мнѣ, Анна... Зачѣмъ мучиться? Надо жить... да. Надо искать жизни. Ты вотъ что: ты живи,—а все прочее... Э, да что говорить... Главное: живи!

Крузовъ. Онъ тысячу разъ правъ. Пока человѣкъ не умеръ, онъ долженъ жить, а не ходить около жизни... какъ мы съ вами. Какая цѣна, какой смыслъ въ самомъ добродѣтельномъ существованіи, если человѣкъ мертвъ?

Анна Родіоновна. „Жить?“ Вы оба говорите это?.. „Искать жизни“? А я вотъ знаю, что довольно мнѣ выѣхать за околицу,—и я буду, какъ безумная, рваться сюда назадъ, точно я здѣсь душу свою покинула... *(Черемисовъ дѣлаетъ порывистое движеніе къ ней, но сдерживается)*.

Крузовъ *(отступая въ изумленіи)*. Что же это? Давно ли вы...

Анна Родіоновна. Какъ! Мы будемъ съ вами искать жизни, а въ это время они, мои близкіе, брошенные мной...

Крузовъ *(понуривъ голову)*. Я такъ и зналъ, что вамъ будетъ жаль мужа.

Анна Родіоновна. Нѣтъ, нѣтъ,—не то... Во мнѣ сейчасъ не то. Жаль мужа, дочери? Нѣтъ, это не остановило бы меня. Или вы думаете, что я не жалѣла ихъ до боли, когда писала вамъ, что ѣду? Я знала, что мнѣ придется насильно оторвать себя отъ нихъ... И все-таки я уѣхала бы съ вами... А вотъ теперь не въ силахъ оторваться! Ну, говорите же что-нибудь, объясните мнѣ... Ну, оторвите меня отъ него, если можете!

Крузовъ. Увы! не могу. Для меня теперь ясно, что вы никогда не уѣдете отъ него. Глѣбъ, ты еще разъ побѣдилъ меня. Ну, что же дѣлать... Значитъ, такъ суждено. Я всегда чувствовалъ это въ глубинѣ души, а теперь хорошо понялъ... *(Къ Аннѣ Родіоновнѣ)*. Мы съ вами всю жизнь коченѣемъ отъ холода:—мы не можемъ отогрѣть другъ друга... А вотъ у него есть огонь, у котораго всякому хочется погрѣться. Все живое летитъ на огонь... да. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Для меня теперь это ясно... да. Ну, и значитъ... значитъ, прощайте. *(Идетъ. Анна Родіоновна въ страшномъ волненіи отворачивается, чтобы не видѣть, какъ онъ уходитъ)*.

Черемисовъ. Постой! *(Подходитъ къ нему и протягиваетъ ему руку)*.

Крузовъ *(продолжительно пожавъ ему руку)*. Счастливо оставаться. *(Идетъ)*.

Черемисовъ. Куда тебѣ выслать деньги?

Крузовъ. Денегъ я не возьму.

Черемисовъ. Опять великодушіе?

Крузовъ. Нѣтъ, это просто равнодушіе. Мнѣ никого и ничего не нужно. Прощайте. *(Уходитъ)*. *(Черемисовъ задумчиво смотритъ ему вслѣдъ; видимо, онъ не можетъ собраться съ мыслями. Слышенъ звонъ бубенчиковъ. Анна Ро-*

діоновна подходитъ къ окну, отворяетъ его, высовывается и смотритъ).

Черемисовъ *(тихо).* Анна... *(Анна Родіоновна не слышитъ; Черемисовъ смотритъ на нее, потомъ осторожно подходитъ и кладетъ ей на плечо руку; Анна Родіоновна вздрагиваетъ. Задушевнымъ тономъ)*: Анна, его еще можно вернуть...

Анна Родіоновна *(съ измѣнившимся лицомъ).* Я пойду туда... къ нему.

Черемисовъ. Къ кому?

Анна Родіоновна. Къ сыну... Я тамъ у него посижу... Я немножко... Ты не ходи за мной... *(Выходитъ. Черемисовъ въ тревожномъ недоумѣніи). (Входитъ Таня съ книгой).*

9. Таня.

Таня. Онъ уѣхалъ? Совсѣмъ уѣхалъ?

Черемисовъ. Да... Отчего ты не вышла проститься?

Таня. Онъ спрашивалъ обо мнѣ?

Черемисовъ. Нѣтъ.

Таня. Такъ зачѣмъ же я... *(Обрывается).* А гдѣ мама?

Черемисовъ. Она тутъ... Она пошла... погулять. *(Подходитъ къ окну и смотритъ).* Вонъ она идетъ.

Таня *(ставитъ книгу на полку и обводитъ глазами книги).* Папа, я не знаю, что прочитать имъ. Мнѣ все кажется неинтереснымъ. Никакъ не могу сообразить... *(Взглядываетъ на отца, который не слушаетъ ее, беретъ съ полки книгу, раскрываетъ ее и въ изнеможеніи прислоняется къ полкѣ. Лампа догораетъ и начинаетъ гаснуть).*

Черемисовъ *(самъ съ собой).* Все въ ней переболѣло... живого мѣста не осталось. *(Закрываетъ окно и поворачивается къ Танѣ; та, чтобы скрыть отъ отца свое настроеніе, садится, перелистываетъ книгу и дѣлаетъ видъ, что просматриваетъ ее).* Мама твоя не вынесла деревни... да. А мы съ тобой? Не догоримъ ли и мы скоро, какъ

вотъ эта лампа? Мы ждемъ, что вотъ, вотъ взойдетъ какое-то солнце и все озаритъ кругомъ, мы вѣримъ въ это. А взойдетъ ли оно? Озаритъ ли? А если по прежнему будетъ моросить и конца не будетъ этой безпросвѣтной мути? Усталъ я... *(Подходитъ къ Танѣ).* И ты, голубка моя, устала... или душа у тебя болитъ? *(Кладетъ ей на голову руку).* Не пора ли намъ съ тобой, Танюшка, взяться за умъ-а? Перестать надрываться, пожить хоть годъ спокойно, беззаботно? Вѣдь жизнь уплываетъ, уплываетъ...

10. Марья Платоновна.

Марья Платоновна *(вбѣгаетъ).* Господа! Авдеево горитъ! Этакое несчастье!

Черемисовъ. Авдеево? *(Подбѣгаетъ къ стеклянной двери и отдергиваетъ портьеру. Видно зарево. Свиститъ вѣтеръ).* Да, это оно, оно! Надо бѣжать!

Марья Платоновна. Постойте, я принесу вамъ... Вотъ бѣда, вотъ бѣда! *(Убѣгаетъ).*

Черемисовъ. Таня, ѣдемъ! Тебѣ не въ первый разъ. Тебя народъ слушается... Ѣдемъ! Теперь нельзя предаваться грусти... Надо дѣйствовать, надо спасать!

Марья Платоновна *(вбѣгаетъ съ картузомъ и пальто для Черемисова и верхней одеждой и платкомъ для Тани).* Вотъ вамъ пальто. *(Суетъ ему въ руки пальто).* Не смѣйте безъ пальто... Нынче холодно... Танечка! *(Кладетъ около нея пальто и платокъ).*

Черемисовъ *(беретъ пальто и бросаетъ его).* Ну, тамъ то, въ огнѣ, не холодно... Вы забѣгите къ Михайлѣ, велите поскорѣй дрожки заложить... или Любашѣ скажите.

Марья Платоновна. Нѣтъ, я сама, сама... Извольте пальто взять! *(Суетъ ему пальто).*

Черемисовъ. Я сейчасъ велю трубу... Бросьте пальто! *(Подходитъ къ Танѣ).* Таня, собирайся скорѣй!

Марья Платоновна. Ахъ ты, Господи,—на горе вѣтеръ подымается! Чистая бѣда. Бѣгу, бѣгу! Ахъ это несчастное село! *(Убѣгаетъ. За сценой набатъ).*

Черемисовъ. Таня, что же это?

Таня *(ломая руки).* Не могу...

Черемисовъ. Какъ?! и ты?! Да вѣдь тамъ послѣднее сгоритъ! Вѣдь надо пожалѣть!

Таня *(съ отчаяніемъ).* Да не могу же я, не могу!

Черемисовъ. Вѣдь твои же земляки горятъ, твой же родной народъ! Ну, что же? Ѣдешь? Нѣтъ? Такъ помни: завтра ты пожалѣешь объ этомъ, вотъ какъ пожалѣешь! *(Торопливо уходитъ въ дверь, ведущую на балконъ. Черезъ распахнутую дверь доносится отдаленный шумъ пожара. Зарево все разгорается. Набатъ. Слышны голоса:— Черемисова*: Михайла! Гдѣ Михайла? Вызови скорѣй! Что же вы тамъ застряли? *Марьи Платоновны*: Павелъ, Павелъ! Да что васъ не дозовешься? Да поворачивайтесь вы, ради Бога! *и смѣшанные голоса рабочихъ. Таня мучительно борется съ собой, то смотря на зарево и прислушиваясь къ шуму, то падая въ отчаяніи головой на столъ. Анна Родіоновна всходитъ по лѣстницѣ изъ сада на балконъ и останавливается у двери).*

11. Анна Родіоновна.

Анна Родіоновна *(смотря на зарево).* Горятъ, опять горятъ... Смотри, какой огненный вѣеръ раскинулся... Глѣбъ поѣхалъ. Всѣ бѣгутъ туда... А мы? Что насъ сковало? Страшно жить. Таня... Что же ты молчишь? Говори что-нибудь.

Таня *(которую уже начали душить рыданія, съ внезапнымъ порывомъ вскакиваетъ съ мѣста, хватаетъ машинально платокъ и бѣжитъ черезъ балконъ въ садъ; за сценой кричитъ)*: Папа, папа! Подожди... Остановись! Возьми меня съ собой! Папа! Марья Платоновна... остановитесь!..

Анна Родіоновна *(прислонясь въ изнеможеніи къ двери, говоритъ, какъ бы въ забытьи).* Пѣсню бы заунывную... чтобы дрожало сердце, чтобы разрывалось отъ слезъ... Пѣсню бы... *(Подходитъ къ фортепьяно, садится, беретъ одинъ аккордъ, другой, потомъ, рыдая, падаетъ головой на клавиши).*

ЗАНАВѢСЪ.

